

**СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
КУЛЬТУР
ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО
РЕГИОНА**

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ
А. Ю. СКАКОВА**

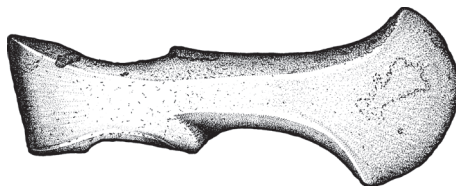
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
КУЛЬТУР
ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО
РЕГИОНА

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ
А. Ю. СКАКОВА

1 декабря 2023 г.

Москва 2023

Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

УДК 902/904
ББК 63.4
С25

Утверждено к печати
Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор
к. и. н. А.Н. Гей

Рецензенты:
к. и. н. А. А. Клещенко, к. и. н. Ю. В. Лунькова

Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона:
Материалы конференции, посвященной памяти А. Ю. Скакова. – М.:
ИА РАН, 2023. – 134 с., ил.

В сборнике публикуются материалы конференции, посвященной памяти выдающегося учёного-кавказоведа Александра Юрьевича Скакова. Работы по большей части касаются сферы научных интересов А.Ю. Скакова: эпоха бронзы и ранний железный век Кавказа и Юго-Восточной Европы – в первую очередь, это кобано-колхидская тематика, а также этнографии Кавказа.

ISBN 978-5-94375-416-6
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-416-6

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2023
© Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Юрьевич Скаков (28.11.1971 – 28.06.2023)	5
Список печатных работ Александра Юрьевича Скакова	9
<i>Березин Я. Б.</i> О кобанских подкурганых погребениях Северного Ставрополя	48
<i>Брилева О. А., Колганова Г. Ю.</i> Булавка с зооморфным навершием из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина (коллекция А. В. Живаго)	53
<i>Геворкова Д. А., Журавлев Д. В., Скаков А. Ю.</i> Новые находки закавказских бронзовых пластинчатых поясов в собрании ГИМ	58
<i>Канторович А. Р., Маслов В. Е.</i> Погребения эпохи бронзы в кургане № 1 могильника Новозаведенное-V	63
<i>Кашуба М. Т.</i> Концептуальные особенности начала железного века в Восточной Европе	68
<i>Корневский С. Н.</i> К вопросу о появлении втульчатого и клинкового оружия из бронзы на Кавказе	81
<i>Коробов Д. С., Райнхольд С.</i> Новый тип поселений позднего бронзового – раннего железного веков на южной окраине Кисловодской котловины	84
<i>Палагута И. В., Старкова Е. Г.</i> О подходах к исследованию древних орнаментов: организация композиции как показатель культурных изменений	93
<i>Пелих А. Л., Джошуа А. И., Скаков А. Ю.</i> Лыхненский клад бронзовых топоров: старые и новые данные	101
<i>Салбиев Т. К.</i> Об одной бронзовой привеске из могильника Терезе (ритуально-мифологический аспект)	111
<i>Чишев В. Т.</i> Обряд вторичного захоронения в памятниках колхидской археологической культуры и ряд ранних погребальных комплексов Адайдонского некрополя кобанской культуры	119
<i>Эрлих В. Р., Джошуа А. И., Скаков А. Ю.</i> Серебряный кубок из села Ачандара	125
Сведения об авторах	131

**Александр Юрьевич Скаков
(28.11.1971 – 28.06.2023)**

28 июня 2023 г. скоропостижно ушел из жизни научный сотрудник отдела археологии бронзового века Института археологии РАН, заместитель директора Института востоковедения РАН Александр Юрьевич Скаков.

А. Ю. Скаков родился 28 ноября 1971 г. в Москве, после окончания кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова поступил в аспирантуру Института археологии, где в 1998 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную типологии орнаментированных топоров кобано-колхидской культурно-исторической общности, под руководством Владимира Ивановича Марковина. Основными научными интересами Александра Юрьевича в течение всей его жизни были яркие культуры Кавказа эпохи позднего бронзового и раннего железного века. Начав свою творческую деятельность с материалов кобанской культуры, А. Ю. Скаков постепенно переместил

экспедиционную активность на южную сторону Кавказского хребта, и с 2002 г. возглавил Гудаутскую, а с 2006 г. – Ткуарчельскую российско-абхазскую экспедицию. Вплоть до последнего дня он не терял контакта с абхазскими коллегами, готовясь к грядущему сезону полевых работ. При этом, он не оставлял своим вниманием и другие экспедиционные кампании на Кавказе, принимая участие в работах на территории Северной и Южной Осетии, Кабардино-Балкарии, Краснодарского края.

Обладая поистине энциклопедическими знаниями, Александр Скаков оставил богатое наследие не только в области археологии. Его яркому перу принадлежит множество сочинений по политическим вопросам в современном Закавказье, по истории культуры, жизни русских святых и литературной среде Серебряного века. Недавно вышла его монография по региональной истории Сухумского района Республики Абхазии. Он щедро делился своими знаниями с коллегами, с молодым поколением ученых, с аспирантами и студентами. До последней минуты, пока была возможность, следил за работой своих учеников.

Не будет преувеличением сказать, что с уходом Александра Юрьевича Скакова наша отечественная наука и культура понесли серьезную утрату. Прежде всего это касается кавказоведения в целом и, особенно, области его основных интересов – археологии эпохи бронзы и раннего железного века Северного Кавказа и Закавказья. Нам будет очень не хватать острых полемических выступлений и дружеских бесед с нашим другом и коллегой, Александром Скаковым, или Шарлем, как все привыкли называть его со студенческой скамьи.

Светлой памяти нашего товарища и друга мы посвящаем эту конференцию – первую без него...

Д. С. Коробов

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВИЧА СКАКОВА¹

Научные работы по археологии

1994

Относительная хронология погребений Тлийского могильника // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994. С. 37–38.

1996

Железодельный комплекс на поселении Сауар // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX «Крупновские чтения». М., 1996. С. 116–117. *(В соавторстве с Мошинским А. П.)*.

Работы Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1991–1995 годах // Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 годах. М., 1996. С. 35–37. *(В соавторстве с Мошинским А. П.)*.

1997

К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М., 1997. С. 70–87.

Работы в Дигорском ущелье Северной Осетии // Археологические открытия 1996 года. М., 1997. С. 220–221. *(В соавторстве с Мошинским А. П.)*.

1998

Изображения звериных лап и голов в кобано-колхидском графическом искусстве // Древности Северного Кавказа. Махачкала, 1998. С. 96–104.

Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // Историко-археологический альманах / Армавир. краевед. музей. Вып. 4. Армавир; М., 1998. С. 12–23.

Семантика топора и стрелы у древнего населения Кавказа // Военная археология: оружие и военное дело в исторической перспективе. СПб., 1998. С. 44–47.

Эволюция кобано-колхидского графического стиля и его локальные варианты // XX юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. С. 116–118.

---

¹ Список работ составлен А.Ю. Скаковым, дополнен и отредактирован Д.В. Журавлевым и В.Ю. Луньковым.

1999

Культовый комплекс в производственном квартале кобанского поселения Сауар // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1999. С. 146–148. *(В соавторстве с Мошинским А. П.)*.

Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 121–135.

Работы в Дигории // Археологические открытия 1997 года. М., 1999. С. 181–182. *(В соавторстве с Мошинским А. П.)*.

2000

К вопросу о хронологии некоторых закавказских кладов эпохи поздней бронзы // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Кисловодск, 2000. С. 132–133.

Новые исследования по кобанской культуре // РА. 2000. № 2. С. 205–212. *(В соавторстве с Мошинским А. П.)*.

2001

Некоторые редкие мотивы кобано-колхидского графического искусства // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 97–122.

Хронология протокобанских памятников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 233–238.

Исследования в Дигорском ущелье // Археологические открытия 1999 года. М., 2001. С. 160–161. *(В соавторстве с Мошинским А. П.)*.

Культы кобанского поселения Сауар // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 86–102. (Материалы по археологии России; № 3). *(В соавторстве с Мошинским А. П.)*.

2002

К вопросу о хронологии Красномаякского могильника // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: материалы междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб., 2002. С. 220–232.

Клад из Мехчис-цихе в контексте хронологии некоторых археологических памятников Юго-Западного Закавказья // РА. 2002. № 2. С. 132–141. *(В соавторстве с Вальчаком С. Б.)*.

2003

К вопросу о хронологии Красномаякского могильника // Абхазоведение: история, археология, этнология. Вып. 2. Сухум, 2003. С. 30–41.

К вопросу о хронологии могильника Гуадику // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: резюме докладов XI междунар. науч. конф. (31 мая – 5 июня 2003 г.). Ростов-на-Дону, 2003. С. 11.

Об одной категории протокобанских украшений // РА. 2003. № 1. С. 91–102.

Сурьмяные украшения Дигорского ущелья протокобанской эпохи // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: тез. конф. Ч. II. М.: ГИМ, 2003. С. 18–22.

Хронология могильников Колхиды раннего железного века // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб., 2003. С. 142–144.

Памяти Николая Константиновича Шенкао (1937–2003) // РА. 2003. № 4. С. 178–179. (В соавторстве с Авидзба В. Ш.).

Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА. 2003. № 3. С. 114–122. (В соавторстве с Вальчаком С. Б.).

Работы в Бзыбской Абхазии // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С. 455–457, рис. 43. (В соавторстве с Джошуа А. И., Брилевой О. А.).

2004

К вопросу о нартовских ныхасах Кавказа // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы: тез. докл. науч. конф. (16–19 ноября 2004 г.). М., 2004. С. 169–172.

Некоторые проблемы и перспективы изучения колхидской культуры // Древний Кавказ: ретроспекция культур: междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тез. докл. М., 2004. С. 178–181.

Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Абхазского ин-та гуманитар. исслед. им. Д. И. Гулиа (28–31 мая 2001 г.). Сухум, 2004. С. 188–196.

Новые находки в селе Абгархук из Абхазии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 335–343. (В соавторстве с Бжания Д. С.).

Комплексы второй половины V–IV вв. до н. э. с бронзовыми «эгретками» из Абхазии // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь, 2004. С. 27–46. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Новый памятник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // Абхазоведение: история, археология, этнология. Вып. III. Сухум, 2004. С. 40–59. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004. С. 66–84. (В соавторстве с Джошуа А. И., Шамба Г. К.).

Раскопки поселения эпохи бронзы в селе Абгархук // XLVIII итоговая научная сессия (11–13 мая) Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии: тез. докл. Сухум, 2004. С. 19–22. (В соавторстве с Джошуа А. И., Цвинария И. И.).

Работы в селе Абгархук Бзыбской Абхазии // Археологические открытия 2003 года. М., 2004. С. 522–525. (В соавторстве с Джошуа А. И., Цвинария И. И., Брилевой О. А., Филатовой А. Н.).

2005

Ареал распространения и назначение «нартовских ныхасов» Кавказа // II международная научная конференция «Полевая этнография»: материалы конф. СПб., 2005. С. 66–67.

Беденская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 3. М., 2005. С. 157.

Два бронзовых топора из Бзыбской Абхазии // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тез. докл. Краснодар, 2005. С. 264–265.

К изучению хронологии колхидской культуры // РА. 2005. № 3. С. 16–24.

Ещё раз о хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С. 201–227. (В соавторстве с Эрлихом В. Р.).

К вопросу о времени бытования мотыжек типа «Сочи-Адлер» // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тез. и докл. Краснодар, 2005. С. 261–263. (В соавторстве с Джоуа А. И., Цвинария И. И.).

Новые данные об Абгархукском поселении // XLIX итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа: тез. докл. Сухум, 2005. С. 23–26. (В соавторстве с Джоуа А. И., Цвинария И. И.).

Новый позднекобанский комплекс из горной Чечни // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С. 504–509. (В соавторстве с Сташенковым Д. А.).

Работы в селе Абгархук Гудаутского района Абхазии // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 563–565. (В соавторстве с Джоуа А. И., Цвинария И. И., Брилевой О. А., Филатовой А. Н.).

2006

Ганджа // Большая Российская Энциклопедия. Т. 6. М., 2006. С. 378.

Вани // Большая Российская Энциклопедия. Т. 4. М., 2006. С. 581.

Вишاپ // Большая Российская Энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 414.

Ещё раз к вопросу о кобано-колхидском единстве // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: Третья Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения профессора Г. А. Федорова-Давыдова: тез. докл. М., 2006. С. 45–47.

К вопросу о происхождении обряда кремации у кобанских и колхидских племен // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия: Первая Абхазская междунар. археолог. конф.: посвящ. памяти Ю. Н. Воронова: материалы / Отв. ред. В. В. Бжания. Сухум, 2006. С. 325–328.

К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа // Производственные центры, источники, «дороги», ареал распространения: материалы тематич. науч. конф. СПб., 2006. С. 80–85.

«Нартовские ныхасы» Кавказа // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии: памяти В. Н. Чернецова. М., 2006. С. 282–312.

Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006. С. 172–175.

Проблемы выделения археологических культур эпохи поздней бронзы – раннего железа в Западном Закавказье // Современные проблемы археологии России: материалы Всерос. археолог. съезда (23–28 октября 2006 г.). Т. I. Новосибирск, 2006. С. 461–463.

Исследования совместной археологической экспедиции ИА РАН и АБИГИ на территории Абхазии в 2002–2005 гг. // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С. 82–85. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Могильник абазгов в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар, 2006. С. 235–260. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Великентский комплекс // Большая Российская Энциклопедия. Т. 4. М., 2006. С. 734. (В соавторстве с Магомедовым Р. Г.).

Исследования Абгархукского поселения в 2005 г. // 50-я итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии: тез. докл. Сухум, 2006. С. 47–51. (В соавторстве с Джошуа А. И., Цвинария И. И., Гольевой А. А.).

2007

Даблагоми // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 209.

Дигорская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 729.

Дольмен // Большая Российская Энциклопедия. Т. 9. М., 2007. С. 225–226.

Дольменная культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 9. М., 2007. С. 226.

Гинчинская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 7. М., 2007. С. 149.

К вопросу о погребальных обрядах населения древней Колхиды // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2007. С. 215–218.

К вопросу о функционировании перевальных коммуникаций на Западном и Центральном Кавказе в древности // Восток в эпоху древности: Новые методы исследований: Междисциплинарный подход, общество и природная среда: тез. конф. М., 2007. С. 44–45.

«Кобанская бронза» Бзыбской Абхазии // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. С. 102–105.

Некоторые неопубликованные позднекобанские древности Чечни // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2007. № 1. С. 176–182.

Некоторые проблемы изучения хронологии колхидской культуры // Вестник Академии наук Абхазии. 2007. № 2. С. 189–208.

Позднеколхидские памятники у перевалов Главного Кавказского хребта // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы Междунар. науч. конф. Ч. II. СПб., 2007. С. 196–205.

«Черная археология» в Абхазии // Международный художественный бизнес в контексте глобализации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2007. С. 57–61.

Двин // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 373. (В соавторстве с Гавритухиным И. О.).

Дманиси // Большая Российская Энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 120. (В соавторстве с Зубовым А. А.).

Жилище эпохи бронзы на территории Абхазии // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2007. С. 202–204. (В соавторстве с Гольевой А. А., Джоуа А. И.).

Исследования в Абхазии // Археологические открытия 2005 г. М., 2007. С. 576–578. (В соавторстве с Джоуа А. И., Цвинария И. И.).

Памяти Георгия Кучовича Шамба // РА. 2007. № 3. С. 186–190. (В соавторстве с Эрлихом В. Р., Джоуа А. И.).

Грузия (Исторический очерк: археология) // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 57. (В соавторстве с Михалёва Н. А. и др.).

Гянджа // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 207. (В соавторстве с Арапов Д. Ю. и др.).

Дагестан (Исторический очерк: археология) // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. (В соавторстве с Михалёва Н. А. и др.).

Дагестан (археология) // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. (В соавторстве с Аликберов А. К. и др.).

2008

Две пряжки из могильника Фаскау и судьбы кобано-колхидского графического искусства // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематич. науч. конф. СПб., 2008. С. 144–148.

Зандак клад // Большая Российская Энциклопедия. Т. 10. М., 2008. С. 230.

Казбекский клад // Большая Российская Энциклопедия. Т. 12. М., 2008. С. 444.

К вопросу о хронологии некоторых закавказских кладов эпохи поздней бронзы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. С. 709.

Комплекс археологических памятников у селения Камунта в горной Дигории // Северный Кавказ в древности и в средние века. Махачкала, 2008. С. 129–151.

Криминальный промысел «черных» археологов // Республика Абхазия. 2008. № 10 (2238) (29–30 января).

Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. С. 955–956.

Относительная хронология погребений Тлийского могильника // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. С. 514.

Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н. э. // РА. 2008. № 1. С. 15–27.

Происхождение и хронология фибул древней Колхиды // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Владикавказ, 2008. С. 342–344.

Урарту и Колхида: к вопросу о связях // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М., 2008. С. 67–69.

Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // Revista Arheologică. Serie nouă. 2008. Vol. IV. № 2. С. 74–99.

Эволюция кобано-колхидского графического стиля и его локальные варианты // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. С. 647–648.

Бронзовые «эгретки» из Абхазии // Труды Абхазского государственного музея. Вып. VI. Сухум, 2008. С. 3–25. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Джантухский могильник в контексте древней истории Колхиды: новые исследования // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М., 2008. С. 69–72. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Джантухский могильник – памятник локального варианта Ингури-Рионской колхидской культуры // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Владикавказ, 2008. С. 345–347. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Раскопки Джантухского могильника // 52 научная отчетная сессия Абхазского института гуманитарных исследований: тез. докл. Сухум, 2008. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Древние металлурги Горной Осетии // Горный журнал. Цветные металлы. Черные металлы. Обогащение руд. 2008. Спец. вып. Посвящен Государственному историческому музею. С. 5–9. (В соавторстве с Мошинским А. П.).

Железодельный комплекс на поселении Сауар // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. М., 2008. С. 582. (В соавторстве с Мошинским А. П.).

Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие её понятия // В. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения: I Всероссийские Миллеровские чтения: тез. докл. Владикавказ, 2008. С. 28–29. (В соавторстве с Мошинским А. П.).

Абгархукское поселение в контексте поселенческих памятников Западно-го Закавказья эпохи бронзы // *Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии)*: тез. докл. Междунар. науч. конф. М., 2008. С. 13–15. (В соавторстве с Джошуа А. И., Гольевой А. А.).

Ингушетия (Исторический очерк: археология) // *Большая Российская Энциклопедия*. М., 2008. (В соавторстве с Страшун Б. А. и др.).

2009

Кармир-Бердская культура // *Большая Российская Энциклопедия*. Т. 13. М., 2009. С. 186.

Каякентско-харачоевская культура // *Большая Российская Энциклопедия*. Т. 13. М., 2009. С. 420.

Квишарские клады // *Большая Российская Энциклопедия*. Т. 13. М., 2009. С. 498.

Клдеети // *Большая Российская Энциклопедия*. Т. 14. М., 2009. С. 245.

Кироваканский курган // *Большая Российская Энциклопедия*. Т. 14. М., 2009. С. 33.

Кобанская культура // *Большая Российская Энциклопедия*. Т. 14. М., 2009. С. 361.

Колхидская культура // *Большая Российская Энциклопедия*. Т. 14. М., 2009. С. 564.

Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // *КСИА*. 2009. Вып. 223. С. 143–172.

Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии // *Кавказ: Археология и этнология: материалы Междунар. науч. конф.* Баку, 2009. С. 173–177. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Древнейшие погребения Джантухского могильника // *Историко-археологический альманах*. Вып. 9. Армавир; Краснодар; М., 2009. С. 17–27. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Некоторые новые случайные находки эпохи раннего железа из Бзыбской Абхазии // *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 2009. С. 352–355. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Раскопки на горе Джантух // АО 2006 г. М., 2009. С. 724–726. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Ачандара акытантэи абазгаа рыпсыжырта // Алашара. 2009. № 3. С. 156–160. (В соавторстве с Цъануа А. И.).

Разведки на горе Лашкендар // АО 2006 г. М., 2009. С. 721–722. (В соавторстве с Джошуа А. И., Федотовой А. В.).

Новые поселения эпохи бронзы – раннего железа на территории Имеретинской низменности и их место в системе поселенческих древностей Северо-Западного Закавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 90–93. (В соавторстве с Джошуа А. И., Мимоходом Р. В., Клещенко А. А.).

2010

Ареал распространения и хронология крестовидных подвесок на Кавказе // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Магас, 2010. С. 324–327.

Археологические исследования в Абхазии // Институт археологии: Новые полевые исследования. М., 2010. С. 28–29.

К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: сб. ст. к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010. С. 48–67.

Крупнов Евгений Игнатьевич // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 128.

Кувшинные погребения // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 246.

Кумбулта // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 330.

Куро-Аракская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 421.

Куфтин Борис Алексеевич // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 479.

Кызыл-Ванк // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 507.

О формировании и исторических судьбах Бзыбской колхидской культуры // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: междунар. науч. конф. (Тбилиси, 25–27 июня 2009): сб. крат. содерж. докл. Тбилиси, 2010. С. 263–264.

Исследования на горе Джантух // АО 2007 г. М., 2010. С. 565–567. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Абгархукское поселение эпохи бронзы в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11. Армавир, 2010. С. 32–73. (В соавторстве с Джошуа А. И., Гольевой А. А.).

Jantuch Burial of the Early Iron Epoch in Abhazya // 2nd International Congress of Eurasian archaeology. East Anatolian and Caucasian bronze Age Cultures (ICEA 2010, Tire): Abstracts. Izmir, 2010. P. 24. (В соавторстве с Dzhopia A.).

2011

Абхазия в контексте древней истории Восточного Причерноморья // Первые международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). Сухум, 2011. С. 329–347.

Абхазия в эпоху античности: страна на перекрестке культур и коммуникаций // Материалы Первой международной научной конференции, посвященной 65-летию В.Г. Ардзинба. Сухум, 2011. С. 115–129.

Колокольчики «казбекского типа» // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса). Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 383–385.

Луговой // Большая Российская Энциклопедия. Т. 18. М., 2011. С. 99–100.

Луристанские бронзы // Большая Российская Энциклопедия. Т. 18. М., 2011. С. 152.

Лчашен // Большая Российская Энциклопедия. Т. 18. М., 2011. С. 175–176.

Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М., 2011. С. 95–113.

Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 4 (65). С. 121–132.

Тальши-муганская археологическая культура. Краткий очерк // The 2nd International Conference on Talishi Studies: Abstracts. Yerevan, 2011. С. 22–24.

Вклад М.М. Трапш в изучение древностей Абхазии // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Вторая Абхазская Междунар. археолог. конф. (8–12 ноября 2008 г.): посвящ. памяти М.М. Трапш: материалы. Сухум, 2011. С. 9–13. (В соавторстве с Бгажба О.Х.).

Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Вторая Абхазская Междунар. археолог. конф. (8–12 ноября 2008 г.): посвящ. памяти М.М. Трапш: материалы. Сухум, 2011. С. 132–147. (В соавторстве с Джошуа А.И.).

Древнейшие погребения Джантухского могильника // Абхазоведение: археология, история, этнология. Вып. V–VI. Сухум, 2011. С. 8–26. (В соавторстве с Джошуа А.И.).

Исследования Джантухского могильника // АО 2008 г. М., 2011. С. 532–533. (В соавторстве с Джошуа А.И.).

К вопросу о датировке Лашкендарского храма и рельефа с барсами // Первые международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). Сухум, 2011. С. 362–363. (В соавторстве с Джошуа А.И.).

Материалы защиты Ю. Н. Вороновым диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук // Проблемы археологии Кавказа: к 70-летию Ю. Н. Воронова: сб. материалов Междунар. науч. конф. Сухум, 2011. С. 202–298. (В соавторстве с Чхаидзе В. Н.).

Новые данные о поселениях района Сочи в эпоху раннего железа (по материалам раскопок в Имеретинской низменности) // Проблемы археологии Кавказа: сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 61–74. (В соавторстве с Мимоходом Р. А., Клещенко А. А.).

2012

Археология в Абхазии на рубеже XX–XXI вв. Проблемы и перспективы // Международный симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика Иосифа Абгаровича Орбели: тез. докл. Ереван, 2012. С. 107–115.

Комментарии к статье Б. Тержан «В поисках Медеи – исследование по раннему железному веку Кавказа» // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб., 2012. С. 541–548.

Мингечаур // Большая Российская Энциклопедия. Т. 20. М., 2012. С. 343–344.

Муганская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 21. М., 2012. С. 378.

Муцацир // Большая Российская Энциклопедия. Т. 21. М., 2012. С. 539.

Нальчикская гробница // Большая Российская Энциклопедия. Т. 21. М., 2012. С. 728.

Находки подражаний стерам Александра Македонского и Лисимаха в Западном Закавказье // Историко-археологический альманах. Вып. 11. Армавир; Краснодар; М., 2012. С. 53–69.

Об одной группе поясных пряжек кобано-колхидской культурно-исторической общности // Проблемы археологии Кавказа: сб. группы по археологии Кавказа. Вып. 1. М., 2012. С. 132–147.

Мещанинов Иван Иванович // Большая Российская Энциклопедия. Т. 20. М., 2012. С. 202. (В соавторстве с Алпатовым В. М.).

Мингечаур // Большая Российская Энциклопедия. Т. 20. М., 2012. С. 343–344.

Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время: памяти Ирины Ивановны Гушиной. М., 2012. С. 217–238. (Тр. ГИМ; вып. 191). (В соавторстве с Джопуа А. И.).

Новая находка золотого подражания статеру Александра Македонского в Западном Закавказье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения»: материалы Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012. С. 234–236. (В соавторстве с Джопуа А. И.).

К вопросу о датировке кинжалов типа Rosmuç на основании кавказских параллелей // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения»: материалы Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012. С. 198–200. (В соавторстве с Козубовой А.).

Мцхета // Большая Российская Энциклопедия. Т. 21. М., 2012. С. 545–546. (В соавторстве с Павлиновым П. С.).

Памяти Д. С. Бжания // РА. 2012. № 3. С. 188–189. (В соавторстве с Джошуа А. И., Агумаа А. С.).

Международная научная конференция XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010 г. // РА. 2012. № 1. С. 183–187. (В соавторстве с Албеговой З. Х., Корневским С. Н., Коробовым Д. С., Багаевым М. Х., Гадиевым У. Б.).

Über die Formierung der Bzyb'-Kolchis-Kultur // Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen Angrenzenden Regionen in der Spätbronze-/Frühzeit / Hrsg.: A. Mehnert, G. Mehnert, S. Reinhold. Langenweißbach, 2012. S. 47–63.

2013

Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья/Ин-т востоковедения РАН. Т. 1. Абхазия. М., 2013. С. 23–75.

Крестовидные подвески-навершия в кобано-колхидских древностях // Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар, 2013. С. 29–43.

Норшун-тепе // Большая Российская Энциклопедия. Т. 23. М., 2013. С. 345–346.

О начале изучения археологических памятников Кодорского ущелья Республики Абхазия // Маан О. В. Гулрыпшский район Абхазии. История, этнография. Сухум, 2013. С. 484–488.

О некоторых образах кобано-колхидского искусства: скульптурные изображения лежащего зверя и зооморфные свастики // Археологические вести. № 19. СПб., 2013. С. 229–245.

Культовая вымостка и «тайник»: неизвестные особенности колхидского погребального обряда на могильнике Джантух // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: материалы конф. Краснодар, 2013. С. 381–384. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Новые исследования на Джантухском могильнике: 2010–2012 гг. Предварительное сообщение // Абхазоведение: археология, история, этнология. Вып. VIII–IX. Сухум, 2013. С. 7–19. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Памяти Д. С. Бжания // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. VIII–IX. Сухум, 2013. С. 373–375. (В соавторстве с Джошуа А. И., Агумаа А. С.).

Памяти Анзора Семеновича Агумаа (1958–2012) // Абхазоведение: археология, история, этнология. Вып. VIII–IX. Сухум, 2013. С. 376–381. (В соавторстве с Джошуа А. И., Ендольцевой Е. Ю.).

Открытия Г. К и С. М. Шамба на могильнике Джантух: новый взгляд на старые находки // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: материалы Третьей Абхазской междунар. археолог. конф., посвящ. памяти Г. К. Шамба (28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум). Сухум, 2013. С. 22–45. (В соавторстве с Джошуа А. И., Козубовой А.).

Раскопки могильника на горе Джантух // АО 2009 г. М., 2013. С. 354–356. (В соавторстве с Джошуа А. И., Козубовой А.).

Памяти Анзора Семеновича Агумаа (1958–2012) // РА. 2013. № 2. С. 189–190. (В соавторстве с Сангулия Г. А., Требелевой Г. В.).

Георгий Кучович Шамба. Ученый, археолог, друг // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: материалы Третьей Абхазской междунар. археолог. конф., посвящ. памяти Г. К. Шамба (28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум). Сухум, 2013. С. 11–22. (В соавторстве с Джошуа А. И., Ксенофонтовой И. В., Эрлихом В. Р.).

Investigation of the chemical Composition of the colchian Gold Articles of 5–2 cc. b.c. from Dzhantuch burial Mound // XIXe colloque d'Archéométrie du GMPCA (Groupe des Méthodes Pluridisciplinaires Contribuant à l'Archéologie) (22–26 avril 2013, Université de Caen Normandie). Caen, 2013. P. 216–217. (В соавторстве с Saprykina I.).

2014

Восточная Абхазия в эпоху раннего железа (по материалам новых исследований Джантухского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань, 2014. С. 169–172.

Очамчирский археологический комплекс // Большая Российская Энциклопедия. Т. 24. М., 2014. С. 745.

Ткуарчалская археологическая экспедиция // Научные экспедиции Российского гуманитарного научного фонда. М., 2014. С. 365–366.

Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Нальчик 16–20 октября 2013 г.). Нальчик, 2014. С. 151–172.

О книге «Археологическое наследие Армении» // Ушарздан (Памятник): ежегодник. 9. Ереван, 2014. С. 169–170.

Пицунда // Большая Российская Энциклопедия. М., 2014. С. 303–304. (В соавторстве с Бруенок А. В.).

Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия) // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 99–108. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Керамический комплекс могильника Джантух // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: материалы Международ. науч. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М., 2014. С. 197–200. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

2015

Джантухский могильник в Абхазии // Институт археологии: Новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН, 2015. С. 30–31.

К вопросу о механизмах формирования колхидских древностей Западного Закавказья = Zur Frage der Mechanismen Formierung der kolchischen Antike im Westlichen Transkaukasien // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога: к 140-летию А. А. Миллера: материалы Междунар. науч. археолог. конф. и Гумбольдт-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург) / Ред. М. Т. Кашуба и др. СПб., 2015. С. 156–161.

Самтавро культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 29. М., 2015. С. 304–305.

Северокавказская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 29. М., 2015. С. 650.

Античный керамический импорт Джантухского могильника // Древняя Диоскуриада: материалы конф. (4 декабря 2015 года, г. Сухум. Сухум, 2016. С. 55–71. (В соавторстве с Джошуа А. И., Журавлевым Д. В.).

Поселение Джантух в Восточной Абхазии: к вопросу о социальном статусе ремесленников эпохи Великого переселения народов // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные: материалы Междунар. науч. конф. (Сухум, 31 мая – 5 июня 2015 г.) / Отв. ред. А. В. Мاستыкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 41–44. (В соавторстве с Кадиевой А. А., Джошуа А. И.).

Могильник эпохи раннего железа Веселое 2 (предварительная публикация) // Города, поселения, могильники: сб. ст. Чебоксары: Перфектум, 2015. С. 78–99. (Материалы охранных археологических исследований; т. 17). (В соавторстве с Мимоходом Р. А., Клещенко А. А.).

Поселения раннего железного века и средневековья в зоне строительства олимпийских объектов (г. Сочи, Краснодарский край) // Институт археологии: Новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН, 2015. С. 40–41. (В соавторстве с Мимоходом Р. А., Клещенко А. А.).

Раскопки Джантухского могильника // АО 2010–2013 гг. М., 2015. С. 812–815. (В соавторстве с Джошуа А. И., Козубовой А., Кадиевой А. А.).

Работы Сочинской экспедиции ИА РАН в зоне строительства олимпийских объектов // АО 2010–2013 гг. М., 2015. С. 397–399. (В соавторстве с Мимоходом Р. А., Клещенко А. А., Армарчук Е. А.).

XXVIII Международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Москва, 2014 // РА. 2015. № 1. С. 183–188. (В соавторстве с Багаевым М. Х., Албеговой З. Х., Корневским С. Н., Коробовым Д. С., Леоновой Е. В., Малашевым В. Ю.).

Einige kritische Bemerkungen zur Datierung der Dolche vom Typ Posmuş und ihrer kaukasischen Parallelen // An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit Festschrift für Tibor Kemenczei zum 75. Geburtstag / Hrsg. I. Szathmari. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2015. S. 301–315. (В соавторстве с Kozubová A.).

2016

Археология в Абхазии в начале XXI века: сотрудничество российских и абхазских ученых // Абхазия в мировой истории и международных отношениях: посвящ. 70-летию Владислава Григорьевича Ардзинба: материалы Международ. науч. конф. (Сухум, 14–17 мая 2015 г.). Сухум; М., 2016. С. 74–135.

Неизвестная коллекция албанской керамики из Борисоглебского краеведческого музея Воронежской области РФ // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения»: материалы Международ. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный, 2016. С. 170–171.

Новые находки и публикации кобано-колхидских орнаментированных топоров // Из истории культуры народов Северного Кавказа: науч. альманах. Вып. 8. Ставрополь, 2016. С. 21–37.

Обзор новых находок кобано-колхидских орнаментированных топоров // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Марии Николаевны Погребовой. М., 2016. С. 229–241.

Перспективы сохранения историко-культурного наследия народов Северного Кавказа: вызовы и угрозы // Наследие веков: электронный журнал / Южный филиал Рос. науч.-исслед. ин-та культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачева. 2016. № 4. С. 36–44.

Тейшебаини // Большая Российская Энциклопедия. Т. 31. М., 2016. С. 756.

Триалети тепе // Большая Российская Энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 383.

Триалетская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 383.

Узерлик-тепе // Большая Российская Энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 715.

Бронзовая зооморфная пластика могильника Джантух // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения»: материалы Международ. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный, 2016. С. 115–117. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Новые находки памятников кобано-колхидского графического искусства в Абхазии // КСИА. 2016. Вып. 245, ч. I. С. 154–167. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Раскопки Джантухского могильника // Археологические открытия 2014 года. М., 2016. С. 427–429. (В соавторстве с Джоуа А. И.).

Проблема датировки кинжалов типа POSMUS и их кавказские аналоги // РА. 2016. № 3. С. 84–101. (В соавторстве с Козубовой А.).

Владимир Александрович Кореняко (03.03.1952–09.01.2016) // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 182–184. (В соавторстве с Бобровниковым В. О., Панариным С. А., Ярлыкаповым А. А.).

Памяти Вадима Викторовича Бжания (1934–2014) // РА. 2016. № 1. С. 186–187. (В соавторстве с Мунчаевым Р. М., Габелия А. Н., Джоуа А. И.).

Цъантыхэтэи апсыжырта // Абхазоведение: археология, история, этнология. Вып. X. Сухум, 2016. С. 7–18. (Джоуа А. И., Скаков А. Ю. Джантухский могильник). (На абхаз. яз.; резюме на рус. яз.). (В соавторстве с Цъануа А. И.).

2017

Ананьинский мир и Кавказ: контакты и импорт // Эпоха бронзы и ранний железный век: материалы III междунар. науч. конф. «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». Казань, 2017. С. 274–298. (Археология Евразийских степей; № 3/2017).

Об одном из типов бронзовых колокольчиков Кавказа эпохи раннего железа // Из истории культуры народов Северного Кавказа: науч. альманах. Вып. 9. Ставрополь, 2017. С. 34–51.

Урбниси // Большая Российская Энциклопедия. Т. 33. М., 2017. С. 77.

Хасанлу // Большая Российская Энциклопедия. Т. 33. М., 2017. С. 783–784.

Керамика Джантухского могильника // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур: материалы IV Абхазской междунар. археолог. конф., посвящ. археологу-кавказоведу Л. Н. Соловьеву. Сухум: Абхазский ин-т гуманитар. исслед., 2017. С. 75–80. (В соавторстве с Джоуа А. И.).

Новые открытия на Джантухском могильнике эпохи поздней бронзы – раннего железа в Восточной Абхазии // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье: материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017 г.). Краснодар, 2017. С. 240–243. (В соавторстве с Джоуа А. И.).

Новый комплекс с орнаментированным кобано-колхидским топором (погребение 45 могильника Эльхотово) // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 280–297. (В соавторстве с Чишьевым В. Т.).

Исследования на горе Джантух (Абхазия) // Археологические открытия 2015 год. М., 2017. С. 495–497. (В соавторстве с Джоуа А. И., Щегловым Е. В., Авидзба Д. З., Счастливым Д. А.).

Кабардино-Балкария (Исторический очерк: археология) // Большая Российская Энциклопедия. М., 2017. (В соавторстве с Петрушиной М. Н. и др.).

2018

К вопросу о связях племен Армянского нагорья и Колхиды в эпоху раннего железа // По ту сторону Арагаца. Археологические исследования, посвященные памяти Телемака Хачатряна. Ереван, 2018. С. 199–205.

Кавказ не на Кавказе: кавказские древности эпохи раннего железа в иных культурах // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 30 мая – 1 июня 2018 г.). Краснодар, 2018. С. 273–278.

Могильники эпохи раннего железа на территории Абхазии: погребальные памятники и погребальный обряд // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Отв. ред. М. В. Андреева. М.: ИА РАН, 2018. С. 328–365.

Ткуарчалская археологическая экспедиция // Институт востоковедения РАН – прошлое и настоящее: к 200-летию основания / Авт.-сост. Д. В. Дубровская. М., 2018. С. 260–261.

Бронзовая зооморфная пластика Северо-Западной Колхиды (могильник Джантух) // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 120–139. (В соавторстве с Джоуа А. И.).

Зооморфная пластика могильника Джантух // Труды Абхазского государственного музея. Вып. VII / Отв. ред. А. И. Джоуа. Сухум: Абгосиздат, 2018. С. 3–39. (В соавторстве с Джоуа А. И.).

Исследования последних лет на Джантухском могильнике в Абхазии // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 152–161. (В соавторстве с Джоуа А. И.).

Новая находка шлема и пекторали предскифского времени на Кавказе (предварительная публикация) // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 30 мая – 1 июня 2018 г.). Краснодар, 2018. С. 279–281. (В соавторстве с Журавлевым Д. В.).

Новый комплекс эпохи раннего железа из села Абгархук (Абхазия) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2018. С. 76–98. (В соавторстве с Джоуа А. И., Хондзия З. Г.).

Новая находка элитного комплекса эпохи раннего железа в Абхазии // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения»: материалы Междунар. науч. конф. Карачаевск, 2018. С. 254–257. (В соавторстве с Хондзия З. Г., Джоуа А. И.).

Карачаево-Черкесия (Исторический очерк: археология) // Большая Российская Энциклопедия. М., 2018. (В соавторстве с Петрушиной М. Н. и др.).

2019

Древности горы Джантух // Новые археологические проекты Института археологии РАН. М., 2019. С. 38–41.

К вопросу о местонахождении Фасиса, расселении гениохов и локализации кораксов // Записки ИИМК РАН. Вып. № 21. СПб., 2019. С. 153–165.

Отдел бронзового века // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М., 2019. С. 35–42.

Исследование могильника на горе Джантух (некоторые итоги) // Археология евразийской степи. 2019. № 6. С. 53–60. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Новые находки эпохи бронзы в Восточной Абхазии: набор маркеров высокого социального статуса на «белом пятне» археологической карты // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа: к 110-летию со дня рождения Н. В. Анфимова: материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 29–31 мая 2019 г.). Краснодар, 2019. С. 275–280. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Некоторые проблемы и перспективы археологического изучения Восточного Причерноморья эпохи раннего железа // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): материалы Междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г.). Т. I. Древняя Центральная Азия к контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб., 2019. С. 113–114. (В соавторстве с Кашубой М. Т.).

Поселение на горе Джантух – производственный центр раннего железа в Абхазии (предварительное сообщение) // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа: к 110-летию со дня рождения Н. В. Анфимова: материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 29–31 мая 2019 г.). Краснодар, 2019. С. 281–284. (В соавторстве с Джошуа А. И., Щегловым Е. В.).

Работы на горе Джантух (Восточная Абхазия) в 2016–2017 гг. // Археологические открытия. 2017 год. М.: ИА РАН, 2019. С. 534–537. (В соавторстве с Джошуа А. И., Щегловым Е. В.).

2020

Археологические материалы из Абхазии в музеях Российской Федерации, Республики Абхазия и Республики Грузия // Conferința Științifică Internațională «Istorie – Arheologie Muzeologie», a Muzeului National de Istorie a Moldovei (ediția a XXX-a), 29–30 octombrie 2020. Chișinău, 2020. P. 40–41.

Железные боевые топоры раннего железного века Северо-Западного Закавказья и их аналогии в соседних регионах // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Самара, 2020. С. 113–115.

Клад из селения Пшап (Абхазия) // Древности Кубани: сб. науч. тр. Вып. 24. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2020. С. 89–99.

Племена восточного побережья Черного моря в эпоху античности. Краткий исторический очерк. Часть I (гениохи, тиндариды, кораксы, ахейцы, керкеты, тореты) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 2020. С. 82–102.

«A la recherché d'un mouvement perdu»: шествия животных и людей на гравированных бронзовых поясах Кавказа // ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: материалы объед. семинара ИА РАН и ИИМК РАН (Санкт Петербург, 2017 – Москва, 2018) / Отв. ред.: Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 115–144.

Железные топоры раннего железного века из могильника и поселения Джантух (Абхазия) // Археологические вести. № 27. СПб., 2020. С. 72–89. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Железные топоры Северо-Западного Закавказья эпохи раннего железа (обзорное сообщение) // Из истории культуры народов Северного Кавказа: науч. альманах. Вып. 12–13. Ставрополь, 2020. С. 40–62. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Комплекс археологических памятников на горе Джантух: новое в изучении эпохи раннего железного века Восточной Абхазии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Самара, 2020. С. 116–117. (В соавторстве с Джошуа А. И.).

Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа IX–XI вв. (Абхазия и Южная Осетия): традиционная культура в формировании христианских образов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2020. № 37. С. 9–27. (В соавторстве с Ендольцевой Е. Ю.).

Раннекобанский клад бронзовых предметов с горы Стрижамент (Ставрополье) // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 164–184. (В соавторстве с Мошинским А. П.).

Новая находка арамейской надписи на территории Абхазии // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археолог. экспедиции. Махачкала, 2020. С. 290–292. (В соавторстве с Акопяном А. В., Джошуа А. И.).

Новые исследования на городище древнего Гиеноса (Абхазия) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археолог. экспедиции. Махачкала, 2020. С. 278–280. (В соавторстве с Джошуа А. И., Ендольцевой Е. Ю.).

Исследования поселения на горе Джантух в Восточной Абхазии // Археологические открытия. 2018 год. М.: ИА РАН, 2020. С. 533–536. (В соавторстве с Джошуа А. И., Щегловым Е. В.).

Ранневизантийский храм на городище древнего Гиеноса (Абхазия): новые находки // Архитектурная археология. 2020. № 2. С. 39–50. (В соавторстве с Джошуа А. И., Акоюном А. В., Ендольцевой Е. Ю.).

Христианские памятники средневековой Южной Осетии: первый этап реализации проекта // Международная конференция «Искусство и культура Средневековья: наследие и перспективы осмысления» (26–31 октября 2020 г.): тез. докл. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 59–60. (В соавторстве с Ендольцевой Е. Ю., Гаглойти Р., Табуевой Н.).

2021

Диоскурия и Севастополис: краткий историографический очерк // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 2021. С. 276–295.

Крепость и храм в Гагре (Абхазия): история изучения // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем: к 80-летию проф. Александра Абакаровича Кудрявцева. Ставрополь, 2021. С. 246–262.

Образ оленя в мифологии древнего населения Кавказа // Кавказский сборник. Т. 13 (45). М., 2021. С. 29–40.

Образы змеи, лягушки и рыбы в мифологии древнего населения Кавказа (кобано-колхидская культурно-историческая общность эпохи раннего железа) // ALLON: к 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю. А. Дзиццойты: коллективная монография. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2021. С. 101–139.

О старых источниках и новых гипотезах. Некоторые спорные вопросы истории Апсолии, Абазгии, Санигии и Мисиминии // Из истории культуры народов Северного Кавказа: науч. альманах. Вып. 14. Ставрополь, 2021. С. 231–234.

Пояс с гравированными изображениями животных. Краснодарский край, Россия. Случайные находки // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.: каталог выставки. СПб.: ГЭ; М.: ГИМ, 2021. С. 575–576. (В соавторстве с Журавлевым Д. В.).

Шлем ассирийского типа с прикрепленной к нему «пекторалью». Краснодарский край, Россия. Случайные находки // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.: каталог выставки. СПб.: ГЭ; М.: ГИМ, 2021. С. 574–575. (В соавторстве с Журавлевым Д. В.).

Предисловие // Бударгин О. М., Гречка А. Ю., Рябов В. А. Очерки истории и археологии Имеретинской низменности. Краснодар, 2021. С. 5–7. (В соавторстве с Мимоходом Р. А.).

Исследования в Республике Абхазия // Археологические открытия. 2019 год. М.: ИА РАН, 2021. С. 500–503. (В соавторстве с Джошуа А. И., Щегловым Е. В.).

Новые находки кобано-колхидских металлических изделий на северо-восточном побережье Черного моря (Краснодарский край). Неизвестный ареал

кобано-колхидской бронзы // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 105–126. (В соавторстве с Кудиным М. И., Кизиловым А. С.).

Плинфа раннесредневекового храма в Гиеносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материалов раскопок 2019–2021 гг. // *ByzantinoCaucasica*. I. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2021. С. 9–53. (В соавторстве с Скаковой И. В., Джошуа А. И.).

Валентина Ивановна Козенкова (1931–2021) // РА. 2021. № 4. С. 201–202. (В соавторстве с Албеговой З. Х., Коробовым Д. С., Эрлихом В. Р.).

2022

Археология в независимой Абхазии в начале XXI века: достижения, проблемы, перспективы // Этнополитические конфликты на Кавказе и Ближнем Востоке и механизмы их урегулирования: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. (21–22 октября 2022 г., Ставрополь). Ростов-на-Дону; Таганрог, 2022. С. 161–166.

Валентина Ивановна Козенкова – выдающийся ученый-кавказовед // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа: памяти В. И. Козенковой / Отв. ред.: А. А. Малашев, А. Ю. Скаков. М., 2022. С. 5–7.

Еще раз о датировке и некоторых особенностях храма на горе Лашкендар // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: материалы Пятой Междунар. Абхазской археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М., 2022. С. 265–274.

Изучение археологии Кавказа в Отделе бронзового века ИА РАН/АН СССР // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: материалы Пятой Междунар. Абхазской археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М., 2022. С. 55–66.

К истории изучения Эшерской надписи // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: материалы Пятой Междунар. Абхазской археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М., 2022. С. 158–164.

Ныхас // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И – О / Гл. ред. Л. А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 345–347.

Ныхас Ахсау // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И – О / Гл. ред. Л. А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 347–348.

Ныхас Кумбулта // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И – О / Гл. ред. Л. А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 348.

Ныхас Лесгора // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И – О / Гл. ред. Л. А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 348–349.

Ныхас Мацута // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И – О / Гл. ред. Л. А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 349.

Предметы эпохи бронзы и раннего железного века из Рекома (находки 1936 г.) // Археология, этнография и языки Кавказа: сб. ст. 3-х науч. чтений (25 октября 2021 г., Санкт-Петербург) / Сост. Л. Д. Бондарь; под ред. И. В. Тункиной и др. СПб.: Реноме, 2022. С. 166–173. (Ad fontes: материалы и исследования по истории науки; вып. 22).

Фасис: историографический очерк // Вопросы археологии Адыгеи: сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. Э. Голубев. Майкоп: Изд-во Магарин О. Г., 2022. С. 219–233.

Новая находка пряжки «типа Исти-Су» с территории Чечни // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа: памяти В. И. Козенковой / Отв. ред.: А. А. Малашев, А. Ю. Скаков. М., 2022. С. 132–141. (В соавторстве с Ахмаровым А. У.).

Клад из села Куачира (Абхазия) // Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий: посвящ. 95-летию юбилею крупнейшего специалиста по аланской археологии и истории, д-ра ист. наук Владимира Александровича Кузнецова. Ставрополь, 2022. С. 100–107. (Из истории культуры народов Северного Кавказа: науч. альманах; вып. 15). (В соавторстве с Джоуа А. И.).

Лац // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И – О / Гл. ред. Л. А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 196–198. (В соавторстве с Дзиццойты Ю. А.).

Круглый стол: «Кобанская культурно-историческая общность в археологии Кавказа: история и перспективы исследований». Москва. 23.11.2021 // Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий: посвящ. 95-летию юбилею крупнейшего специалиста по аланской археологии и истории, д-ра ист. наук Владимира Александровича Кузнецова. Ставрополь, 2022. С. 396–398. (Из истории культуры народов Северного Кавказа: науч. альманах; вып. 15). (В соавторстве с Малышевым А. А.).

Предметы эпохи поздней бронзы и начала раннего железа из музеев Лабинского района Краснодарского края // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 72–84. (В соавторстве с Пелих А. Л.).

Новые исследования древнего Гиеноса (Абхазия) // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа, посвящ. 125-летию раскопок Майкопского кургана (Майкоп, 18–23 апреля 2022 г.). Майкоп, 2022. С. 183–186. (В соавторстве с Джоуа А. И., Скаковой И. В.).

Раннесредневековый храм в Гиеносе (Республика Абхазия): Итоги работ 2022 г. // ByzantinoCaucasica. Вып. 2 / Отв. ред. В. Н. Чхаидзе. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2022. С. 69–109. (В соавторстве с Скаковой И. В., Джоуа А. И.).

2023

Памяти Александра Пинкусовича Мошинского (1954–2022) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий: науч. альманах, посвящ. памяти известного специалиста по археологии Северного Кавказа, канд. ист. наук Александра Пинкусовича Мошинского. Ставрополь; М., 2023. С. 15–28. (В соавторстве с Журавлевым Д. В.).

Памяти Александра Пинкусовича Мошинского (1954–2022) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа Вып. 21. Армавир; Карачаевск, 2023. С. 297–307. (В соавторстве с Журавлевым Д. В.).

Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие её понятия // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий: науч. альманах, посвящ. памяти известного специалиста по археологии Северного Кавказа, канд. ист. наук Александра Пинкусовича Мошинского. Ставрополь; М., 2023. С. 100–117. (В соавторстве с Мошинским А. П.).

Iron Metallurgy of Ancient Colchis: The Mineralogical and Geochemical Composition of Slags and Artifacts from the Dzhantukh Site // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2021 / Ed. N.N. Ankusheva. Cham: Springer, 2023. P. 237–253. (Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences). (В соавторстве с Kulkova M. A., Kashuba M. T., Kulkov A. M., Vetrova M. N.).

Редактор

Гаврилов В., Шеповой Н. Нетрадиционные войны на постсоветском пространстве. Южный Кавказ: монография / Науч. консультант А. Ю. Скаков. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2009.

Проблемы археологии Кавказа: сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум) / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум. 2011.

Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Вторая Абхазская междунар. археолог. конф. (8–12 ноября 2008 г.): посвящ. памяти М. М. Трапш: материалы / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум, 2011.

Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения / Науч. ред. А. Ю. Скаков. М., 2012.

Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития / Ред. А. Ю. Скаков. М., 2012.

Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: материалы Третьей Абхазской междунар. археолог. конф., посвящ. памяти Г.К. Шамба (28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум) / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум, 2013.

Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья / Ин-т востоковедения РАН. Т. I. Абхазия / Отв. ред. А.Ю. Скаков. М., 2013.

Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва. 21–25 апреля 2014 г.) / Ред. А.Ю. Скаков и др. М., 2014.

Историко-культурное наследие Юга России: науч.-практ. конф. (г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г.) / Ред. А.Ю. Скаков и др. М.: Науч. о-во кавказоведов: Лобанов В.И.: Книжный мир, 2015.

Религия и политика на юге России: аспекты взаимодействия: междунар. конф. (г. Москва, Президент-отель, 8 июня 2015 г.) / Ред. А.Ю. Скаков и др. М.: Науч. о-во кавказоведов: Лобанов В.И.: Книжный мир, 2015.

Абхазия в мировой истории и международных отношениях: посвящ. 70-летию Владислава Григорьевича Ардзинба: материалы Междунар. науч. конф. (Сухум, 14–17 мая 2015 г.) / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум; М., 2016. 736 с.

Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г. / Ред. А.Ю. Скаков и др. Грозный, 2016.

Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе / Ред. А.Ю. Скаков и др. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017.

Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур: материалы IV Абхазской Междунар. археолог. конф., посвящ. археологу-кавказоведу Л.Н. Соловьеву / Ред. А.Ю. Скаков и др. Сухум: Абхазский ин-т гуманитар. исслед., 2017.

Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: материалы Пятой Междунар. Абхазской археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа М.М. Трапш / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум, 2018.

Научные статьи по современной истории

1998

Грузинско-дагестанские и грузинско-чеченские отношения // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья: сб. ст. № 7. М.1998. С. 80–108.

1999

Национализм и сепаратизм на Северном Кавказе. Некоторые тенденции // Государство. Этносы. Сепаратизм: тезисы выступлений на круглом столе 31 марта 1999 года. М., 1999. С. 15–17.

2000

Азербайджан в составе ГУУАМ (Грузия, Узбекистан, Украина, Азербайджан, Молдавия): особые отношения в рамках СНГ // Независимый Азербайджан: новые горизонты. Т. 2. М., 2000. С. 21–55. (В соавторстве с Беловой О. А., Гузенковой Т. С., А. Ю., Шиловой Р. А.).

Грузинско-чеченские отношения // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8). С. 196–213. Англ. версия: Skakov A. On two sides of the border: Georgia and Chechnia // Central Asia and the Caucasus. 2000. № 2.

Национализм и сепаратизм на Северном Кавказе. Некоторые тенденции // Государство, этносы, сепаратизм и проблемы прав человека: «Круглый стол»: проблемы, дискуссии, предложения. М., 2000. С. 31–38.

2001

Кабардино-Балкария: угрозы стабильности // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (13). С. 193–202. Англ. версия: Skakov A. Kabardino-Balkaria: Threats to Stability // Central Asia and the Caucasus. 2001. № 1 (7). P. 165–173.

2002

Абхазия: социально-демографические процессы, экономика, политика // Грузия: проблемы независимого развития. Т. 2. М., 2002. С. 131–165.

Внутриполитическая ситуация в Грузии // Грузия: проблемы независимого развития. Т. 2. М., 2002. С. 259–315.

Сепаратизм и терроризм на Кавказе. Позиция России // Формирование атмосферы мира, стабильности и доверия на Южном Кавказе. Роль международных и региональных организаций безопасности. Ереван: Conflict Studies Research Centre, 2002. С. 31–33. На англ. яз.: Skakov A. Separatism & Terrorism in the Caucasus – The Russian Position // Shaping an Environment for Peace, Stability & Confidence in South Caucasus – The Role of International & Regional Security Organisations. Ереван: Conflict Studies Research Centre, 2002. P. 29–33.

Южная Осетия: социально-демографические процессы, экономика, политика // Грузия: проблемы независимого развития. Т. 2. М., 2002. С. 167–197.

2003

Угрозы и вызовы безопасности России в Кавказском регионе // Образование в области международных отношений в российском регионе: государственный стандарт и региональные особенности: материалы семинара заведующих кафедрами и ведущих преподавателей регион. ун-тов Российской Федерации. Иваново, 2003. С. 282–289.

Этническая и миграционная ситуация в Азербайджане // Миграции на Кавказе: материалы конф. Ереван, 2003. С. 96–112.

Соотечественники в странах СНГ и Балтии // Новая Евразия. Россия и страны ближнего зарубежья: аналит. альманах. № 15. М., 2003. С. 5–27. (В соавторстве с Александровым Д. А.).

Соотечественники в странах СНГ и Балтии // Российский вектор: информ.-аналит. бюллетень / Рос. ин-т стратегич. исслед. 2003. № 1 (14). С. 1–7. (В соавторстве с Александровым Д. А.).

2004

Абхазия: настоящее и будущее непризнанной республики // Южный Кавказ. Проблемы региональной безопасности и интеграции: сб. науч. ст. Т. 1. Ереван: Рос.-армян. (Славян.) ун-т, 2004. С. 121–147.

Чечня в Интернете и проблемы противодействия информационной деятельности чеченских сепаратистов // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья: аналит. альманах. № 16. М., 2004. С. 50–76. (В соавторстве с Брилёвой О. А.).

2005

Непризнанные государства Южного Кавказа: политика России и перспективы стабильности в регионе // Россия и Кавказ: история и современность: материалы науч. конф. (11–12 ноября 2004 г.). Владикавказ, 2005. С. 254–264.

Политика России в Закавказье: вызовы и перспективы // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика. Вып. 2. М., 2005. С. 316–336.

Abkhazia at the Crossroads: On the Domestic Political Situation in the Republic of Abkhazia // Iran and the Caucasus. 2005. № 9.

Russia's Role in the South Caucasus // Helsinki Monitor. 2005. № 2.

2006

Абхазия: вызовы и угрозы республике и региону // Вопросы региональной безопасности. Ереван: SPECTRUM, 2006. С. 106–122.

Перспективы стабильности на Южном Кавказе и режим Саакашвили в Грузии // Модели стабильности в Черноморско-Кавказском регионе: материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2006. С. 168–176.

Россия и страны Южного Кавказа: 2004 г. // Кавказ. Ежегодник Кавказского института СМИ. Вып. 2. Ереван, 2006. С. 146–181.

2007

Абхазия в начале XXI века: угрозы и вызовы стабильному развитию // VII Конгресс этнографов и антропологов России (Саранск, 9–14 июля 2007 г.): доклады и выступления. Саранск, 2007. С. 126.

Перспективы «размораживания» конфликтов на территории Грузии и признания независимости Абхазии и Южной Осетии // Независимая Абхазия: проблемы и решения. М., 2007. С. 124–129.

Перспективы существования непризнанных государств в контексте международных политических и экономических отношений (на примере Нагорного Карабаха) // Пространство и время в мировой политике и международных

отношениях: материалы 4-го Конвента Рос. ассоц. междунар. исслед. (РАМИ). Т. 8. Южный Кавказ в реалиях меняющегося мира: глобальное, региональное, локальное. М., 2007. С. 61–70.

Российско-грузинские отношения и роль внешнего фактора на Кавказе // Особенности политической ситуации на Кавказе и подходы внешних сил. М., 2007. С. 28–41.

Статьи «Азербайджанская Республика», «Республика Армения», «Грузия» // Содружество Независимых Государств: юбилейный справочник. Население и трудовые ресурсы. История. Экономика. Образование. Историко-архитектурные памятники. М., 2007. С. 36–61, 78–89.

2008

«Революция роз» в Грузии // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья: аналит. альманах № 18. М., 2008. С. 79–99.

Россия и ГУАМ // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. 2008. № 3–4 (57–58). Спец. вып. ГУАМ: от тактического альянса к стратегическому партнерству. С. 162–177.

Южная Осетия: проблемы и перспективы // Непризнанные государства Южного Кавказа: сб. ст. // Ученые записки Факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 2. М., 2008. С. 201–218.

Russia and GUAM // Central Asia and the Caucasus: Journal of Social and Political Studies. 2008. № 3–4 (51–52). Special Issue. GUAM: From a Tactical Alliance to Strategic Partnership. P. 142–156.

2009

Августовский кризис на Кавказе и его последствия // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1 (61). С. 25–38. Англ. версия: *Skakov A.* The August Crisis in the Caucasus and its Consequences // Central Asia and the Caucasus: Journal of Social and Political Studies. 2009. № 1 (55). P. 22–33.

2011

Политика России на Южном Кавказе и вызовы 2011 г. // Кавказ спустя 20 лет: геополитика и проблемы безопасности: тр. междунар. науч. конф. (Владикавказ – Цхинвал, 20–30 июня 2011 г.). Владикавказ, 2011. С. 197–209.

Президентские выборы 2011 г. в Абхазии и Южной Осетии: вызовы и перспективы // Россия и Закавказье: проблемы безопасности и сотрудничества: материалы Междунар. науч. конф. Владикавказ: Владикавказский ин-т управления, 2011. С. 26–37.

Россия в полицентричном мире: коллективная монография / С. Н. Абашин и др. М.: Ин-т мировой экономики и международных отношений, 2011.

Южная Осетия накануне президентских выборов // Кавказские научные записки. 2011. № 2 (7). С. 30–44.

Possibilities to address Humanitarian Issues related to the Situation around Abkhazia and South Ossetia // Russia and Georgia: Searching the Way out. Policy Discussion Papers by Georgian and Russian experts. 2011. P. 125–134.

2012

Внутриполитическая ситуация в Южной Осетии: президентские выборы 2011–2012 гг. и их последствия // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15, вып. 4. С. 80–94. Англ. версия: *Skakov A.* The Political Scene in South Ossetia: The 2011–2012 Presidential Elections and what became of them // Central Asia and the Caucasus: Journal of Social and Political Studies. 2012. Vol. 13, Iss. 4. P. 71–83.

Евразийский союз: за и против. Комментарий // Регион и мир: науч.-аналит. журнал. Ереван, 2012. № 1. С. 75–77.

The Southern Caucasus and Central Asia: Russia's Interests and the Struggle for Influence in the Region. (Section 3.2. The Southern Vektor // Russia in a Polycentric World / Foreword by Y. Primakov, A. Dynkin, N. Ivanova. Moscow: Institute of World Economy and International Relations, 2012. P. 407–419. (В соавторстве с *Abashin S., Alikberov A.*).

2013

Грузия как фактор влияния на ситуацию на Западном Кавказе // Западный Кавказ: современные проблемы: междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 18–19 марта 2013 г.). М., 2013. С. 35–51.

Международные отношения в представлениях политической элиты Грузии // Труд и социальные отношения. 2013. № 10 (112). С. 134–151.

Поиски национальной идентичности и трансформация идеологии в этнополитических конфликтах Южного Кавказа // Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе / Отв. ред.: А. Аликберов, И. Звягельская. М., 2013. С. 112–139.

Ситуация на Кавказе и Сочинская Олимпиада 2014: новые вызовы и угрозы // Западный Кавказ между прошлым и будущим: науч. семинар (г. Сухум, 28–29 ноября 2012 г.). Сухум; М., 2013. С. 139–150.

2014

Перспективы развития ситуации вокруг конфликтов на Южном Кавказе: взгляд из Москвы = Prospects for Developments around the South Caucasus Conflicts: A View from Moscow // Евroatлантическое партнерство и Южный Кавказ. Стратегический подход к региональной безопасности = Euro-Atlantic Partnerships and the South Caucasus. A strategic Approach to regional Security: материалы конференции. Ереван: SPECTRUM, 2014. С. 136–145 (114–122).

Южная Осетия, 2014 год: навстречу новым испытаниям // Ежегодник ИМИ (Института международных исследований) МГИМО (Московского государственного института международных отношений). 2014. Вып. 2 (8). Актуальные проблемы современной мировой политики. С. 53–62.

2015

В.Г. Ардзинба и российско-абхазские отношения // Политическое наследие В.Г. Ардзинба и современные российско-абхазские отношения. Сухум: Благотворит. фонд «Гражданское действие», 2015. С. 14–18.

Президентские выборы в Абхазии и их итоги // Постсоветский материк: науч.-аналит. журнал. 2015. № 1 (5). С. 41–54.

Религия и политика на юге России: взаимодействие, симбиоз, противоречия? // Религия и политика на Юге России: аспекты взаимодействия: международн. конф. (г. Москва, 8 июня 2015 г.). М., 2015. С. 110–120.

Сохранение и развитие малых народов Кавказа: опыт России и стран Закавказья // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / Под общ. ред. Р.Г. Абдалатипова, А.-Н. З. Дибирова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 245–253.

Циркумпонтийская зона как пространство взаимодействия культур: Крым // Религия и политика на Юге России: аспекты взаимодействия: международн. конф. (г. Москва, 8 июня 2015 г.). М., 2015. С. 181–191.

Шапсуги Западного Кавказа в начале XXI века // Россия и новые государства Евразии / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. 2015. № I (XXVI). С. 57–68.

Юг России и Северный Кавказ как перекресток культур и пространство межкультурного диалога: прошлое, настоящее, будущее // Историко-культурное наследие Юга России: науч.-практ. конф. (г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г.). М.: Научное о-во кавказоведов, 2015. С. 20–32.

Новый этап российско-абхазских отношений // Запад – Восток – Россия: ежегодник / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. 2014. М., 2015. С. 98–102. (В соавторстве с Крыловым А. Б.).

Перспективы открытия железнодорожного сообщения через Абхазию // Россия и новые государства Евразии. 2015. № III (XXVIII). С. 67–75. (В соавторстве с Крыловым А.).

Conflict and Peace in South Ossetia – from a Local Perspective // Politorbis. Bern, 2015. № 60, 2: The Caucasus Conflicts: Frozen and Shelved. S. 17–22. (В соавторстве с Druey C.).

2016

Азербайджанское меньшинство в политической жизни современной России // Россия и новые государства Евразии. 2016. № II (XXXI). С. 66–77.

Пробные учебники истории для классов с русским языком обучения средних школ Туркменистана // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 110–120.

Транскавказские перевальные маршруты Западного Кавказа в древности и перспективы их восстановления в начале XXI века // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Ставрополь,

28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: Северо-Кавказский федер. ун-т, 2016. С. 57–65.

Религия и традиция на Западном и Центральном Кавказе: борьба, взаимодействие или симбиоз // *Абхазоведение: археология, история, этнология*. Вып. X. Сухум: Абхазский ин-т гуманитар. исслед., 2016. С. 155–161.

[Раздел в Отчете о заседании круглого стола «Южный Кавказ в «Системе трех морей»: внешние угрозы и внутренние вызовы»] // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 10. С. 106.

Выборы в Грузии 2016 г. и перспективы российско-грузинских отношений // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2016. Вып. 5, т. 9: Постсоветское пространство как сфера конфликта и диалога. С. 77–94. (В соавторстве с Мухановым В. М.).

Абхазия в 2015 году: основные политические и социально-экономические тренды // *Ежегодник ИМИ (Института международных исследований)*. 2016. Вып. 1 (15): Международная политика в меняющемся мире. С. 117–128. (В соавторстве с Новиковым В. В.).

2017

Абхазия: радикализм на фоне традиционного ислама // *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ / Отв. ред.: А. Д. Саватеев, Н. А. Нефляшева, Э. Ф. Кисриев. М., 2017. С. 528–559.

Внутриполитическая ситуация в Южной Осетии // *Постсоветские государства: 25 лет независимого развития*. Т. II. Южный Кавказ. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2017. С. 86–94.

Выборы – 2017 в Абхазии и Южной Осетии // *Россия и новые государства Евразии*. 2017. № II (XXXV). С. 121–131.

Парламентские выборы в Грузии // *Запад – Восток – Россия: ежегодник Ин-т мировой экономики и междунар. отношений*. 2016. М., 2017. С. 102–106.

Россия и Южный Кавказ: итоги 2016 г. // *Кавказ – 2016: ежегодник*. Ереван: Ин-т Кавказа, 2017. С. 99–114.

Социально-политическая ситуация в Абхазии в 2016 году // *Внешняя политика России: глобальное и региональное измерения*. Т. 1, ч. 2: сб. материалов X Конвента РАМИ (Рос. ассоц. междунар. исслед.) (8–9 декабря 2016 г.). М., 2017. С. 382–389.

Постсоветская Грузия: от турбулентности к стабильности и предсказуемости // *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия*. М.: Рос. совет по междунар. делам, 2017. С. 131–140. (В соавторстве с Маркедоновым С.).

Абхазия: предварительные социально-политические итоги 2017 г. // *Международная аналитика / Московский гос. ин-т междунар. исслед.* 2017. № 3 (21). С. 43–55. (В соавторстве с Мухановым В. М.).

Внутриполитическая ситуация в Грузии // Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Т. II. Южный Кавказ. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2017. С. 42–65. (В соавторстве с Мухановым В. М.).

Российско-грузинские отношения // Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Т. II. Южный Кавказ. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2017. С. 66–74. (В соавторстве с Мухановым В. М.).

Социально-политическая ситуация в Абхазии и российско-абхазские отношения // Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Т. II. Южный Кавказ. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2017. С. 95–121. (В соавторстве с Мухановым В. М.).

2018

Абхазия в 2018 году: перспективы «абхазского проекта», вызовы и возможности // Центральная Евразия. 2018. № 2 (2): Культурно-сложные общества. С. 64–92.

Новые договоры между Россией и Абхазией, Россией и Южной Осетией (2014–2015 гг.) в контексте двусторонних отношений // Центральная Евразия / Ин-т востоковедения РАН. 2018. № 1 (1). С. 31–51.

Президентские выборы 2018 года в Грузии // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 4. С. 193–203.

Республика Абхазия в 1993–2018 гг. Некоторые итоги развития // Абхазия, Южная Осетия: 10 лет без войны. М.: Междунар. информ. агентство «Россия сегодня», 2018. С. 87–92.

Русские в Абхазии: Трансформация национальной общины в XIX–XXI вв. // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.: междунар. науч. конф. (г. Новозыбков, Брянская область, 18 мая 2018 г.). Брянск, 2018. С. 200–208.

Выборы в Грузии 2016 г. и перспективы российско-грузинских отношений // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 5. С. 77. (В соавторстве с Мухановым В. М.).

Политическая стабильность по-грузински. Грузия после выборов 2016 г.: проблемы и перспективы развития // Мировая экономика и международные отношения / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. 2018. Т. 62, № 1. С. 53–62. (В соавторстве с Мухановым В. М.).

2019

Грузия выбрала президента // Запад – Восток – Россия: ежегодник. 2018. М., 2019. С. 88–91.

Президентская кампания в Абхазии // Запад – Восток – Россия: ежегодник. 2019. М., 2020. С. 94–98.

Президентские выборы 2019 года в Абхазии // Россия и новые государства Евразии. 2019. № IV (XLV). С. 48–58.

Вместо введения // Центральная Евразия. 2019. № 1 (3). С. 7–8. (В соавторстве с Аликберовым А. К.).

2020

Абхазия – стабильная нестабильность на фоне пандемии // Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы: коллективная монография. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2020. С. 135–142.

Вместо введения // Центральная Евразия. 2020. № 1 (4). С. 7–9.

Идея государства в культурном наследии народов Южного Кавказа: динамика трансформации // Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография // Отв. ред. А.К. Аликберов. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2020. С. 64–71.

Итоги 2019 года для Абхазии: республика на распутье или масштабный кризис? // Центральная Евразия. 2020. № 1 (4). С. 137–159.

Южная Осетия – перманентный внутривнутриполитический кризис // Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы: коллективная монография. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2020. С. 135–147.

2021

Нагорный Карабах – 2020: последствия войны и перспективы поствоенного урегулирования (обзор) // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 6. С. 128–138. (В соавторстве с Мухановым В.).

2023

Республика Абхазия: итоги 2022 года // Россия и новые государства Евразии. 2023. № I (LVIII). С. 126–139. (В соавторстве с Новиковым В.).

Работы по истории и культурологии

[Биографии русских святых: Авраамий и Коприй Печенгские; Василий Ростовский; Вассиан Рыло; Кирилл Новоезерский; Корнилий Псково-Печерский; Косма Яхромский; Даниил Александрович Московский; Герасим Вологодский; Геронтий Московский; Иаков Железоборовский; Иосаф Снетогорский и Василий Мирожский; Юрий Всеволодович Владимирский; Иван Калита] // Enciclopedia dei santi. Le chiese orientali. Vol. I. Roma, 1998. С. 43; С. 395–397; С. 411–413; С. 511–513; С. 532–536; С. 552–553; С. 606–608; С. 993–995; С. 1012–1014; С. 1030–1032; С. 1044–1045; С. 1101–1103; С. 1124–1125. (На итал. яз.).

[Биографии русских святых: Исидор, пресвитер Юрьевский; Исидор Твердислов; Марк, Иона и Васса Псково-Печерские; Моисей Белозерский; Мстислав Андреевич Владимирский; Никита, епископ Новгородский; Ксенофонт Робейский; Федор Кузмич; Федор Стародубский; Феодосий Бывальцев; Зосима и Адриан Волоколамские] // Enciclopedia dei santi. Le chiese

orientali. Vol. II. Roma, 1999. С. 256–257; С. 257–259; С. 426–428; С. 549–550; С. 556–558; С. 622–626; С. 958–959; С. 1183–1186; С. 1193–1195; С. 1217–1218; С. 1397–1398. (На итал. яз.).

История Кавказа. Программа лекционного курса. Проект / МГУ им. М. В. Ломоносова; Ин-т стран Азии и Африки. М., 2004. С. 1–48. (В соавторстве с Ганич А. А., Маркедоновым С. М.).

Прихоперье и его обитатели: из семейной хроники // Мурашев А. «Павловка» Борисоглебского уезда и ее обитатели. 2015. С. 217–220.

Путеводители по Абхазии начала XXI века: общее и особенное, достоинства и недостатки // Третьи Международные Иналиповские чтения (Сухум, 4–6 октября 2016 г.). Сухум: Абхазский ин-т гуманитар. исслед., 2017. С. 296–307.

Сухумский район Республики Абхазия: история и современность. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2021. 312 с.

Газетные и журнальные статьи и интервью

Исторический аспект чеченской проблемы // Век. 1999. № 16 (331).

Проблемы истории черкесского (адыгского и абазинского) народа в свете Обращения Президента РФ Б. Н. Ельцина к народам Кавказа в связи со 130-летием окончания Кавказской войны: выступление на «Круглом столе» «Черкесы на рубеже эпох» // Жизнь национальностей. 1999. № 2–3. С. 60–62.

Ситуация в КЧР: итоги и перспективы // Век. 1999. № 22 (337).

[Интервью] // Asahi shoken report (Asahi Shimbun). 2000. № 6. № 144. С. 27–31. (На яп. яз.).

Конец каспийской виртуальности // Евразия сегодня. Декабрь 2001 – январь 2002. № 1 (3). С. 48–52.

Болезнь российского федерализма // Status Quo: рос. обществ.-полит. и худож. альманах. 2002. № 1. С. 18–27.

Кавказ перед оттепелью // Век. 2002. № 7 (474) (15–21.02). (В соавторстве с Халмухамедовым А.).

Экспедиции станут ежегодными. Содружество российских и абхазских археологов // Республика Абхазия. 2002. № 125 (1484) (2–3 ноября). (В соавторстве с Джоуа А.).

На месте древнего поселения // Республика Абхазия. 2003. № 117 (1621) (21–22 октября). (В соавторстве с Джоуа А.).

Россия и горцы // Status Quo: рос. обществ.-полит. и худож. альманах. 2004. № 2. С. 100–107.

Россия и Грузия: между дружбой и враждой // История. 2003. № 21 (693) (1–7 июня). С. 1–6.

Северный Кавказ на переломе эпох. Россия и горцы // История. 2003. № 30 (702) (8–15 августа). С. 1–5.

Эдуард Шеварднадзе обеспечил себе политическое будущее // Независимая газета. 2003. № 243 (3076) (12 ноября).

Абгархыкэтэи ажэыгтэ мазакэа // Апсны. 2004. 11 августа. (На абхаз. яз.). (В соавторстве с Цьопуа А.).

Абгархыкэтэи атцааракэа // Бзыбь. 2004. 13 августа. (На абхаз. яз.). (В соавторстве с Цьопуа А., Цнариа И.).

Древнейшие храмы Подмосковья // Родное Подмосковье. 2004. № 6 (36) (19 февраля).

Издержки «прямой демократии» по-абхазски // Независимая газета. НГ Дипкурьер. 2004. 25.10.

Объединение оппозиции станет крахом для выдвигенца Ардзинбы // Независимая газета. НГ Дипкурьер. 2004. 27.09.

Свои интересы в регионе Россия будет отстаивать всеми возможными путями // Голос Армении. 2004. № 45 (19132) (29 апреля).

Трехногий конь святого Георгия // Независимая газета. НГ Религии. 2004. № 11 (141) (16 июня).

Абгархыкэтэи атцааракэа // Апсны. 2005. № 60–61 (19322) (11 августа). (На абхаз. яз.). (В соавторстве с Цьопуа А.).

Выход Грузии из СНГ не выгоден никому // Газета. 2005. 22.11.

Итоги выборов в Азербайджане // Азеррос. 2005. 22.11.

Как жили предки абхазов в глубокой древности // Республика Абхазия. 2005. № 91 (1884) (13–14 августа). (В соавторстве с Джопуа А.).

Не играйте против России // Абхазский меридиан. 2005. № 11 (43) (ноябрь).

От эпохи средней бронзы до раннего средневековья // Республика Абхазия. 2005. № 104 (1897) (15–16 сентября).

Хрупкий баланс. Абхазия: первый курорт или второй Кувейт? // Политический журнал. 2005. № 33 (84) (10 октября). С. 46–47.

Аспекты грузино-абхазского конфликта. № 11. Обсуждение российского фактора (Москва, 21–22 июня 2004 г.). Ирвайн, 2006. С. 55, 98–101.

Атака клонов // Евразия сегодня. 2006. № 48 (май). С. 36–37.

Витринная демократия. Грузия отстраивает властную вертикаль по-путински // Политический журнал. 2006. № 6 (101) (28 февраля). С. 42–44.

Красная черта для Тбилиси // Политический журнал. 2006. № 37–38 (132–133) (09.10).

На референдум за «охранной грамотой» // Московская среда. 2006. № 34 (189) (20–26 сентября).

Не стоит надеяться только на помощь России // Республика Абхазия. 2006. № 32 (28–29 марта).

- Пациент будет мучиться дальше // Московские новости. 2006. № 39 (13–19.10).
Перспектива одна // Эхо Абхазии. 2006. № 21 (23 мая).
- Процесс урегулирования завели в тупик // Независимая газета. НГ Дипкуррьер. 2006. 13 ноября. (В соавторстве с Гузенкова Т.).
Синхронное оттаивание // Независимая газета. НГ Дипкуррьер. 2006. 27 марта.
- Уникальные находки на горе Джантух. Новые исследования археологов в Ткуарчале // Республика Абхазия. 2006. 31 октября – 1 ноября. (В соавторстве с Джоуа А.).
В Тбилиси чутко прислушиваются к указаниям «Вашингтонского обкома» // Эхо Абхазии. 2007. № 25 (590) (26 июня).
- Купцы и воины древности у перевалов Абхазии: новые открытия археологов // Эхо Абхазии. 2007. № 35 (04 сентября). (В соавторстве с Джоуа А.).
Миротворчество в СНГ как поле противоречий // Независимая газета НГ Дипкуррьер. 2007. 2 апреля. (В соавторстве с Гузенковой Т.).
Пиар по-кавказски // Евразия сегодня. 2007. № 62 (июль). С. 39.
- Проникая в тайны горы Джантух // Республика Абхазия. 2007. № 91 (2173) (11–12 августа). (В соавторстве с Джоуа А.).
Цъантоутэи археологиатэ тцааракэа (Джантухские археологические исследования) // Апсны. 2007. № 94–95 (13 декабря). (В соавторстве с Цьопуа А.).
Домашние заготовки // Московская среда. 2008. № 6 (258) (20–26 февраля).
Попытка «сдачи» Абхазии вызвала бы непредсказуемые последствия для России // Эхо Абхазии. 2008. № 7 (4 марта).
- Выдающийся исследователь древностей. 15 сентября исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося абхазского археолога-антиковеда, действительного члена АНА, доктора исторических наук Г.К. Шамба // Республика Абхазия. 2009. № 102 (2413) (12–13 сентября). (В соавторстве с Эрлихом В., Джоуа А., Ксенофонтовой И.).
[Выступление на экспертном круглом столе «Северный Кавказ: факторы стабилизации и дестабилизации»] // Звенья: экспертное издание Фонда исторической перспективы. Северный Кавказ: факторы стабилизации и дестабилизации. 2010. № 1 (13). С. 88–92.
- Редчайший памятник древности на Джантухе // Республика Абхазия. 2010. № 92 (2547) (17–18 августа). (В соавторстве с Джоуа А.).
У Ингушетии один сценарий развития // Пограничник. 2010. № 12 (1292) (декабрь). С. 51.
- Очарованный странник. Исследователь древностей Кавказа Юрий Николаевич Воронов // Достояние поколений. 2011. № 1 (10). С. 28–35.
- Акармара ажэытэзатэи амазакэа раартра (Открытие древностей в пос. Акармара) // Апсны. 2012. № 67 (20052) (31 августа). (На абхаз. яз.). (В соавторстве с Цьануа А.).

Перспективы сотрудничества археологов России и Абхазии // Чегемская правда. 2012. № 31 (403) (14 августа). (В соавторстве с Джошуа А.).

Тайны Джантухского могильника // Республика Абхазия. 2012. № 100 (2845) (04–05 сентября). (В соавторстве с Джошуа А.).

Армения у порога Таможенного союза // Ноев ковчег. 2013. № 21 (227) (16–30 ноября).

Безумие может стать реальностью // Ноев ковчег. 2013. № 8 (214) (1–15 мая).

Джантоу ахзаен (Гора Джантух) // Апсны. 2013. № 71 (20056) (13 сентября). (В соавторстве с Джошуа А.).

Интеграционные альтернативы: сложный выбор Армении между Европой и Россией // Ноев ковчег. 2013. № 17 (223) (16–30 сентября).

На Кавказе больше перспектив мира, чем войны // Ноев ковчег. 2013. № 22 (228) (1–15 декабря).

Новые исследования на горе Джантух // Чегемская правда. 2013. № 32 (454) (13 августа). С. 2. (В соавторстве с Джошуа А.).

Современные аспекты нагорно-карабахского урегулирования // Ноев ковчег. 2013. № 20 (226) (1–15 ноября).

Юг Кавказа: между «Восточным партнерством» и евразийскими инициативами Москвы // Ноев ковчег. 2013. № 11 (217) (16–30 июня).

Абхазский политический кризис: демократия без «майдана» // Ноев ковчег. 2014. № 12 (242) (1–15 июля).

Армения между Анкарой и Баку // Ноев ковчег. 2014. № 1 (231) (1–15 января).

Армянское лицо Абхазии // Ноев ковчег. 2014. № 2 (232) (1–15 февраля).

Евразийский союз рассматривается как экономическая, а не политическая организация // Ноев ковчег. 2014. № 10 (240) (1–15 июня).

Новые границы на Южном Кавказе // Ноев ковчег. 2014. № 14 (244) (август).

Сложный путь Армении в Евразийский союз // Ноев ковчег. 2014. № 18 (248) (1–15 октября).

Сочинская Олимпиада и безопасность на Кавказе // Ноев ковчег. 2014. № 4 (234) (1–15 марта).

Трехсторонний формат Кавказа // Ноев ковчег. 2014. № 5 (235) (16–31 марта).

Малые народы в России и Азербайджане // Ноев ковчег. 2015. № 10–11 (262–263) (июнь).

Дрюэ Сесиль. Направить общество не к войне, а к миру: интервью с политологом, сотрудником Швейцарского миротворческого фонда / Беседу вел А. Скаков // Ноев ковчег. 2015. № 2–3 (254–255) (февраль). С. 1–2.

Евразийская интеграция: надежды, проблемы, перспективы // Ноев ковчег. 2016. № 7 (282) (июль).

Акопян Сергей (наст. имя Скаков Александр). Кто в Армении направляет протестное недовольство против России? // Ноев ковчег. 2016. № 6 (281) (июнь).

Референдум в Абхазии: возможность стабилизации или новое раскачивание лодки // Ноев ковчег. 2016. № 8 (283) (август).

С искренним недоумением [Электронный ресурс] // Научное общество кавказоведов. 06.07.2016. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2016/07/06/s-iskrennim-nedoumeniem.html>.

Экономика Абхазии: между антитурецкими санкциями и российской помощью // Ноев ковчег. 2016. № 5 (280) (май).

Абхазия – Грузия: есть ли свет в конце тоннеля? // Ноев ковчег. 2017. № 8 (295) (август). С. 4.

Весомый вклад в абхазоведение // Республика Абхазия. 2017. № 92 (3553). (В соавторстве с Джошуа А.).

Парламентские выборы 2017 г. в Абхазии: итоги первого тура // Ноев ковчег. 2017. № 4 (291) (апрель). С. 11–12.

Археологические исследования на горе Джантух // Республика Абхазия. 2018. № 93 (3694) (5–6 сентября). С. 4. (В соавторстве с Джошуа А.).

Новые совместные исследования археологов Абхазии и России // Республика Абхазия. 2019. № 94 (3834) (11 сентября). (В соавторстве с Джошуа А.).

Бунт осмысленный // Известия. 2020. № 4 (30483) (14 января). С. 03.

Нагорный Карабах – 2020: разморозка конфликта и переформатирование его урегулирования [Электронный ресурс] // РСМД (Российский совет по международным делам). 26.11.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nagornyy-karabakh-2020-razmoroзка-konflikta-i-pereformatirovanie-ego-uregulirovaniya/>.

Древний Гиенос – Очамчира: изучение истории города продолжается // Ерцаху. Очамчира, 2021. № 16 (27 августа). С. 3. (В соавторстве с Джошуа А.).

Западу не нужны ни Ереван, ни Баку, Западу нужны нефть и газ // Голос Армении. 2012. № 123 (20335) (17 ноября). С. 6.

Составитель

Барон и Муза: Николай Врангель, Паллада Богданова-Бельская / Сост.: А. А. Мурашев, А. Ю. Скаков. СПб.: Коло, 2001

Барон и Муза: барон Николай Врангель, Паллада Богданова-Бельская / Сост.: А. А. Мурашев, А. Ю. Скаков. Фрязино, 2020.

Список научных трудов Александра Пинкусовича Мошинского / Сост. Д. В. Журавлев, А. Ю. Скаков // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий: науч. альманах, посвящ. памяти известного специалиста по археологии Северного Кавказа, канд. ист. наук Александра Пинкусовича Мошинского. Ставрополь; М., 2023. С. 48–56.

Рецензент изданий

Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия 1917–1919. М., 2011.

Корневский С. Н., Мимоход Р. А. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонской в Северной Осетии: монография. М.: ИА РАН, 2011.

История Осетии: в 2 т. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 2. История Осетии в XIX – начале XX века. Владикавказ, 2012.

Брилева О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. – X в. н. э.). М.: ТАУС, 2012 // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 6. Ставрополь, 2014. С. 45–48.

Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сб. к 90-летию со дня рождения и памяти Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2014.

Корневский С. Н. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н. э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. М.: ИА РАН: ТАУС, 2017.

Аликберов А. К. Общество и религия в фокусе истории. Казань, 2018.

Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения учёного-кавказоведа Ю. Н. Воронова. Сухум, 2018.

Тахнаева Патимат. Гуниб, август 1859 г. «Последние дни джихада в Дагестане...». Махачкала, 2018.

Труды Абхазского государственного музея. Вып. VII. Сухум: Абгосиздат, 2018.

Тахнаева Патимат. Хаджи-мурат. Хаджимурад из Хунзаха. М., 2019.

Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). М.: Ин- востоковедения РАН, 2020.

Корневский С. Н. Поселение раннего бронзового века Тузла-15 на Тамани. М., 2020.

Хасанилав ал-Гимрави. Имам Газимухаммад. Аварская хроника времен Кавказской войны (1827–1831 гг.). М., 2020.

АИОН: к 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю. А. Дзишцойты: коллективная монография. М., 2021.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. Изд. 2-е, испр. М.: Ин- востоковедения РАН, 2021.

Россия и Казахстан: 30 лет стратегического партнерства и всестороннего сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20 апреля 2021 г.). Нур-Султан; М., 2021.

Трапи М. М. Труды: в 5 т. Т. 1, 2, 3. Сухум, 2017, 2019, 2021.

Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа: сб. памяти В. И. Козенковой. М., 2022.

Сызранов А. В. Ислам на Нижней Волге. Очерки истории и этнографии. М., 2022.

Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия: к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта: сб. тез. докл. М.: ИА РАН, 2022.

Открытый архив: электронные публикации на сайте Российского исторического общества

О фальсификации чеченской истории в статье «Чеченская республика» в «Большой энциклопедии». Статья в открытом архиве № 988 28.01.2010. (В соавторстве с Наумкиным В. В., Аликберовым А. К., Роциным М. Ю.).

Азербайджан: об опасности военных авантур в регионе Нагорно-Карабахского конфликта. Статья в открытом архиве № 11032013 11.03.2013.

Восточная Абхазия в эпоху раннего железа (по материалам новых исследований Джантухского могильника). Статья в открытом архиве № б/н 08.01.2015.

Евразийская интеграция: надежды, проблемы, перспективы. Статья в открытом архиве № 5458 01.07.2016

Референдум в Абхазии: возможность стабилизации или новое раскачивание лодки. Статья в открытом архиве № 5505 01.08.2016.

Южная Осетия: третий лишний, или как заинтересовать политологов. Статья в открытом архиве № 18012017 18.01.2017.

Грузия на европейском маршруте? Статья в открытом архиве № 08022017 08.02.2017.

Южная Осетия: надо просто соблюдать конституцию. Статья в открытом архиве № 09022017 09.02.2017.

Южная Осетия: в надежде на сохранение стабильности. Статья в открытом архиве № 3803277 06.03.2017.

Абхазия в ожидании. Статья в открытом архиве № 1020574156 10.03.2017.

Митинги вместо выборов: Кокойты против Южной Осетии. Статья в открытом архиве № 21032017 21.03.2017.

Разные соусы к одному хинкалу. Статья в открытом архиве № 23440 25.06.2017.

Я. Б. Берзин

О КОБАНСКИХ ПОДКУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ СЕВЕРНОГО СТАВРОПОЛЬЯ

Основной формой погребальных памятников кобанской культуры Северного Кавказа на всех этапах ее существования являлись грунтовые могильники с различными типами погребальных сооружений (каменные ящики, грунтовые могилы, многочисленные варианты ям с самого разного рода каменным оформлением). Вместе с тем параллельно с грунтовыми погребениями иногда на одном и том же могильнике присутствовали и гораздо более редкие, но бесспорные подкурганные погребения. Это было отмечено Е. И. Крупновым в его монографии о кобанской культуре Северного Кавказа (*Крупнов*, 1960). Более подробно об этом говорилось В. И. Козенковой. Применительно к западному варианту (западнокобанской культуре) она насчитывает около 10% подкурганных погребений от общего количества учтенных для периода XII – начала VII в. до н. э. и несколько меньшую долю для периода середины VII – IV в. до н. э. (*Козенкова*, 1989). Характерно, что во всех случаях, когда есть достоверная информация, речь идет об основных, чаще всего единственных, погребениях под небольшой (редко более 10–12 м диаметром) насыпью. Нормальным является наличие в кургане значительного количества камня.

Какое-то время дискуссионной являлась культурная принадлежность памятников типа Наргановского могильника (*Батчаев*, 1985). Однако в настоящее время представляется более вероятным связь их со скифской культурой, хотя и испытавшей сильное кобанское влияние – особенной в составе вещевого комплекса. В настоящее время связь этого типа могильников со скифами убедительно доказана блестящими раскопками могильника Новозаведенное III в Георгиевском районе Ставропольского края (*Канторович*, *Маслов*, 2017).

Вместе с тем известны немногочисленные захоронения предскифского и раннего скифского времени, впущенные в курганы эпохи бронзы. Речь идет о погребении 6 кургана 1 могильника у пос. Садовый Моздокского района Северной Осетии (*Козенкова и др.*, 1997), погребении 1 кургана 14 могильника Веселая Роща (*Дударев*, 1999), погребении 15 кургана 3 могильника

Бородыновка III (Березин, Маслов, 2017), погребении 1 кургана 1 могильника Прогресс-2 (Березин, Маслов, 2016). Погребальный обряд и инвентарь этих захоронений имеют синкретичные черты, что позволяет исследователям относить их как к кругу собственно кобанских памятников, так и считать захоронениями «подвижных групп пришлых скотоводов» (Березин, Маслов, 2017).

В 2020 г. экспедицией ООО «Археос» (г. Ставрополь) было исследовано 5 курганов могильника Солнечнодольск-4, расположенного на северо-западном склоне Ставропольской возвышенности, в месте перехода последней в предкавказские степи (Березин, 2020). Могильник был основан в эпоху средней бронзы и функционировал вплоть до периода раннего Средневековья. В ходе раскопок было обнаружено 4 погребения, относящихся к интересующей нас группе. Одно из них уже опубликовано. Оно датировано второй половиной VIII в. до н. э. и отнесено к западнокобанской культуре (Березин, Маслов, 2022). Многочисленные сходства в инвентаре указывают на возможное исходное место миграции – это южная часть района Кавминвод, Кисловодская котловина.

Остальные погребения имеют несколько общих черт в погребальном обряде. Все они совершены скорченно на боку, ориентировка различна. Погребение 2 кургана 1 имеет частичное каменное оформление – возможно, это была наброска над погребением. Вероятно, оно наиболее позднее из всех. Серолощенная биконическая кружка имеет многочисленные аналогии в западнокобанских памятниках скифского времени (Этокский, Минераловодский и другие могильники Пятигорья) (Виноградов, 1972).

Погребение 3 кургана 4 отнесено к данной группе условно. Его инвентарь составляет единственный фрагмент керамики с глубокими насечками. По технологии фрагмент, скорее всего, относится к эпохе раннего железа. Сильно скорченная поза погребенного, с руками, сложенными перед лицом, является основной для западной части ареала кобанской культуры (Козенкова, 1989).

Погребение 10 кургана 4 потревожено, ясно лишь, что изначально скелет имел скорченное положение. Круглодонный кубок из этого погребения имеет прекрасные аналогии с кубками первой группы, вариант «б» (по С.Л. Дудареву) для керамического комплекса могильника Клин-Яр III (Дударев, 2015). Подавляющее большинство погребений с подобными кубками датируются позднейшим предскифским – раннескифским временем (Дударев, 2015. С. 386–397). Круглые пластинки с отверстиями, выполненные из тонкого бронзового листа, являются одним из наиболее характерных атрибутов западнокобанского женского костюма и использовались в течение достаточно длительного времени (Козенкова, 1998; Дударев, 2004). Следует отметить, что найденная в насыпи этого же кургана еще одна такая же пластинка вполне может происходить из раннего погребения. Чаще всего в наборах они парные.

В заключение необходимо отметить находку в насыпи кургана фрагмента каменного молотка. Его можно отнести к типу II, вариант 3 по классификации С. Л. Дударева (Дударев, 1999). Они датированы исследователем наиболее поздним отрезком предскифского периода, отмечается прочная связь находок топоров-молотков и молотков с Центральным и Северо-Западным Предкавказьем, откуда и происходит подавляющее большинство их находок (Дударев, 1999).

Таким образом, в курганах у пос. Солнечнодольск мы обнаруживаем группу погребений с явными чертами западнокобанской археологической культуры, но совершенными в курганах эпохи бронзы, что совершенно чуждо кобанским традициям. В связи с этим вернемся к местоположению могильника. Он находится на склоне Ставропольской возвышенности, которая начиная с предскифского времени была занята наиболее северной филиацией западнокобанской культуры. Раскопками 2007 и 2018–2022 гг. Грушевского поселения и могильника на юго-западной окраине г. Ставрополь исследованы десятки тысяч квадратных метров культурного слоя и несколько сотен погребений кобанской культуры (В. Н. Галаева, Е. А. Кудрявцев, С. В. Мячин, В. А. Бабенко, С. Н. Савенко, Т. А. Габуев и др.). К сожалению, выявленные материалы пока далеки от публикации и отчеты сделаны далеко не по всем завершённым работам (Савенко, 2021)¹. Тем не менее масштаб памятника очевиден.

В начале 1980-х гг. масштабные разведки на Ставропольской возвышенности проводил Н. А. Охонько, выявивший до полутора десятков кобанских поселений, до сих пор практически не подвергавшихся раскопкам (Охонько, 1988). Тем не менее мы можем уверенно констатировать наличие на Ставропольской возвышенности значительной популяции западнокобанского населения как для предскифского, так и скифского времени.

Расстояние от Солнечнодольска до Грушевского поселения по прямой составляет всего около 45 км. То есть западнокобанское население жило в условиях постоянных и плотных контактов (нужно думать, самого разного рода) с кочевавшими в Предкавказье степняками, кем бы они ни были. Одним из последствий таких контактов могло быть образование, по мысли В. И. Козенковой, «особых военизированных групп горского населения» (Козенкова и др., 1997). Подобные группы должны были защищать интересы горского населения при использовании степных пастбищ. Подобные мысли, хотя и не столь концентрированно выраженные, высказывались ранее и В. Б. Виноградовым (Виноградов, 1972).

---

¹ Информация получена мною непосредственно от руководителей раскопок (Т. А. Габуева, С. В. Мячина, С. Н. Савенко), за что приношу им искреннюю благодарность.

От этого остается один шаг до перехода части западнокобанского населения к кочевой жизни, формы которой могли быть различными: от отгонных перекочевок (с проживанием части населения на месте) до движения по устоявшимся маршрутам в степи, свойственным настоящим кочевникам. Археологическим отражением подобной ситуации вполне могут быть представленные погребения из могильника Солнечнодольск-4.

ЛИТЕРАТУРА

Батчаев Б. М., 1985. Древности предскифского и скифского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик: Эльбрус. С. 7–115.

Березин С. Я., Маслов В. Е., 2016. «Раннескифское» погребение в могильнике Прогресс–2 // КСИА. Вып. 245, ч. I. С. 191–203.

Березин С. Я., Маслов В. Е., 2017. Воинское предскифское погребение близ г. Железноводск // КСИА. Вып. 249, ч. I. С. 174–187.

Березин С. Я., Маслов В. Е., 2022. Кобанское погребение близ Солнечнодольска // КСИА. Вып. 267. С. 85–101.

Березин Я. Б., 2020. Отчет о раскопках курганного могильника «Солнечнодольск – 4» в Изобильненском районе Ставропольского края в 2020 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 72339, 72340

Виноградов В. Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во. 389 с.

Дударев С. Л., 1999. Взаимоотношения племён Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир. 401 с.

Дударев С. Л., 2004. Белореченский 2-й могильник – памятник раннего железа Кавказских Минеральных Вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир: Центр археологических исследований Армавирского гос. пед. ун-та. С. 15–100.

Дударев С. Л., 2015. Могильник Клинь-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б. 446 с.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2017. Могильник Новозаведенное III как свидетельство пребывания скифов в Центральном Предкавказье в конце V–IV вв. до н. э. // Исторические исследования. № 8. С. 107–139.

Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука. 195 с. (САИ; вып. В2-5).

Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племён. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; вып. В2-5).

Козенкова В. И., Сосранов Р. С., Черджиев Э. Л., 1997. В вопросе о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // Памятники предскфского и скифского времени на юге Восточной Европы. М.: ИА РАН. С. 14–18. (Материалы по археологии России; № 1).

Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР. 519 с.

Охонько Н. А., 1998. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 15–16. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во. С. 243–294.

Савенко С. Н., 2021. Отчет о раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Грушевское городище» в городе Ставрополе в 2021 году // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.

О. А. Брилева, Г. Ю. Колганова

БУЛАВКА С ЗООМОРФНЫМ НАВЕРШИЕМ ИЗ СОБРАНИЯ ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА (КОЛЛЕКЦИЯ А. В. ЖИВАГО)

В 2022 г. в коллекции А. В. Живаго, хранящейся в фондах отдела Древнего Востока ГМИИ им. А. С. Пушкина, были обнаружены два комплекса, происходящие с территории Кавказа. Данная работа посвящена предмету одного из комплексов.

История обнаружения этого комплекса довольно запутанна. В 1910 г. имеретинец Григорий Лобжанидзе возделывал поле у местечка Они, близ селения Геби Рачинского уезда Кутаисской губернии. Во время пахоты была сдвинута с места каменная плита, под которой оказалось погребение. Со слов находчика, все вещи обнаружены непосредственно у скелета. А. В. Живаго приобрел их у Г. Лобжанидзе 28.06.1913 г. на вершине Чермамета в окрестностях г. Кисловодска.

История эта, с первого взгляда, представляется недостоверной. Найдя вещи с южной стороны Кавказского хребта, находчик отправился через Кавказ для их продажи, преодолел 630 км, взобрался на гору в окрестностях Кисловодска, где удачно продал все коллекционеру. Однако известный археолог-кавказовед С. Н. Савенко считает такую историю возможной, т. к. Кисловодск и его окрестности были центром притяжения respectable публики, которой можно было выгодно продать найденные вещи. И логика в действиях находчика есть. Учитывая, что через селение Они проходила Военно-Осетинская дорога, связывающая Кутаиси с Владикавказом, путь до Кисловодска был вполне доступен для такого выгодного путешествия. И даже отсутствие в современной топографии Кавминвод вершины с названием Чермамет не кажется уже подозрительным (возможно, под этим названием имеется в виду гора Бермамыт).

Итак, обратимся к составу комплекса, предположительно, относящегося к одному погребению. Он состоит из 30 (или 31?) предметов: бронзовое навершие булавки, украшенное зооморфной фигурой; бронзовая зооморфная подвеска в виде фигуры бараноптицы; бронзовая фигурка птицы с петлей для подвешивания; фибула; 23 бусины (в основном стеклянных); два бронзовых

Рис. 1. Фрагмент булавки с зооморфным навершием из коллекции А. В. Живаго (ГМИИ I.3.а 108)

наконечника стрелы; колечко с орнаментом и свернутый в кольцо стержень, обломанный с одного края.

Остановимся подробнее на фрагменте булавки с зооморфным навершием (рис. 1) (ГМИИ I.3.а 108). Команда Лаборатории RSSDA в составе Ю. М. Своейского, Ю. А. Миронова, Е. В. Романенко выполнила документирование и моделирование предмета. С моделью предмета можно ознакомиться по адресу: <https://rssda.su/auxil/ar0965.html>.

Общая высота предмета составляет 2,8 см. Диаметр стержня в районе слома – 0,7 см.

Верхняя часть стержня оформлена в виде трех параллельных горизонтальных валиков. Схожее оформление встречается на булавке из Банис-хеви, обнаруженной близ Боржоми (раскопки В. А. Городцова в 1911 г.) и обозначено как «винтовая нарезка» (Козенкова, 1972. С. 13). В Стырфазских кромлехах Южной Осетии в погр. 1 кромлеха 5 встречено 11 булавок с пятишишечными головками (тип III по Б. В. Техову) (Техов, 2000. С. 76). На них между пятишишечной головкой и утолщенной частью стержня встречается от одной до трех «кольцеобразных линий» (Техов, 2000. С. 76. Рис. 24: 1–3, 11; 25: 2, 3, 7, 9–11). Стырфазский кромлех 5 Б. В. Техов датирует концом XIV – первой половиной XII в. до н. э. (Техов, 2000. С. 113). Сбоку к этой части стержня присоединяется вертикальная округлая петелька. Диаметр ее ушка – 0,4 см. Такая форма петли на булавках редкость. Среди аналогий можно назвать лишь серию

булавок из Былымского клада (Батчаев, 1980), отнесенных В. И. Козенковой к началу I тыс. до н. э. (Козенкова, 1998. С. 68).

Выше трех горизонтальных линий расположено основание зооморфной фигуры, имеющее вид уплощенного шара с продольным рифлением. Общая форма его напоминает прорезные бубенцы, бытовавшие от эпохи бронзы до раннего железного века. Самый ранний пример использования бубенцов в связи с навершиями – это изделия из Лори-Берда и Лчашена. Изделия были трехсоставными и крутились вокруг своей оси за счет втулки, соединяющей своеобразную ручку и платформу с сюжетной композицией. Платформа, как правило, была прямоугольной формы с прорезями, внутри нее находились бубенцы. Они не были видны, но издавали звон во время использования предмета. Самые ранние примеры таких наверший происходят из Лори-Берда и Лчашена (Армения) и относятся к XV–XIV вв. до н. э. (Брилева, 2012. Кат. 322–326). Продолжением этой традиции в рамках одной культуры считается жезл с шаровидным шарниром, внутри которого находятся бубенцы. Сам шарнир украшен выпуклыми продольными линиями. Единственный экземпляр навершия с такой структурой относится к VIII–VII вв. до н. э. и связан с погребальной залой I Трельского могильника (Грузия) (Брилева, 2012. Кат. 368). Описанные навершия являются маркером лчашено-цителгорийской культуры (Abramishvili R., Abramishvili M., 2008). Вероятно, отголоском или развитием идеи таких наверший можно считать и шаровидное оформление на навершии рассматриваемой булавки, а также умбоновидные бляхи с прорезными бубенцами на некоторых предметах из Казбекского клада (VI–V вв. до н. э.). Таким образом, уплощенный шар с продольным рифлением на рассматриваемой булавке имитирует одновременно и крутящийся шарнир, и прорезной бубенец.

Верхняя часть стержня – над уплощенно-шаровидным основанием – заканчивается коническим выступом, соединенным своей вершиной с брюхом зооморфной фигуры, завершающим композицию навершия. Высота зооморфной фигуры составляет 1,6 см. Она представляет собой кошачьего хищника. Длинные ноги животного чуть согнуты и сведены к стержню, что придает позе динамичности и напряженности, создавая ощущение готовности к прыжку. Однако голова, размер которой не соответствует размеру тела, нивелирует это ощущение. У животного длинный хвост, с загнутым в кольцо кончиком. Морда короткая, ноздри переданы двумя параллельными вдавлениями на округлом окончании, создающем ощущение вздернутого или курносого носа. Голова животного наклонена вниз. Глаза показаны загнутыми валиками, пасть приоткрыта. В ней есть небольшое сквозное отверстие. Уши подняты вверх.

При анализе редких мотивов кобано-колхидского графического искусства А. Ю. Скаков обозначал подобные изображения окончания головы так: «с утрированными и загнутыми вверх носами» (Скаков, 2001. С. 101). Голову живот-

ного с таким изображением ее окончания он трактовал как головы собак или волков (Там же. С. 103). При этом изображенные на топорах звериные головы с открытой пастью А. Ю. Скаков условно атрибутировал как «собачьи», а головы с закрытой пастью и вытянутой мордой с расширением на конце – как «лошадьи», однако он сам подчеркивал условность такого деления (Скаков, 1998).

Утрированный и загнутый вверх нос изображен на мордах зверей, украшающих уздечный комплекс из гробницы 37 Адайдонского могильника (Чшиев, 2011. С. 170. Рис. 3). Бронзовые двухчастные удила с надетыми на стержни рельефными зооморфными псалями схожи с луристанскими бронзовыми удилами IX–VIII вв. до н. э. (Древности страны луров, 1992. С. 84. Рис. 222). Х. Т. Чшиев относит уздечный комплекс к концу IX – первой половине VIII в. до н. э. (Чшиев, 2011. С. 171). В. И. Козенкова датирует эту «весьма показательную для Луристана и чуждую Кобани конструкцию изделия» не позднее начала VIII в. до н. э. Она учитывает переднеазиатские инфильтрации в период активации отношений населения Северного Кавказа с Луристаном, Ассирией и Урарту, датирующихся в пределах X–IX вв. до н. э. Для удил из Адайдона она не исключает датировку и концом IX в. до н. э. (Козенкова, 2013. С. 121).

Если обратиться к опыту классификации зооморфных образов А. Р. Канторовича в скифском зверином стиле, то нашего зверя можно обозначить как «хищник, относительно короткоголовый и тупомордый (т. е. кошачий)» (Канторович, 2014. С. 69). Изображения кошачьих хищников на навершиях булавок нам неизвестны. Однако в VII–V вв. до н. э. в Центральном Предкавказье и Прикубанье формируется особый образ скифского звериного стиля – «Келермесская пантера».

Общий круг аналогий указывает на происхождение предмета из круга кобано-колхидских бронз. Его подлинность не вызывает сомнений, а происхождение из окрестностей Они не исключено. При этом наиболее возможной датировкой булавки с зооморфным навершием является конец IX – первая половина VIII в. до н. э. Луристанские и адайдонские удила и навершие булавки с кошачьим хищником из коллекции А. В. Живаго можно считать своеобразной предтечей формирования образа «Келермесской пантеры» в Центральном Предкавказье и Прикубанье.

ЛИТЕРАТУРА

Батчаев В. М., 1980. Клад из селения Былым // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. I. Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т истории, филологии и экономики. С. 26–51.

Брилева О. А., 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. – X в. н. э.). М.: Таус. 424 с.

Древности страны лугов / Отв. ред. Е. В. Зеймаль. СПб.: Гос. Эрмитаж; Брюссель: Королев. музей искусства и истории, 1992. 128 с.

Канторович А. Р., 2014. Эволюция и хронология сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. С. 66–99.

Козенкова В. И., 1972. Об одном типе кобанских булавок // КСИА. Вып. 132. С. 12–15.

Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племён. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; вып. В2-5).

Козенкова В. И., 2013. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус. 252 с.

Скаков А. Ю., 1998. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // Историко-археологический альманах / Армавир. краевед. музей. Вып. 4. Армавир; М. С. 12–23.

Скаков А. Ю., 2001. Некоторые редкие мотивы кобано-колхидского графического искусства // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 97–122.

Техов Б. В., 2000. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии (Стырфазские кромлехи). Владикавказ; Цхинвал. 240 с.

Чишев Х. Т., 2011. Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского – раннескифского времени Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный: Ин-т гуманитар. исслед. АН Чеченской Республики; М.: ИА РАН. С. 168–175.

Abramishvili R. Abramishvili M., 2008. Late bronze age barrows at Tsitelgori // Archaeology in Southern Caucasus: perspectives from Georgia / Ed. by A. Sagona, M. Abramishvili. Leuven; Paris; Dudley. P. 351–363. (Ancient Near Eastern Studies; suppl. 19).

Д. А. Геворкова, Д. В. Журавлев, **А. Ю. Скаков**

НОВЫЕ НАХОДКИ ЗАКАВКАЗСКИХ БРОНЗОВЫХ ПЛАСТИНЧАТЫХ ПОЯСОВ В СОБРАНИИ ГИМ

При характеристике материальной культуры населения Северного Кавказа и Закавказья последней трети II – первой половины I тыс. до н. э. нельзя обойти вниманием значительное количество бронзовых поясов, происходящих как из мужских, так и женских погребений, и характеризующихся большим разнообразием мотивов орнаментации. Несмотря на то, что тема в историографии отнюдь не новая, каждая находка подобного пояса вызывает значительный интерес специалистов.

Наша работа посвящена введению в научный оборот трех бронзовых поясов из случайных находок, которые передал в дар Государственному историческому музею в 2012 г. И. В. Наумец. По сообщению владельца, эти изделия были обнаружены на территории Краснодарского края, предположительно, в районе г. Сочи. Помимо поясов, из того же источника музеем был получен и уникальный шлем, якобы найденный там же (*Скаков, Журавлев, 2018. С. 279–282; Железный век..., 2020. С. 574–575, № 206.1*). Этой скудной информацией мы вынуждены довольствоваться, говоря о контексте находок.

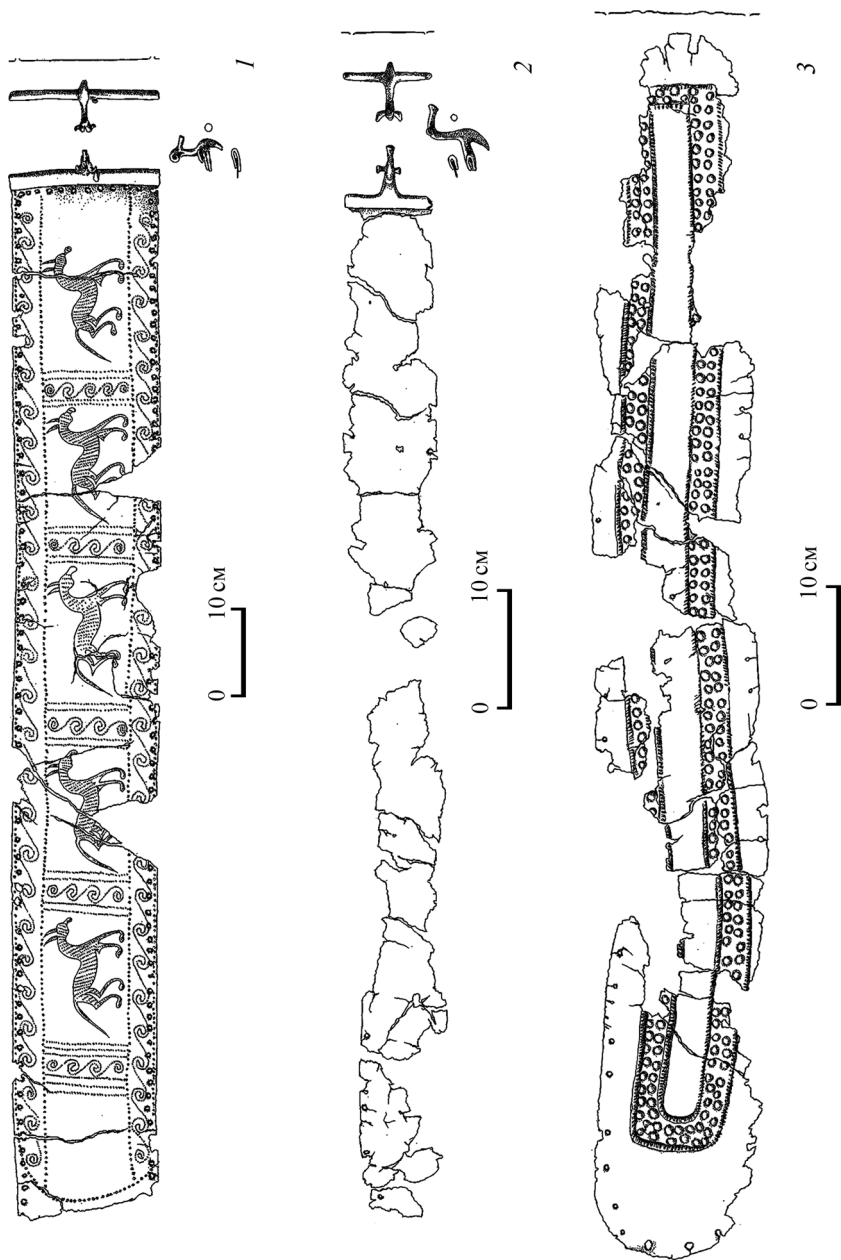
На момент передачи все вещи находились в сильно фрагментированном состоянии. В результате прекрасно проведенных в Историческом музее реставрационных работ восстановлен облик трех изделий (реставратор – Е. В. Белькевич), которые даже позволили экспонировать один из них на выставке «Железный век. Европа без границ» (*Железный век..., 2020. С. 575–576, № 206.2*).

Изначально предполагалось, что эти находки будут опубликованы двумя соавторами-однокурсниками, но, как это часто бывает, мы долго отвлекались на другие сюжеты и не могли найти время для написания этой работы. После безвременной кончины А. Ю. Скакова в наши ряды влилась его ученица Д. А. Геворкова, которая смогла продвинуть работу по изучению этих уникальных памятников. Мы посвящаем эту небольшую публикацию памяти нашего друга, коллеги, соавтора и учителя Александра Юрьевича Скакова, совместно с которым эта работа начинала готовиться...

Все предложенные к рассмотрению экземпляры могут быть отнесены к обширной группе поясов т. н. закавказского типа (*Castelluccia*, 2017). Следует отметить, что используемые в работе обозначения: верхний, нижний, правый, левый – введены для удобства описания и могут не соответствовать оригинальному положению пояса при его носке.

Первый из рассматриваемых экземпляров (рис. 1: 1) был частично опубликован авторами данной работы (Железный век..., 2020. С. 575–576, № 206.2). Однако представляется необходимым дать его более детальную характеристику. Пояс сохранился в нескольких крупных фрагментах (длина – 117,6 см, максимальная ширина – 16,8 см) и представляет собой выкованную из цельного бронзового листа пластину с перфорированными краями. Предполагается, что сквозные отверстия служили для крепления изделия к органической основе: кожаной или войлочной (*Есаян*, 1986. С. 50). На одном из концов сохранилась литая поясная пряжка без отверстий для крепления к самому поясу, увенчанная протомой барана. Вся орнаментация выполнена в пуансонной технике. Центральная панель пояса окантована с верхней и нижней стороны одновитковой бегущей спиралью, заключенной между двух рядов точек. Образованное рамкой поле разделено пятью вертикальными перемычками на шесть прямоугольных зон – кадров, или, по другой терминологии, – метоп. Сами перемычки имеют вид бегущих спиралей, заключенных между двух рядов точек с каждой стороны. Исключением является первая перемычка, имеющая вид спирали, заключенной между трех рядов точек с каждой стороны. Во всех кадрах – метопах, кроме крайнего слева, расположены крупные изображения животных, ориентированных вправо, в сторону пряжки. Фигуры могут быть отнесены к группе изображений «собака-лошадь», выделенной А. Ю. Скаковым, с доминированием черт «лошади» (Железный век..., 2020. С. 575). Контуры животных нанесены на лицевую сторону мелкой частой точкой, внутренняя часть заполнена симметрично расположенными рядами мелких точек, нанесенными с тыльной стороны.

Следует отметить, что подобные изображения «лошадей» абсолютно не типичны для орнаментации бронзовых поясов, происходящих с территории Северного Кавказа и Закавказья. Стилистически близкие изображения известны на бронзовом ритоне, происходящем из погребения на Бамборской поляне близ Гудауты, и топорах из Анухвы и Ачандары (*Доманский*, 1979. С. 31–32), которые относятся к бзыбскому варианту колхидской культуры. На связь нашего пояса с данным вариантом указывает и наличие литой поясной пряжки с протомой животного и без отверстий для ее крепления к самому поясу. Данный тип пряжек неизвестен за пределами ареала бзыбского варианта. Подобные пряжки найдены в комплексах из Аагсты (*Куфтин*, 1949. Табл. XI: 2), Звандрипша, Куланурхвы (погребения 1, 2), Нижней Эшеры (случайная находка)

Рис. 1. Графические изображения бронзовых поясов:
 1 — пояс № 1; 2 — пояс № 2, 3 — пояс № 3

(Трапи, 1970. С. 159–160), погребении в верхнем слое дольмена № 7 в Кюр-Дере. На основе приведенных аналогий данный экземпляр может быть датирован в рамках IX – первой половины VII в. до н. э. (Скаков, 2008. С. 25).

Второй экземпляр дошел до нас в сильно фрагментированном состоянии (рис. 1: 2). Центральная часть пояса утрачена, в связи с чем восстановить общую длину изделия не представляется возможным; максимальная ширина – 8 см. Частично сохранилась перфорация по верхнему краю. Сам пояс не орнаментирован, однако на одном из его концов сохранилась литая бронзовая пряжка без отверстий, увенчанная фигурным изображением животного. Наличие пряжки с протомой животного и без отверстий, как уже было обозначено выше, может свидетельствовать о принадлежности данного экземпляра к бзыбскому варианту колхидской культуры. Пояс может быть помещен в те же хронологические рамки, что экземпляр № 1, то есть IX – первая половина VII в. до н. э. (Скаков, 2008. С. 25).

Третий пояс также сохранился в сильно фрагментированном состоянии (рис. 1: 3). Общая длина изделия – 105,6 см, максимальная ширина – 14 см. В отличие от предыдущих экземпляров, концы данного пояса имеют закругленную форму. Частично сохранились перфорированные края. Пояс орнаментирован двумя горизонтальными и двумя вертикальными полосами, образующими прямоугольную область. Каждая из полос имеет вид расположенных с частичным соблюдением вертикальной симметрии двух рядов выпуклых точек, окаймленных поясками из плотно расположенных коротких косых насечек. На лицевой стороне сохранились следы разметки пространства и последующей доработки отдельных элементов.

Ближайшей аналогией нашему экземпляру является бронзовый пояс из погребения № 278 Тлийского могильника в Южной Осетии (Техов, 1981. Рис. 81; *Castelluccia*, 2017. Р. 98). Главное отличие двух экземпляров заключается в соблюдении на тлийском поясе четкого интервального расстояния и строгой вертикальной симметрии.

Вне всяких сомнений, полная публикация этих незаурядных изделий еще только предстоит. Тем не менее можно заключить, что, несмотря на отсутствие достоверной информации о контексте находок, все описанные экземпляры укладываются в широкие хронологические рамки конца IX – первой половины VII в. до н. э. и принадлежат к кобано-колхидскому графическому стилю.

Отдельно следует отметить, что анализ массива известных северокавказских и закавказских поясов подтверждает факт самобытности экземпляра № 1 и появление нового иконографического образа в орнаментации изделий. В то же время пояс № 3 может являться продуктом подражания мастера урартским поясам с пуансонным орнаментом.

ЛИТЕРАТУРА

Доманский Я. В., 1979. Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии // Труды ГЭ. Т. XX. Л.: Искусство. С. 23–37.

Есаян С. А., 1986. Доспех Древней Армении. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та. 88 с.

Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.: каталог выставки / под ред. А. Ю. Алексеева, М. Наврота, А. Гасса, Ю. Ю. Пиотровского, СПб.: Чистый лист, 2020. 720 с.

Куфтин Б. А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси: Техника да Шрома. 360 с.

Погрехова М. Н., Раевский Д. С., 1997. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М.: Восточная литература.

Скаков А. Ю., Журавлев Д. В., 2018. Новая находка шлема и пекторали предскифского времени на Кавказе (предварительное сообщение) // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 30 мая – 1 июня 2018 г.). Краснодар. С. 279–281.

Скаков А. Ю., 2008. Погребальные памятники Бзыбской Абхазии // РА. № 1. С. 15–27.

Техов Б. В., 1981. Тлийский могильник: комплексы IX – первой половины VII в. до н. э. Т. II. Тбилиси: Мецниереба.

Трани М. М., 1970. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Т. 1. Сухуми: Алашара. 210 с.

Castelluccia M., 2017. Transcaucasian Bronze Belts. Oxford: British Archaeological Reports. 419 p.

А. Р. Канторович, В. Е. Маслов

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В КУРГАНЕ № 1 МОГИЛЬНИКА НОВОЗАВЕДЕННОЕ-V

В течение полевых сезонов 2022 и 2023 гг. Ставропольская экспедиция кафедры археологии исторического факультета МГУ вела раскопки крупнейшего кургана могильника Новозаведенное-V (курган № 1) в Георгиевском округе Ставропольского края. Исследования осуществлялись в рамках проекта РФФ № 22-18-00108 «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл». Работы велись под руководством заведующего кафедрой археологии исторического факультета МГУ д. и. н. А. Р. Канторовича. В качестве приглашенного специалиста и соавтора раскопок в данных исследованиях принимал участие н. с. Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН к. и. н. В. Е. Маслов.

Исследованный курган изначально представлял собой большую насыпь, достигавшую почти 5 м высоты и около 42 м в диаметре. Всего в насыпи кургана № 1 могильника Новозаведенное-V и под его подошвой, по предварительным данным, было открыто 30 погребений, 28 ритуальных комплексов и скопленных костей животных и 67 отдельных находок, относящихся к различным эпохам, – от средней бронзы до нового времени.

Стратиграфические наблюдения и результаты исследований показывают, что основу кургана составляла насыпь эпохи средней бронзы, сооруженная, ориентировочно, во второй четверти III тыс. до н. э., высотой около 4 м. Следует отметить, что в эпоху бронзы насыпь, очевидно, не подвергалась значительным досыпкам.

Данная насыпь была сооружена над центральным комплексом, состоявшим из трех камер – погр. № 5, 24 и 29. Все три камеры находились в непосредственном соседстве и были впущены в материк с уровня древней погребенной почвы. В этот единый комплекс, очевидно, входили два «кенотафа» – погр. № 5, 24 (обширные подпрямоугольные могильные камеры со скругленными углами, глубиной около 3 м, не содержавшие каких-либо останков умерших, но при этом без явных признаков ограбления), а также могильная яма

с разрозненными костями человека: очевидно, остатки человеческого захоронения, ограбленного в древности.

Камеры «кенотафов» (погр. № 5, 24) были расположены параллельно и ориентированы длинными осями в направлении север – юг. Расстояние между ними не превышало 3–3,2 м. К западу и востоку от обеих камер располагались валики могильных выбросов, лежавшие на погребенной почве, их высота от уровня погребенной почвы достигала 0,7 м. Выброс от разных камер соединялся, это свидетельствует о том, что камеры были сооружены синхронно. Судя по разрезу выброса, можно предполагать, что восточная камера – погр. № 5 – была вырыта немного раньше западной – погр. № 24.

Обе эти камеры были перекрыты вдоль длинной оси деревянным накатом, покрытым тростником. Близ юго-восточного угла перекрытия погр. № 24 сохранились отпечатки тростниковой циновки. В погр. № 5 стенки камеры сохранили вертикальные следы широких мотыговидных орудий, изготовленных из дерева (?) (имеются следы вертикального рифления, соответствующего древесным волокнам), яма слегка расширяется ко дну.

В обоих «кенотафах» инвентарь был размещен на перекрытии и рухнул вместе с ним в их заполнение. В частности, в погр. № 5 на остатках перекрытия, лежавших наклонно от восточной стены, были обнаружены развал крупного импортного (закавказского?) чернолощеного горшка с накладным рельефным и прочерченным декором, курильница с крестообразной ножкой с декором из точечных наколов, также 6 горшков разного размера (4 с тисненым декором – шнуровым и штампованным, 2 – без декора, причем один из них с выделенным ребром под высоким горлом) (рис. 1). Все горшки имеют петлевидные ручки, а один из них – парные сдвоенные ручки, также на нем прослеживаются подтеки черной краски. Один из сосудов изнутри покрыт обмазкой с включениями красной краски (охры?), а на его стенках снаружи также имеются подтеки черной краски. На всех сосудах встречаются следы нагара (рис. 2).

Помимо сосудов, в погр. № 5 были найдены два песта/наковальни из галечных камней (один из них со следами вещества, похожего на бронзу или медь), а также крупный комок охры и кости крупного рогатого скота. На дне камеры погр. № 5 было обнаружено лишь несколько древесных угольков; все остальное, очевидно, попало на дно камеры вместе с обрушившимся перекрытием.

В погр. № 24 края стенки камеры обрушились вниз, частично завалив рухнувшее ранее перекрытие с инвентарем. На остатках перекрытия, лежавших наклонно от северной и восточной стены, были обнаружены 5 сосудов: 4 горшка с петлевидными ручками и 1 с вертикальным ушком с отверстием и подтеками черной краски (3 из них с тисненым декором – шнуровым и штампованным, 1 без декора и еще 1 с прочерченным орнаментом в виде фриза из треуголь-

Рис. 1. Погребение № 5 в кургане № 1 могильника Новозаведенное-V. Инвентарь на остатках рухнувшего перекрытия

Рис. 2. Сосуд из погребения № 5 со следами нагара

ников, заполненных штриховкой). Кроме того, в заполнении погр. № 24 были найдены два бронзовых обоюдоострых шила и двулезвийный нож с перехватом и резко расширяющимся по отношению к нему лезвием. Вместе с керамикой были обнаружены кости крупного рогатого скота. На дне данной камеры также было обнаружено несколько древесных угольков.

К северу от погр. № 24 находился комплекс, обозначенный нами как погр. № 29. Могильная камера была впущена с уровня древней погребенной почвы и ориентирована в направлении запад – восток. Восточный ее край уходил под материковый выброс из погр. № 24. Как уже было сказано, данное погребение было ограблено в древности: в заполнении сохранились разрозненные обломки человеческих костей и крошка дерева.

Мы предполагаем, что «кенотафы» (погр. № 5, 24) прямо или косвенно были связаны с разрушенным погребением (погр. № 29). В таком случае эти сооружения можно рассматривать как своеобразный храмовый комплекс, являвшийся основным и центральным на подкурганной площадке. Возможно, это было межобщинное святилище, над которым сразу воздвигли большую насыпь.

Керамика из «кенотафов» связана с различными культурными традициями: формы недекорированных горшков и курильница близки сосудам восточно-маньчжурской катакомбной культуры (Андреева, 2014. С. 26. Илл. 35: 8–13), тогда как сосуды со шнуровым декором соотносятся с северокавказской культурой. Декор импортного сосуда имеет определенные параллели в материалах из Кабардино-Балкарии (Батчаев, 1984. Рис. 15: 11), но черное лощение и форма позволяют предполагать закавказское влияние.

К востоку от данного комплекса в первичную насыпь кургана было впущено близкое им по времени детское погр. № 28: ребенок двух-пяти лет был уложен на левый бок скорченно, головой на север. Вместе с его останками был найден горшок, бисер и кости мелкого рогатого скота.

Также к эпохе средней бронзы относится жертвенный комплекс, обнаруженный в северной поле насыпи: здесь в яме на цинковку были уложены кости конечностей и череп быка.

Еще одно, частично разрушенное, погребение в насыпи (погр. № 8) также относится к кругу культур финала эпохи средней бронзы.

Наконец, в верхней части насыпи к ЮЮЗ от центра было обнаружено погр. № 4 – захоронение ребенка или подростка, уложенного в скорченном положении на левом боку, с острорезберным баночным сосудом, относящимся по форме и декору к срубной культуре. В инвентарь погребения входили также сердоликовая и гагатовая бусины. Принадлежность погребения к срубной культуре – необычный факт для южных районов Ставропольского края, где расположен могильник Новозаведенное-V.

Таким образом, в крупнейшем кургане могильника Новозаведенное-V был выявлен редкий центральный комплекс эпохи средней бронзы, состоявший из трех камер (предположительно, восточноманычская катакомбная культура), а также восточноманычское детское погребение и ритуальный комплекс с жертвоприношением быка, вероятно, связанный со строительством насыпи. В верхних слоях основной насыпи открыто захоронение финала катакомбного времени и, наконец, захоронение ребенка эпохи поздней бронзы (срубная культура), итого семь комплексов. Остальные погребения, обнаруженные в данном кургане, – в насыпи и под ее подошвой, – относятся к эпохе раннего железа (скифский и сарматский периоды); кроме того, два погребения относятся к новому времени.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева М. В., 2014. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: ТАУС. 272 с.

Батчаев В. М., 1984. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. I. Памятники эпохи бронзы III–II тыс. до н. э. / Под ред. В. И. Марковина. Нальчик: Эльбрус. С. 112–164.

М. Т. Кашуба

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ¹

Введение

К числу глобальных диалектических процессов принадлежит неравномерность движения и развития природы, общества и мышления. Неравномерность, наряду с другими процессами, формирует одну из фундаментальных проблем археологии – проблему периодизации. Это проявляется в общей исторической перспективе (смена эпох), а также в частных (региональных/локальных) явлениях (смена веков, культур, культурных групп и т. д.). Неравномерность, соответственно, асинхронность характеризует переход от эпохи бронзы к железному веку в разных частях древнего мира.

С археологической точки зрения, распространение железоделательного производства отождествляется с эпохой железа, сменившей эпоху бронзы. Основными критериями новой эпохи являются наличие черной металлургии и технология обработки рудничного железа. «Раннее железо» известно еще в недрах бронзового века, однако находки железных изделий в памятниках той или иной культуры не являются свидетельством ее принадлежности к эпохе железа. Это показывают данные по Восточной Европе, где самые ранние находки из метеоритного железа известны в ямной культуре Волго-Уральского региона, отнесены к раннему бронзовому веку и датированы в пределах первой четверти III тыс. до н. э., что подтверждено результатами радиоуглеродного анализа (Kashuba et al., 2019; От метеорита до крицы..., 2021. С. 160).

Начало железного века соответствует рубежу II/I – первым векам I тыс. до н. э., что согласуется и с данными древневосточных письменных источников (Медведская, 2012. С. 242). В этот период для отдельных регионов Евразии (Средиземноморье, Передняя и Центральная Азия) имеются подтвержденные свидетельства целенаправленной выработки железа (остатки производства,

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

горны) (*Veldhuijzen, Rehren, 2007; Álvarez-Sanchís et al., 2012; Montero Ruiz et al., 2013; Yalçın, Özyiğit, 2013; Варфоломеев и др., 2016; Жауымбай, 2020*). Для Восточной Европы такие данные отсутствуют, хотя в 15 археологических культурах III – начала I тыс. до н. э. этого региона засвидетельствованы около 200 железных изделий (*Kašuba et al., 2019; От метеорита до крицы..., 2021. Рис. 2.2*). На Восточных Балканах пока неизвестны ни свидетельства ранней черной металлургии, ни находки ранних железных изделий, но и там, во Фракии, «ранний железный век I» исследователи помещают в XI–X вв. до н. э. (*Nekhrizov, Tzvetkova, 2018. Tab. 6*). Эти обстоятельства, с одной стороны, склоняют к признанию моноцентрической гипотезы происхождения черной металлургии, корнями уходящей в цивилизации бронзового века Передней Азии (Хеттское царство). С другой стороны, все больше данных подтверждают, что в разных частях Евразии местные мастера получали новый металл – железо – при работе с высокожелезистыми рудными концентратами (сульфидные руды, бурые железняки) (*Kulkova et al., 2023; Анкушев и др., 2023; и др.*). Это обстоятельство отражает многообразие процессов, имевших место на евразийском пространстве при переходе к широкому использованию железа. Отсюда возникает вопрос о начале железного века. В поисках решения этой проблемы Восточная Европа представляет важный регион для изучения.

Восточная Европа: общая периодизация и локальные схемы²

Исследования по хронологии позднего бронзового века – раннего железного века Восточной Европы (в том числе Северного Причерноморья, которое здесь рассматривается как степь и лесостепь к северу от Черного моря) имеют более 100-летнюю историю.

В середине XX в. А.И. Тереножкин предложил первую региональную хронологическую систему (*Тереножкин, 1965*). Известные в Северном Причерноморье степные и лесостепные культуры позднего бронзового и раннего железного веков он синхронизировал между собой и с периодами хронологической системы Райнеке/Мюллера-Карпе, принятой для Средней Европы. По сути, им была предложена схема относительной хронологии, в основу которой был положен культурно-хронологический принцип: выделенным периодам соответствовали определенные археологические культуры, да и некоторые периоды были ими названы. Согласно этой схеме, переход от бронзы к железу приходился на предскифский период, в названии которого в полной мере реализован культурно-исторический принцип. Схема А.И. Тереножкина имела

² В настоящей работе приведена «короткая» библиография по теме: даны ссылки на публикации, которые, по мнению автора, являются значимыми и/или раскрывающими поставленную цель (подробнее см.: *Kashuba, 2021*).

важное значение, так как в ней была заложена идея о неоднородности и различиях в культурно-историческом развитии между лесостепными и степными культурами, что главным образом было раскрыто исследователем для Северного Причерноморья.

Для лесостепной территории Днепровского бассейна (совр. Центральная Украина) А. И. Тереножкин предложил концепцию «непрерывной культурно-исторической преемственности» белогрудовских, чернолесских и жаботинских памятников. Предскифский период был разделен на более ранний белогрудовский и последующий чернолесский этапы, обозначенные по названию археологических культур, а раннескифскому периоду соответствовали жаботинские памятники. В современных исследованиях такая последовательность культур/этапов для лесостепи Днепровского бассейна остается, за исключением общего тренда на удревнение культур/этапов, как это видно из новых схем для позднего бронзового века и для начала века железного (*Отрощенко, 2001; Ромашко, 2013; Куштан, 2013; Гершкович, 2016; и др.*).

Для территорий Восточной Европы к западу от Днепровского бассейна благодаря работам И. К. Свешникова, А. И. Мелюковой, Г. И. Смирновой, Л. И. Крушельницкой было выяснено, что они (лесостепь совр. Западной Украины и Молдавии) входили в ареалы археологических культур, носители которых пришли из Карпатского бассейна и Подунавья. А. И. Мелюкова создала первую периодизацию памятников первой половины I тыс. до н. э. для Днестро-Прутского междуречья: она выделила особую молдавскую группу памятников предскифского времени, имевшую корни в южных районах Дунайского бассейна (*Мелюкова, 1958*).

Сейчас ясно, что Восточное Прикарпатье в заключительный период эпохи бронзы – начале железного века было заселено носителями нескольких карпато-дунайских («галыштатских») культур. Их ареалы на востоке доходят до Восточного Прикарпатья, включая бассейн Днестра. В течение семи столетий с XIII/XII по VIII/VII вв. до н. э. осуществлялись передвижения населения в восточном направлении: здесь была сформирована коммуникационная сеть с короткими, дальними и сверхдальними путями (*Кашуба, 2012*). Одной из основных движущих причин могли быть разведка и освоение природных ресурсов, главным образом запасов соли, контроль над их распределением, а также освоение возможного рынка сбыта отдельных категорий товаров; а триггером передвижений – климатический эпизод 3,2 ka calBP, который в Средиземноморье приходится на ок. 1200–950 calBC, с двумя максимумами аридизации ок. 1150 calBC и ок. 950 calBC (*Kulkova et al., 2022*). Современные данные в целом подтверждают схему А. И. Мелюковой для Днестровского бассейна (с уточнением хронологии в сторону удревнения), которая в целом остается культурно-хронологической – с обозначением этапов по названиям культур.

Что касается материалов из степной зоны, то исследователи сосредоточились на изучении металлопроизводства и этапов его развития. Для Северного Причерноморья весомый вклад внесли работы Е. Н. Черных, А. М. Лескова, В. С. Бочкарева, В. А. Дергачева, И. Т. Чернякова, В. И. Клочко и др., в том числе много было сделано в изучении металлокомплекса степной белозерской культуры. В начале XXI в. В. С. Бочкарев и В. А. Дергачев (*Дергачев, Бочкарев, 2002*. Рис. 1) впервые опубликовали межрегиональную хронологическую схему позднего бронзового века Восточной Европы.

Новая схема металлопроизводства позднего бронзового века Восточной Европы опубликована недавно В. С. Бочкаревым, который на основе сопряженности более 100 типов в замкнутых металлоносных комплексах (клады, погребения и комплексы литейных форм) выделил периоды от 0 до VII (*Бочкарев, 2017*). В периоде VII (соответствует позднебелозерской культуре Северного Причерноморья, середина XI – X в. до н. э.) местные мастера работали в условиях кризиса: уменьшение количества кладов и случайных находок, сокращение ассортимента, прекращение выпуска отдельных важных категорий и миниатюризация многих предметов, – являются свидетельствами дефицита сырья и упадка северопонтийского металлопроизводства.

В завершающем периоде металлопроизводства позднего бронзового века Восточной Европы – в последние века II тыс. до н. э. – появляются железные и биметаллические (железо/бронза, железо/медь) изделия. Кричное железо («сырцовая сталь») было получено в разных частях региона, однако выявлены существенные различия в количестве железных изделий между восточной и западной частями Восточной Европы: к востоку от Днепра (восточная часть) в финале эпохи бронзы они практически не известны.

Восточная Европа: железные изделия на западе региона

В западной части (или в Северном Причерноморье) в последние века II тыс. до н. э. железные и биметаллические изделия засвидетельствованы в степной белозерской культуре, а также в лесостепи бассейна Днепра (культуры белогрудовская, чернолесская, бондарихинская) и Восточного Прикарпатья (культуры Гава-Голиграды, висоцкая, Сахарна).

Железные и биметаллические изделия в степной позднебелозерской культуре представлены 16 предметами: одной фибулой и 15 ножами, депонированными в погребениях. Железные и биметаллические ножи – изделия местных мастерских: они представляют собой копии бронзовых изделий VII периода. В случае однолезвийных ножей можно предполагать их средневропейское происхождение, а фибула – заимствовалась или как готовый предмет (одежда с застежкой), или как идея жесткого крепления распашного одеяния. Для отдельных комплексов с железными и биметаллическими изделиями имеются

радиоуглеродные даты: железный нож из погребения 1 кургана 32 могильника Кочковатое – КИ-1714930±45 calBC (2σ) (Ванчуггов, 1990. С. 119) и биметаллический нож-кинжал из погребения 3 кургана 1 могильника Хаджиллар – HELA-44881375–1131 calBC (2σ) (От метеорита до крицы..., 2021. С. 109). Типологически фибула с большой долей уверенности может датироваться второй половиной XI в. до н. э. Даже с учетом эффекта «старого дерева» (AMS-дата для Хаджиллара получена по фрагменту деревянной чаши) можно полагать, что конец XII – XI в. до н. э. – время использования носителями белозерской культуры железных и биметаллических изделий.

Находки режущих и колющих изделий (ножи, шилья) засвидетельствованы в белогрудовской и чернолесской культурах на правом берегу Днепра, а также в бондарихинской культуре – на левом берегу (От метеорита до крицы..., 2021. С. 100–114).

Все шесть изделий (пять железных, одно биметаллическое) белогрудовской культуры (Днепровское Правобережье) найдены в Гордеевском могильнике: два из них (обломки двулезвийного ножа и шило) входили в инвентарь погребения 2 кургана 32, для которого по образцу из кости получена радиоуглеродная дата – Кi-50791260 ± 90 calBC (Березанська, Клочко, 2011. С. 51, 74). Все изделия, по всей видимости, импортированы из Карпатского бассейна и являются одними из самых ранних находок железных изделий в регионе.

Железные изделия в чернолесской и бондарихинской культурах на основе классических археологических методов в целом были датированы концом XI, X–IX вв. до н. э. В чернолесской культуре (Правобережье Днепра) известно 26 предметов (23 – железные, 3 – биметаллические): они найдены преимущественно на поселениях (17), еще семь предметов являются случайными находками. В ассортименте преобладают орудия труда (54%) и предметы вооружения (31%), а украшений (7,5%) немного. В бондарихинской культуре (Левобережье Днепра) обнаружены 13 железных предметов, в основном на поселениях. Ассортимент представлен орудиями труда (92%) простых форм: ножи, долота, шилья.

В Восточном Прикарпатье наиболее показательны находки в культуре Сахарна (восточный вариант раннегалыштаттской культуры Козия-Сахарна). Более 20 находок из железа обнаружены на каждом раскопанном ее памятнике. Спектр железных предметов: орудия труда/оружие (ножи), предметы конского снаряжения (удила) и детали одежды (фибулы), – охватывает фактически все категории. Специфика депонирования металла (бронза и железо) в культуре Сахарна заключалась в том, что металлические изделия закладывались в погребения, фактически не выпадали в виде случайных находок и не аккумулировались вкладах. На основе классических археологических методов комплексы с железом (фибулы «северопонтийского» типа и однокольчатые удила в могильнике Сахарна I-Цыг-лэу) были датированы концом XI – рубежом IX/VIII вв. до н. э.

Восточная Европа: объяснительные модели

Наличие сравнительно большого числа ранних железных изделий требовало своего объяснения. Были выработаны разные гипотезы (историографический обзор: От метеорита до крицы..., 2021. С. 31–46) – одна из наиболее обоснованных, которая базировалась на сравнительно большой серии новых естественно-научных анализов с привлечением предыдущих результатов, была предложена Н.Н. Тереховой и В.Р. Эрлихом (*Терехова, Эрлих, 2002*). Изучая начальный этап черной металлургии в Восточной Европе, они сформулировали гипотезу о наличии двух основных технологических традиций:

1. **Восточно-европейская, или понтийская, традиция** основывалась на использовании чистого железа, качество которого было значительно ниже, чем у бронзы; она зародилась в северо-причерноморской степи и лесостепи в ответ на сокращение обеспечения бронзой.

2. **Закавказская (древневосточная) традиция** характеризуется применением карбонизации и горячей обработкой стальных изделий; предполагается, что она восходит к древнему центру обработки железа в Восточном Средиземноморье.

В контексте настоящей работы интерес вызывает восточно-европейская традиция, основными технологическими характеристиками которой являлись использование чистого железа, а также низкоуглеродистой стали, которая случайно получалась в горне. Считается, что она началась со времени существования белозерской культуры и характеризует железообработку всей Восточной Европы.

Однако в этой гипотезе, как и во всех существующих гипотезах о ранней черной металлургии, Восточная Европа рассматривается как единая территория с одинаковыми культурно-историческими процессами. Археологические данные убедительно показывают другое, а именно высокую степень неоднородности, неравномерность и несовпадающие ритмы развития. Особенно это проявляется в западных лесостепных областях региона, которые с конца XIII, рубежа XIII/XII вв. до н. э. были заселены носителями карпато-дунайских («гальштаттских») культур (*Кашуба, 2012*).

На основе этих фактов, данных по железу, и типологического анализа самих железных предметов мной была выделена **карпато-дунайская («гальштаттская») традиция** железообработки, имевшая место в западной лесостепной части Северного Причерноморья, или Восточном Прикарпатье. Важнейшими ее характеристиками являются: 1) раннее появление – с конца XI в. до н. э.; 2) пришлый характер; 3) отсутствие разрыва в железодельной традиции в регионе ее распространения – в Восточном Прикарпатье; 4) производство изделий, типологически восходящих к североиталийским, западно- и восточнобалканским образцам; 5) экспериментирование

и копирование в железе («заказы») предметов вооружения и конского снаряжения, в первую очередь, для ранних кочевников Северного Причерноморья (Кашуба, 2013).

Корни карпато-дунайской («гальштаттской») традиции уходят в Карпато-Подунавье, который для Северного Причерноморья был важнейшим регионом, откуда и через который шла передача технологии производства железа. Собственно, и железообработка белозерской культуры также была стимулирована западными влияниями (Никитенко, 1993. С. 22), что подтверждается новыми исследованиями (Бочкарев, Кашуба, 2020).

Новая объяснительная модель, вобравшая достижения предшествующих исследований и новейшие данные, заключается в следующем:

1) в Восточной Европе имеется сравнительно большая серия ранних железных и биметаллических (железо/бронза, железо/медь) изделий, датированных концом XII – X в. до н. э.;

2) спектр ранних восточноевропейских железных изделий преимущественно включает колюще-режущие предметы, небольшим числом представлены украшения;

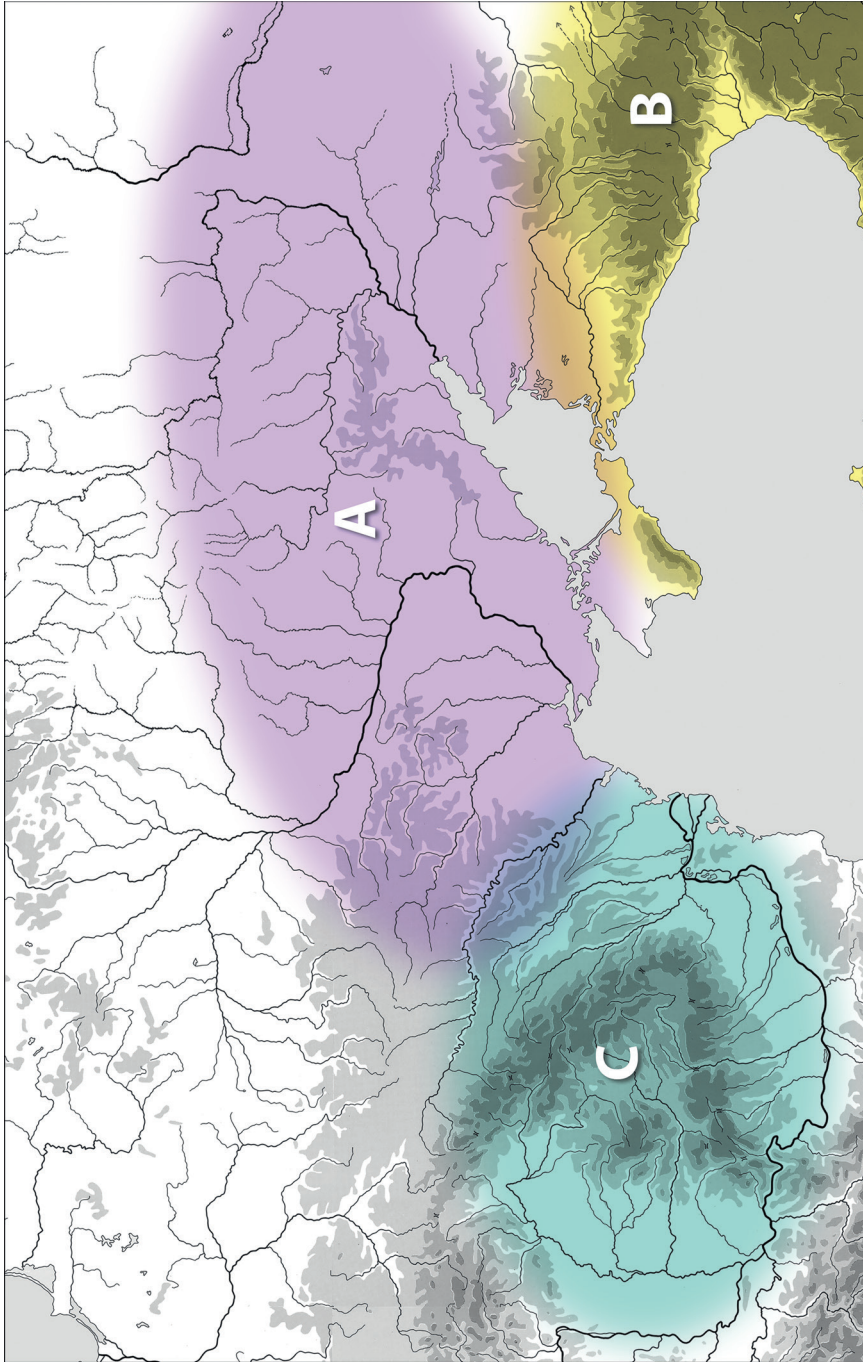
3) согласно данным анализов, основная масса ранних железных изделий Восточной Европы изготовлена из мягкого железа или «сырцової стали» (металлургическое кричное железо, полученное в горне ямного типа);

4) на исходе бронзового века трансферт технологии железа в Восточную Европу осуществлялся различными способами: трансферт идей; прямые миграции носителей, владеющих новой технологией; обмен/торговля готовыми изделиями, – что обеспечивало разный уровень технологической и технической оснащенности населения;

5) на начальном этапе железного века в Восточной Европе документированы три железоделательных традиции, имеющие разные истоки: восточноевропейская (понтийская), карпато-дунайская («гальштаттская») и закавказская (древневосточная) (рис. 1);

6) в XII–X вв. до н. э. в западной части региона (в Восточном Прикарпатье и Северном Причерноморье) возник автономный очаг железоделательного производства – древнейший в Восточной Европе;

7) освоение технологии железа в Восточной Европе было стимулировано внешними импульсами (с Карпато-Подунавья и Древнего Востока), однако имелся местный фундамент, корнями уходящий в эпоху бронзы; особо можно отметить металлопроизводство позднего бронзового века северопонтийских степей – редкий случай в древнем мире, когда высокотехнологичные (для своего времени) центры по обработке меди и бронзы возникли и длительно функционировали на территории, лишенной собственных запасов металла (см.: Бочкарев, 2010. С. 166).

Рис. 1. Ориентировочные ареалы начального этапа традиций железобработки (рубеж III – первые века I тыс. до н. э.) в Восточной Европе: *A* – восточноевропейская, или понтийская; *B* – закавказская (древневосточная); *C* – карпаго-дунайская («галыштаггская») (*A, B* – по: *Терехова, Эрлих, 2002, с описанием; C* – по: *Kashuba, 2021. Fig. 9*)

Таким образом, начальную железообработку в Восточной Европе можно характеризовать как стимулированную инновацию, когда идеи и технологии путем трансферта попадали в высокотехнологичную (для того времени) местную среду, уровень развития и оснащенности которой обеспечивал усвоение и дальнейшее развитие технологий, производство готовых предметов новых типов и выработку оригинальных изделий.

Восточная Европа: вопрос о начале железного века

Наряду с железообработкой, в конце II – начале I тыс. до н. э. в западных областях Восточной Европы (в Северном Причерноморье) отмечены инновации и в других производственных сферах, связанных с уверенным освоением древними мастерами высоких температур (1000 °C и выше). Это производство стекла – «белозерская» школа стеклоделия по изготовлению смешанно-щелочных стеклянных бус (*mixed-alkali glass*), а также изготовление качественной лощеной посуды с узором, инкрустированным белой пастой (карпато-дунайские «гальштатские» типы керамики) (Кашуба, 2017).

Разнообразие инноваций (железо, стекло, керамика) можно отнести к характеристикам новой эпохи (об археоматериалах и инновациях – также см.: *Erb-Satullo*, 2020). Однако настоящий железный век наступает позднее, когда железо преимущественно вытесняет бронзу из сферы производства колюще-режущих изделий. В случае с настоящим железным веком, то с технологической точки зрения его отсчет ведется как с внедрением стали и освоением кузнечной сварки, так и увеличением общей массы железных изделий из железа, которое становится ведущим материалом в производственной сфере. Традиционно наступление настоящего железного века в Восточной Европе относится к VIII–VII вв. до н. э., что соответствует общей хронологической схеме, принятой для Средней и Юго-Восточной Европы, где начало Гальштаттской культуры в период NaC1 или VIII в. до н. э. является также началом раннего (или древнего) железного века.

Сумма этих обстоятельств позволила мне совместно с В. С. Бочкаревым на примере западных областей Восточной Европы (или Северного Причерноморья) выделить отдельный переходный период, связавший во второй половине XI – IX в. до н. э. эпоху бронзы и железный век. Мы предложили отрезок времени «между бронзой и железом» назвать «*фетраэниум*»³ (*lat. Ferraëneum*), или «*биметалликум*» (*lat. Bimetallicum*), то есть выделить еще одно подразделение в «системе трех веков» Томсена (Бочкарев, Кашуба, 2020).

Переходный период, или *фетраэниум*, характеризуется поиском и выработкой приемов и навыков работы с железом как материалом – это мягкое же-

³ Дословно – железо-бронзовая эра.

лезо или сырцовая сталь; появление техники производства биметаллических (железо/бронза, железо/медь) изделий; отработка новых технологических операций, находящихся в стадии открытия; изобретение нового инструментария для работы с железом.

Наличие переходного периода, или *феллаэниума*, подтверждается данными по древней Европе, Передней и Центральной Азии. На Восточных Балканах (во Фракии) переходный период (XII в. до н. э.) выделен на основе развития керамических стилей и радиоуглеродных дат ряда стратифицированных памятников (*Nekhrizov, Tzvetkova, 2018. P. 36 ff.*). В Средней Европе наиболее ранние изделия из железа датированы XIII–XI вв. до н. э. (BzD–HaA2) (*Miketta, 2017*), в Южной Европе переходный период можно относить к XII–X вв. до н. э. (*Pare, 2017. S. 69 ff.*). Близкие датировки показывают и данные по Передней Азии (*Veldhuijzen, Rehren, 2007; Yalçin, Özyiğit, 2013*; и др.), а в Центральной Азии целенаправленное производство железа на поселении Кент датировано последними веками II тыс. до н. э. (*Жауымбай, 2020*). Можно полагать, что новые находки ранних железных изделий, проведение естественно-научных анализов артефактов и продуктов железопроизводства, а также радиоуглеродное датирование комплексов с «ранним железом» укрепят гипотезу о наличии отдельного периода *феллаэниум*, связавшего на рубеже III тыс. до н. э. эпоху бронзы и железный век.

ЛИТЕРАТУРА

Анкушев М. Н., Алаева И. П., Анкушева П. С., Артемьев Д. А., Блинов И. А., Варфоломеев В. В., Пантелеева С. Е., Петров Ф. Н., 2023. Природа некоторых железосодержащих артефактов Урало-Казахстанского региона в позднем бронзовом веке // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (62). С. 72–87.

Березанська С. С., Клочко В. І., 2011. Гордіївський могильник // Гордіївський могильник / Ред. В. І. Клочко. Вінниця: Інститут археології Національної академії наук України. С. 7–113.

Бочкарев В. С., 2010. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // Бочкарев В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН. С. 164–171.

Бочкарев В. С., 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. № 2. С. 159–204.

Бочкарев В., Кашуба М., 2020. Переход от бронзы к железу: период феллаэниум (Fellaeeneum) в Восточной Европе // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.: каталог выставки / Ред. А. Ю. Алексеев и др. СПб.: Чистый лист. С. 41–64.

Ванчугоев В. П., 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. Киев: Наукова думка. 168 с.

Варфоломеев В. В., Анкушев М. Н., Блинов И. А., 2016. Металлургические шлаки из поселения Кент: (К проблеме начала получения железа на территории Казахстана) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 2. С. 6–12.

Гершкович Я. П., 2016. Суботовское городище. Киев: ИА НАНУ. 508 с.

Дергачев В. А., Бочкарев В. С., 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа. 348 с.

Жауымбай С. У., 2020. Начало освоения железа в Казахских степях в эпоху поздней бронзы (производственно-металлургический центр Алат в Сарыарке) // Мир Большого Алтая. № 6 (2). С. 820–841.

Кашуба М. Т., 2012. О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье – современное состояние исследований // Археологические вести. Вып. 18. С. 232–252.

Кашуба М. Т., 2013. «Ускользящее» железо, или Переход к раннему железному веку в Восточном Прикарпатье // Российский археологический ежегодник. № 3. С. 233–257.

Кашуба М. Т., 2017. Идеи и материалы на исходе бронзового века на западе Северного Причерноморья // Ex Ungue Leonem: сб. ст. к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История. С. 139–150.

Куштан Д. П., 2013. Південь лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи. Археологічний альманах. 29. Донецьк: Донбас. 232 с.

Медведская И. Н., 2012. Вопросы хронологии раннежелезного века на Древнем Востоке: письменные источники о железе // Российский археологический ежегодник. № 2. С. 224–245.

Мелюкова А. И., 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР. С. 5–102. (МИА; № 64).

Никитенко Н. И., 1993. Начало освоения железа в степной и лесостепной зоне Восточной Европы: автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М. 23 с.

От метеорита до крицы. Железо III – первой половины I тыс. до н. э. в Восточной Европе. Т. 1. Историография, База данных-1, начало новых исследований: коллективная монография / Отв. ред.: М. Т. Кашуба, М. А. Кулькова. СПб.; Берлин: ИИМК РАН, 2021. 216 с.

Отроценко В. В., 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ: Інститут археології Національної академії наук України. 158 с.

Ромашко В. А., 2013. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). Киев: КНТ. 592 с.

Тереножкин А. И., 1965. Основы хронологии предскифского периода // СА. № 1. С. 63–85.

Терехова Н. Н., Эрлих В. Р., 2002. К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции // Материальная культура Востока. Вып. 3. С. 134–152

Álvarez-Sanchís J., Fernández-Götz M., Ruiz Zapatero G., 2012. Die Ausbreitung der Eisenmetallurgie auf der Iberischen Halbinsel // Technologieentwicklung und –transfer in der Hallstatt- und Latènezeit. Beiträge zur Internationalen Tagung der AG Eisenzeit und des Naturhistorischen Museums Wien, Prähistorische Abteilung – Hallstatt 2009 / Hrsg. I. Balzer. Langenweissbach: Beier & Beran. S. 149–166. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas; 65).

Erb-Satullo N. L., 2020. Archaeomaterials, Innovation, and Technological Change // Advances in Archaeomaterials. Vol. 1. P. 36–50.

Kashuba M. T., 2021. From the Bronze Age to the Iron Age in the Northern Black Sea Region // Time and Materiality: Periodization and Regional Chronologies at the Transition from Bronze to Iron Age in Eurasia (1200–600 BCE) / Ed.: E. Kaiser, W. Schier. Rahden, Westf.: Marie Leidorf. P. 361–381. (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa; 31).

Kašuba M., Lehnhardt E., Šramko I., Zadnikov S., 2019. Eisenmetallurgie in der Bronzezeit Osteuropas. Die archäologischen Quellen und ihre Interpretation // Praehistorische Zeitschrift. Vol. 94, 1. S. 1–52.

Kulkova M. A., Kashuba M. T., Agulnikov S. M., Kulkov A. M., Streltsov M. A., Vetrova M. N., Zanoci A., 2022. Impact of Paleoclimatic Changes on the Cultural and Historical Processes at the Turn of the Late Bronze – Early Iron Ages in the Northern Black Sea Region // Heritage. Vol. 5, iss. 3. P. 2258–2281.

Kulkova M. A., Skakov A. Y., Kashuba M. T., Kulkov A. M., Vetrova M. N., 2023. Iron Metallurgy of Ancient Colchis: The Mineralogical and Geochemical Composition of Slags and Artifacts from the Dzhantukh Site // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2021. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences / Ed. N. N. Ankusheva et al. Cham: Springer.

Miketta F., 2017. Die ältesten Eisenartefakten Mitteleuropas // Das nördliche Karpatenbecken in der Hallstattzeit. Wirtschaft, Handel und Kommunikation in früh-eisenzeitlichen Gesellschaften zwischen Ostalpen und Westpannonien / Hrsg. E. Miroššayová et al. Budapest: Archaeolingua. S. 143–172.

Montero Ruiz I., Renzi M., Rovira S., Rovira-Hortalà M. C., 2013. Questioning research on early iron in the Mediterranean // The World of Iron / Eds.: J. Humphris, T. Rehren. London: Archetype Publications. P. 178–187.

Nekhrizov G., Tzvetkova J., 2018. Contributions to the Periodization and Absolute Chronology of the Early Iron Age in South Thrace // *Archaeologia Bulgarica*. Vol. XXII, 1. P. 17–44.

Pare Ch., 2017. Frühes Eisen in Südeuropa: Die Ausbreitung einer technologischen Innovation am Übergang vom 2. zum 1. Jahrtausend v. Chr. // *Das nördliche Karpatenbecken in der Hallstattzeit. Wirtschaft, Handel und Kommunikation in früh-eisenzeitlichen Gesellschaften zwischen Ostalpen und Westpannonien* / Hrsg. E. Mi-roššayová et al. Budapest: Archaeolingua. S. 11–116.

Veldhuijzen H. A., Rehren T., 2007. Slags and the city: early iron production at Tell Hammeh, Jordan, and Tel Beth-Shemesh, Israel // *Metals and Mines: Studies in Archaeometallurgy: Selected Papers from the Conference Metallurgy: a Touchstone for Cross-cultural Interaction Held at the British Museum 28–30 April 2005 to Celebrate the Career of Paul Craddock During His 40 Years at the British Museum* / Ed. S. La Niece et al. London: Archetype Publications: British Museum. P. 189–201.

Yalçin Ü., Özyiğit Ö., 2013. Die Schmiedewerkstatt aus Phokaia: Ein Kurzbericht // *Anatolian Metal VI. Der Anschnitt. Zeitschrift für Kunst und Kultur im Bergbau. Beiheft 25* / Hrsg. Ü. Yalçin. Bochum. S. 239–246.

С. Н. Корневский

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ВТУЛЬЧАТОГО И КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ИЗ БРОНЗЫ НА КАВКАЗЕ

Древнейшими медными втульчатými топорами являются изделия дунайских энеолитических культур середины – второй половины V тыс. до н. э. Они имели вид комплексных орудий, типология которых разработана А. Вульпе и Х. Тодоровой (*Vulpe, 1975; Todorova, 1981*).

На Кавказе комплексные топоры-молоты, топоры-мотыги, топоры-клевцы представлены находками на Южном Кавказе, менее в Предкавказье, судя по коллекции Э. Зичи (*Zichy, 1897*), и находке у ст. Усть-Лабинской.

Вопрос о дате этих орудий оставался достаточно дискуссионным, так как все они были найдены вне культурно-определимых комплексов. Тем не менее ряд из них – например, клад клевцов из с. Джрашен в Армении (Приереванский клад) (*Геворкян, 1980*), приписывался в некоторых публикациях к куро-араксской культуре (*Areshian, 2007*).

В настоящее время ситуация в этой области знаний серьезно изменилась в связи с находкой литейной формы для комплексных орудий на поселении Дзедзвеби культуры Сиони в Грузии (*Stöllner; Gambashidze, 2018*). Дата этой находки, по результатам определений, связана с концом V тыс. до н. э., что существенно древнее начала куро-араксской культуры. (*Гаспарян, Корневский, 2021*).

Таким образом и дата Приереванского клада может определяться второй половиной V – началом IV тыс. до н. э.

Такой возраст появления топоров-клевцов на Южном Кавказе подтверждает дата находки клевца и двух тесел в погребении 17002 на поселении позднего халколита Овчулартепси в Нахичевани (Азербайджан). Даты этого позднего энеолитического слоя указывают на конец V тыс. до н. э. (*Marro et al., 2009; 2011. P. 69–71*).

С этим же возрастом согласуется находка топора типа Ариушд у ст. Усть-Лабинской. Дата топоров типа Ариушд относится ко времени Триполье В1-В2, то есть также ко второй половине V тыс. до н. э. (*Рындина, 2002*).

Ареал комплексных орудий на Кавказе позволяет рассматривать его как следствие местного производства оружия, возникшего под влиянием традиций энеолита дунайских культур.

В 2018 году в Армении у г. Двин был найден клад плоских тесел и кинжалов. Формы тесел аналогичны орудиям Приереванского клада, что позволяет синхронизировать эти находки (*Гаспарян, Корневский, 2021*).

Последняя область предположений указывает на возникшую проблему в определении раннего распространения клинкового оружия на Кавказе и Ближнем Востоке вообще. Так, хронология культур с бронзовыми кинжалами с треугольной рукояткой, т. н. бесчеренковых, на Кавказе в основном связана с первой третью IV тыс. до н. э. (Арени I, майкопская культура, лейлатепинская культура) (*Bobokhyan et al., 2014; Муσειбли, 2020*).

В свете отмеченных выше рассуждений об аналогиях топоров-клевцов и найденных крупных тесел двинского типа, а так же кинжалов типа клинков Двинского клада на Южном Кавказе, возможно допустить такое предположение. Они могут относиться к времени очень раннего производства подобного оружия на Кавказе, то есть принадлежать ко времени существования металлообработки культуры Сиони и к началу раннего бронзового века (или позднего халколита). Анализы состава металла Приереванского и Двинского кладов отражают использование медно-мышьяковых бронз.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспарян Б., Корневский С. Н., 2021 Клад бронзовых орудий начала медно-бронзового века у села Двин (Центральная Армения) // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 49. № 2. С. 29–38

Геворкян А. Ц. 1980 Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван: АН Армянской АССР. 128 с.

Рындина Н. В., 2002. Медные топоры-молотки и топоры тесла Восточной Европы (эпоха энеолита) // Проблемы археологии Евразии. М.: ИА РАН. С. 246–258.

Муσειбли Н. А., 2020. Лейлатепинская культура Южного Кавказа на перекрестке традиций Передней Азии и Юго-Восточной Европы // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога. Международная научная конференция по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). Берлин. С. 55–81.

Areshian G., 2007. From extended families to incipient polities: The trajectory of social complexity in the Early Bronze Age of the Ararat Plain (Central Near Eastern Highlands) // Social Orders and Social Landscapes. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. P. 26–53.

Bobokhyan A., Meliksetian Kh., Casparyan B., Avetisyan P., Chataigner Ch., Pernicka E., 2014. Transition to Extractive Metallurgy and Social Transformation in Armenia at the end of the Stone Age // Stone Age of Armenia. Kanazawa: Kanazawa University. P. 283–313.

Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S., 2009. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). First Preliminary Report: the 2006–2008 Seasons // *Anatolia antiqua*. Vol. XVII. P. 31–87.

Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S., 2011. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). Second Preliminary Report: 2009–2010 Seasons // *Anatolia antiqua*. Vol. XIX. P. 53–100.

Stöllner Th., Gambashidze I., 2018. Das prähistorische Siedlungsplateau Dzedzwebi nahe Balitschi in Unterkartli // Gold und Wein. Georgiens älteste Schätze. Frankfurt: Munnerich-Asmus – Verlag et Media. P. 150–157.

Todorova H., 1981. Die kupferzeitliche Äxte und Beile in Bulgarien // *Prähistorische Bronzefunde*. Abteilung IX. Bd. 14.

Vulpe A., 1975. Die Äxte und Beile in Rumänien II // *Prähistorische Bronzefunde*. Abteilung IX. Bd. 5.

Zichy E., 1897. *Voyages au Caucase et en Asie Centrale* // *Bela de Posta*. Description de la collection archeologique. Budapest. 323 p.

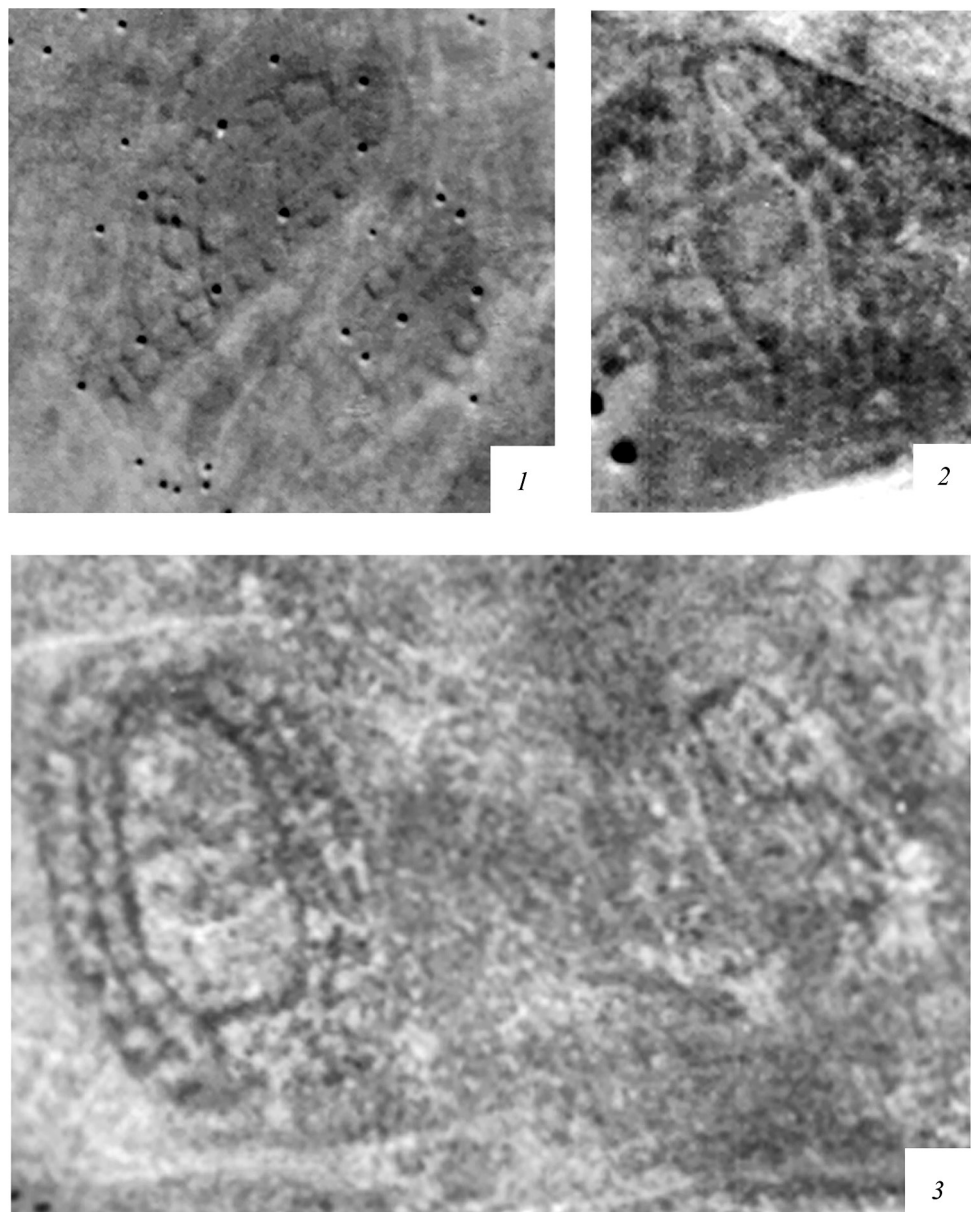

Д. С. Коробов, С. Райнхольд

НОВЫЙ ТИП ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Кисловодская котловина, расположенная в предгорьях Северного Кавказа, стала одним из первых регионов России, где в 1996 г. началось осуществление мультидисциплинарного проекта по созданию археолого-географической информационной системы (АГИС) «Кисловодск». Одним из факторов, повлиявших на выбор именно этого региона для осуществления подобного проекта, послужил высокий уровень его археологического обследования, при котором было выявлено большое количество разновременных памятников на относительно небольшой территории размерами 30×40 км. Проект, возглавляемый Г. Е. Афанасьевым, базировался на сплошной полевой разведке, небольших тестовых раскопках, дешифровке данных дистанционного зондирования (ДДЗ), пространственном анализе древностей разных эпох. Информация, полученная из разных источников, объединена в ГИС, в которую включены все известные на сегодняшний день археологические памятники Кисловодской котловины, и опубликована монографически (*Афанасьев и др.*, 2004).

Район исследования авторов настоящей публикации, проводившегося в рамках нашего совместного проекта, поддержанного грантом РФНФ/DFG «Поселения с симметричной планировкой как феномен использования предгорных ландшафтов в поздний бронзовый – ранний железный век на Северном Кавказе» (06-01-92012а/D), включает, помимо Кисловодской котловины, территории к югу от нее, где на абсолютной высоте 1400–2500 м над у. м. было обнаружено значительное количество поселений кобанской культуры неизвестного ранее типа. Поселенческие структуры, отличающиеся общей топографической ситуацией от остальных памятников, были впервые обнаружены Д. С. Коробовым в полевой сезон 1999 г. (поселение Правоберезовское 9). В 2003 г. в процессе дешифровки аэрофотосъемки долин рек Березовой и Кабардинки была выявлена структура этого поселения, оставшаяся на тот момент не совсем ясной и потому неопубликованной (рис. 1: 1).

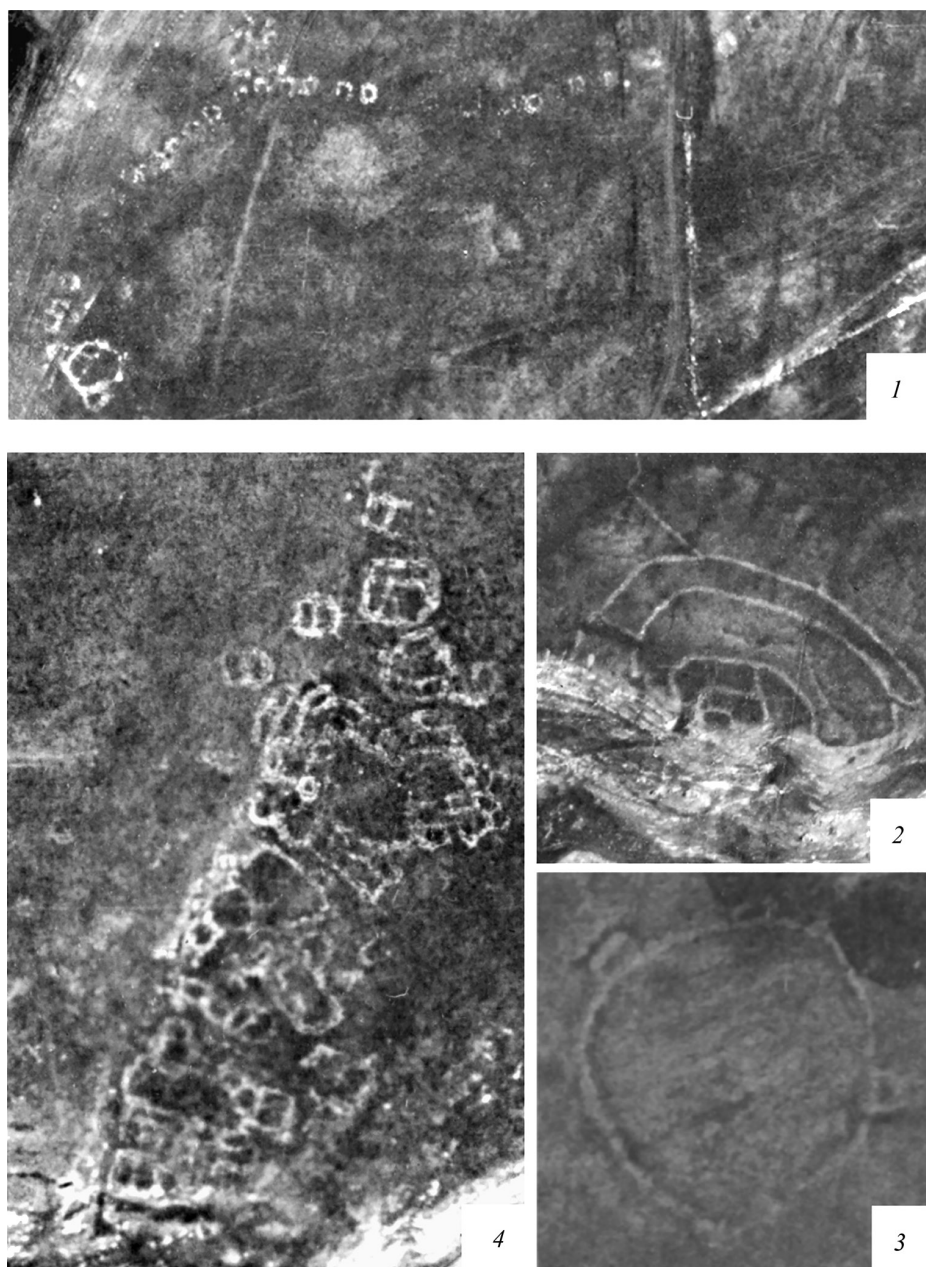
Рис. 1. Отображение поселений с симметричной планировкой на южной окраине Кисловодской котловины на аэрофотосъемке 1970 г.:
1 – Правоберезовское 9; 2 – Кабардинка 2; 3 – Кабардинка 3 и 4

В 2004 г. начался новый этап в изучении памятников этого типа. В ходе наших экспедиционных работ сначала на поверхности, а затем на нескольких аэрофотоснимках были обнаружены поселения с симметричной планировкой – центральной площадью, окруженной со всех сторон рядом домов (рис. 1: 2, 3). Все эти поселения расположены к югу от Кисловодска, на плоскогорье, на высоте 1400–1700 м. Полевое обследование нескольких десятков подобных поселений позволяет связать видимые на аэрофотосъемке объекты с существующими развалинами каменных стен, покрытыми растительностью и возвышающимися на 0,5–0,8 м над поверхностью.

В следующие несколько полевых сезонов С. Райнхольд совместно с А. Б. Белинским (ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края) была проведена масштабная археологическая разведка в верховьях Кумы и Подкумка на территории Малокарачаевского и Усть-Джегутинского районов КЧР, в ходе которой были проверены результаты дешифровки аэрофотоснимков и первично обследовано 168 из примерно 242 поселений, распознающихся на аэрофотосъемке благодаря остаткам видимой на поверхности архитектуры. В процессе разведочных работ собирался подъемный материал, осуществлялись привязки объектов к системе географических координат с помощью GPS-приемников, составлялись глазомерные топографические планы. Помимо изучаемых поселений с симметричной планировкой, исследованию подверглись и другие типы поселенческих структур (длинные ряды домов, концентрические объекты, стены) (рис. 2), судя по собранному подъемному материалу, также относящиеся к кобанской культуре. В настоящий момент основные характеристики найденных памятников и некоторые материалы, полученные в ходе разведки, опубликованы в серии совместных статей и в виде монографии (*Reinhold et al.*, 2007; *Коробов, Райнхольд*, 2008; *Белинский и др.*, 2009; *Reinhold et al.*, 2017).

Осмотренные поселения с симметричной планировкой, расположенные в долинах рек Подкумок, Карсунка и Кума, также имеют симметрично расположенные вокруг центральной площади ряды домов, а найденный на них подъемный материал относится к кобанской культуре предскифского этапа ее существования. Архитектурные сооружения на этих памятниках имеют сохранившуюся высоту до 1,5 м, а в некоторых случаях в полевых условиях можно полностью проследить структуру памятника.

Поселения с симметричной планировкой, обнаруженные с помощью аэрофотосъемки, следуют одному плану. Они включают в себя овальную или прямоугольную центральную площадь, иногда разделенную внутренними перегородками, и ряды домов по периметру площади (рис. 1). Выделяются шесть основных типов подобных поселений, которые варьируют от весьма четкой правильной планировки площади и построек до достаточно нерегулярной конгломерации зданий, следующих все же общему плану.

Рис. 2. Отображение других типов поселений позднего бронзового – раннего железного века на аэрофотосъемке 1975 г.: 1 – Покуснырт 39; 2 – Рансырт 1; 3 – Чирактопур-Гудгора 2; 4 – Красный Сарай. 1

Ориентированы эти поселения в основном по линии север – юг, с отклонениями в 10–20° к западу или востоку. Лишь 17% поселений имеют ориентировку длинной стороной по линии запад – восток. Причем эта предрасположенность к ориентировке по линии север – юг не зависит от микротопографической ситуации, в которой располагается поселение.

Размеры поселений колеблются от 70×50 м до 200×200 м. Тем не менее более трех четвертей памятников имеют территорию, покрытую архитектурными остатками на площади 0,3–0,7 га. То, что памятники сами по себе несколько больше, было установлено полевыми работами 2004–2008 гг. По меньшей мере на четырех памятниках были более точно зафиксированы ареалы «мусорных свалок», характеризующиеся резким увеличением количества обнаруживаемого подъемного материала. Эти ареалы располагались с одной стороны поселения, на расстоянии 10 м от края застройки, возле небольших балок (*Fassbinder et al.*, 2017).

К поселениям с симметричной планировкой примыкают другие структуры, возможно имеющие отношение к стенам или старым дорогам. Они представляют собой длинные ряды одиночных построек, ориентированные по линии запад – восток. В настоящий момент идентифицировано 20 подобных памятников (рис. 2: 1). Также близко к поселениям и в одной топографической ситуации располагаются 8 кругов с дополнительными постройками (рис. 2: 2, 3). Отдельные постройки часто обнаруживаются в окрестностях поселений, но всегда на высоких плато. Часто рядом с поселениями располагаются курганные группы – как, например, возле поселения Кабардинка 2 и вокруг поселений Кичи-Балык 1–2.

Примечательно, что все эти памятники находятся в близких топографических условиях, на ровных водораздельных плато высотой 1400–2200 м, немного отстоят от края плато и отделяются небольшими понижениями рельефа. Более того, их расположение сильно отличается от расположения современных или средневековых памятников. Последние, равно как и большое количество загонов для овец этнографического периода, никогда не располагаются на водораздельных плато. Средневековые укрепления занимают скальные выходы на краю плато, а загоны, как правило, расположены между краем плато и низом речной долины, тогда как современные поселки находятся еще ниже. Многие подобные поселения, также различимые на аэрофотоснимках, находятся именно в этих местах.

Конечно, без широкомасштабных полевых исследований отнести все поселения с симметричной планировкой к одному периоду можно лишь гипотетически. Тем не менее, поскольку планировка памятников и топографическая ситуация всех поселений сходна, а предварительное обследование более тридцати поселений не принесло никакого другого керамического материала, кроме позднего бронзового – раннего железного века (кобанская культура), представляется весьма вероятным, что все эти памятники синхронны.

Расположение этих памятников вдали от современной зоны ведения земледелия, ограниченной приблизительно 1000 м над уровнем моря, и даже выше участков древнего террасирования, значительная часть которых, судя по результатам полевых обследований 2005–2012 гг., может датироваться кобанской эпохой (Борисов, Коробов, 2013), оставляет открытым вопрос о назначении данных поселений. Их планировка – с открытой центральной площадью – и высотное расположение могут означать, что они выполняли функции сезонных поселений для летних выпасов скота, хорошо известных практически во всех горных уголках Евразии. Тем не менее их пространственное распределение, размеры и тот факт, что на каждом поселении имеется от 10 до 36 построек, в основном состоящих из двух комнат размерами 10×15 м, указывают на постоянное обитание. Если предположить, что одну постройку занимала семья из 5 человек, мы получаем возможное количество населения на одном памятнике приблизительно от 50 до 180 человек. Это весьма далеко от всех этнографически известных сезонных пастушьих поселений, даже в Альпах, где так называемые поселения типа *Maiensäß* формировались из 5–8 жилых построек. Присутствие остатков зерен в промывках археоботанических образцов, каменных терочников и следов металлургического производства указывает на наличие запасов зерна и производства металлических вещей на поселениях. Оба этих занятия нехарактерны для пастушеских поселений согласно этнографическим данным. Однако сезонный характер части этих недавно открытых памятников на сегодняшнем этапе их археологического изучения не может быть полностью исключен.

Параллельно разведочным работам нами осуществлялись более детальные археологические исследования подобных памятников. Основное полевое обследование проводилось на поселении Кабардинка 2, где осуществлялась микротопосъемка, систематический сбор подъемного материала, шурфовка, раскопки нескольких построек, а также отбор почвенных проб на геохимические анализы. Памятник занимает территорию примерно 150×150 м, т. е. 22 500 кв. м. Он был найден по остаткам построек, видимых на поверхности в виде задернованных каменных кладок фундаментов (?), которые прослеживаются на площади 100 х 120 м. Эти же фундаменты построек дешифрируются по аэрофотосъемке (рис. 1: 2), что позволяет получить дистанционными методами информацию о структуре поселения.

Проведенная в 2004 г. шурфовка центральной площади показала практически полное отсутствие археологического материала на ней и, возможно, отсутствие растительного покрова в период ее использования жителями поселения. Эти выводы подтверждаются при обследовании центральной площади расположенного в 2 км к востоку поселения Кабардинка 3 (рис. 1: 3), где наблюдается аналогичная картина.

В западной части поселения Кабардинка 2 за пределами видимых построек выявлено место высокой концентрации подъемного материала, условно названное «мусорной свалкой». Заложенный в этом месте шурф показал наличие большого количества фрагментов керамики и костей животных. Представляется весьма интересным, что при полевом обследовании десяти подобных поселений выявляются аналогичные места концентрации подъемного материала за пределами обитаемой части памятника на расстоянии 10–20 м от края застройки, возле небольших балок.

В 2005–2007 гг. на поселении Кабардинка 2 проводились раскопки постройки 14 (рис. 3). В раскопе площадью 290 кв. м были расчищены внешние стены постройки шириной 80–120 см и высотой 30–80 см, сложенные в виде двухпанцирной кладки с забутовкой. Впечатляющим архитектурным объектом является внешняя полукруглая стена постройки, сложенная из двух рядов поставленных на ребро массивных плит. Были открыты также внутренние перегородки, разделявшие помещение на отдельные комнаты. В каменном развале, перекрывавшем сверху помещение постройки, и в культурном слое мощностью 5–15 см обнаружено более 20 тыс. фрагментов керамики. Была собрана остеологическая коллекция и отобраны образцы для радиоуглеродного анализа и макроботанических исследований. Полученная информация о радиоуглеродных датах позволяет отнести существование данной постройки к XIII–IX вв. до н. э. (*Райнхольд и др.*, 2020. Табл. 3).

В 2008 г. на поселении Кабардинка 2 было заложено два раскопа общей площадью около 250 кв. м, один из которых подтвердил присутствие на поселении специальных зон, предназначенных для мусорных свалок, а другой позволил выявить несколько круглоплановых построек, обнаруженных в результате геофизических изысканий. Найдено более 20 тыс. фрагментов керамики, обработка которой еще ведется. Была собрана остеологическая коллекция и отобраны образцы для радиоуглеродного анализа и макроботанических исследований. Полученные радиоуглеродные даты показали более раннее время функционирования круглоплановых построек с северной стороны поселения Кабардинка 2 (XVI–XIV вв. до н. э.) (*Райнхольд и др.*, 2020. Табл. 3).

На поселениях Кабардинка 2 и 3 использовался целый комплекс методов неструктивного обследования: микротопографическая съемка, магнитометрическое и георадарное исследования, отбор почвенных проб для последующего фосфатного, магнитного, химического и микробактериологического анализов. В этой работе принимало участие значительное количество специалистов из ГУП «Наследия» Министерства культуры Ставропольского края, ИФХиБПП РАН, Мюнхенского университета и университета г. Оснабрюк (Германия). Результаты этих работ опубликованы в коллективной монографии (*Reinhold et al.*, 2017) и не рассматриваются в рамках данной краткой публика-

Рис. 3. Результаты раскопок постройки 14 на поселении Кабардинка 2: чертежный план (сверху) и ортофотоплан (снизу)

ции. Стоит лишь отметить, что использование современных неdestructивных методов показало их высокий потенциал в выявлении и изучении нового типа поселений кобанской культуры. Полученные нами результаты позволили в течение нескольких полевых сезонов выявить и первично исследовать абсолютно новую поселенческую агломерацию позднего бронзового – раннего железного века, материалы которой заполняют существовавшую лауну между северокавказской и кобанской культурами исследуемого региона (*Райнхольд и др.*, 2020).

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С., 2004. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир. 240 с.

Белинский А. Б., Коробов Д. С., Райнхольд С., 2009. Ландшафтная археология на Северном Кавказе: первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи позднего бронзового – раннего железного века // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. IX. Археология, краеведение. Ставрополь: Наследие. С. 175–218.

Борисов А. В., Коробов Д. С., 2013. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М.: ТАУС. 272 с.

Коробов Д. С., Райнхольд С., 2008. Новый тип поселений кобанской культуры в окрестностях Кисловодска // *КСИА*. Вып. 222. С. 25–38.

Райнхольд С., Белинский А. Б., Атабиев Б. Х., 2020. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // *Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога: междунар. науч. конф. по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург)* / Отв. ред.: М. Т. Кашуба, С. Райнхольд, Ю. Ю. Пиотровский. Berlin: Dietrich Reimer Verlag. С. 405–455.

Fassbinder J. W. E., Merkulov S., Reinhold S., 2017. Geophysikalische Prospektion auf der Kabardinka-Höhe und anderen Fundplätzen // *Reinhold S., Korobov D., Belinskij A. B.*, 2017. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus. Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus. Bonn: Habelt-Verlag. S. 62–70.

Reinhold S., Belinskij A. B., Korobov D. S., 2007. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. Bd. 13. Mainz am Rhein. S. 139–180.

Reinhold S., Korobov D., Belinskij A. B., 2017. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus. Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus. Bonn: Habelt-Verlag, 2017. 514 S. (Archäologie in Eurasien; 38).

И. В. Палагута, Е. Г. Старкова

О ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДРЕВНИХ ОРНАМЕНТОВ: ОРГАНИЗАЦИЯ КОМПОЗИЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Вопросы изучения орнаментов – их информативности для реконструкций процессов культурогенеза, выявления особенностей развития художественной культуры и культурных взаимосвязей, проникновение в основы древнего мировоззрения – неоднократно поднимались А. Ю. Скаковым в его научных разработках, а также становились предметом наших многочисленных личных бесед. В том числе это касалось обсуждения тех принципов и методов подхода к изучению орнаментов, которые были выработаны нами на основании опыта исследования декора керамики ранних земледельцев Европы эпох неолита и медного века (VII–III тыс. до н. э.), в частности – культуры Кукутень-Триполье. Разнообразная по формам элементов и мотивов, многокрасочная орнаментация керамики этих культур дает тот массовый материал, который необходим для выявления основных закономерностей формирования орнаментальных композиций и мотивов. В поле зрения археологов оказываются различные аспекты орнамента: формальный, технологический, этноисторический, семантический, искусствоведческий (*Кожин*, 1981. С. 132–135).

На основании формальной классификации элементов и мотивов орнаментов выстроена относительная хронология памятников, на нее опирается и большинство археологических периодизаций. На параллелях выстраиваются линии связей между группами памятников и культурами. Это особо актуально как раз для указанного периода, где основным материалом для их построений является керамика, где техника нанесения декора является неотъемлемым элементом производственной цепочки.

Что касается семантического направления, то орнамент здесь зачастую рассматривается исключительно как «система знаков, нанесенных на вещь» (*Кокорина, Лихтер*, 2019. С. 7). Определение их значений базируется преимущественно на установлении соответствий между абстрактно-геометрическими орнаментальными формами и изображением предметов окружающего мира

(Кожин, 1981. С. 133–134). Отсюда появление вольных трактовок элементов орнамента как «символов» плодородия, древних космогоний и т. д. При этом сами элементы вырываются из контекста как конкретной композиции, так и типологического ряда, в котором данный орнамент занимает определенное место. Произвольный характер таких «интерпретаций» очевиден.

В ряду орнаментов раннеземледельческих культур Европы изобразительные элементы достаточно редки, как и случаи, когда они становятся основой для ряда абстрактно-геометрических форм. Один из немногих примеров – «змеиные» мотивы Кукутень-Триполья (Балабина, 1998). Однако не очевидно, что этот же смысл могут иметь их многочисленные производные: многовариантность наименования одних и тех же мотивов и элементов орнамента, по принципу свободных ассоциаций, подтверждают многочисленные примеры из этнографии (Палагута, 2011). Источником для орнаментального творчества чаще служит так называемый «технический орнамент», в основу которого ложится текстура поверхности предметов из другого материала или утраченные конструктивные детали (Palaguta, 2009; Кожин, 2014). Поэтому увидеть в орнаменте некий «изобразительный текст» не представляется возможным: как знак необходимо рассматривать, скорее, орнамент в целом, а не отдельные его составляющие (Палагута, 2023).

Искусствоведение рассматривает орнаменты с точки зрения средств художественной выразительности. В орнаменте это ритм, гармония и симметрия, что позволяет считать его самостоятельным видом искусства (Герчук, 2013; Palaguta, 2020). Рассмотрение его с этой точки зрения позволяет выйти на более глубокий уровень анализа, где в качестве объекта выступает композиция орнамента, правила ее построения.

В первую очередь – это правила симметрии. Систематизация орнаментов по принципам симметрии была использована рядом исследователей для керамики Центральной Азии эпох энеолита – бронзы (Курчо, 1999; Рудковский, 2013), однако система описания А. В. Шубникова не совсем удачна для описания симметрии (Шубников, 1940). Гораздо более удобна здесь система формул симметрии, предложенная Д. Уошберн и Д. Кроу (Washburn, Crowe, 2020; Палагута, Старкова, 2021). Анализ значительных объемов материала (в основном, орнаменты керамики «индейцев пуэбло» Юго-Запада США) показал, что принципы симметрии, по которым строится орнаментальная композиция, изменяются соответственно культурным и социальным изменениям (Washburn et al., 2010). Причины этой связи, возможно, в том, что человек на невербальном уровне визуализирует те отношения симметрии, которые складываются в окружающей его социальной среде (Washburn, 2018).

Все орнаментальные построения на плоскости ограничиваются четырьмя вариантами движения: перемещение, двойное вращение, зеркальное отражение,

скользящее отражение. На их основе выделено семь одномерных типов симметрии (бордюров) и семнадцать двухмерных. Отдельно рассматриваются бихромные композиции, когда также учитывается ритмичное чередование цвета. Типы симметрии принято обозначать буквенно-цифровыми индексами, изначально принятыми в кристаллографии. Так, например, одномерные орнаменты-бордюры обозначаются как $p111$, $p112$, $pm11$, $p1g1$, $p1m1$, $pmg2$, $pmm2$. К точечным типам симметрии относятся композиции в круге или в многоугольнике (розетки). В круговых схемах выделяются циклические (C_n) – поворот мотива и элементов вокруг центральной точки, и диэдральные (D_n) – сочетание вращения мотива с зеркальным отражением (*Washburn, Crowe, 2020; Старкова, 2021*).

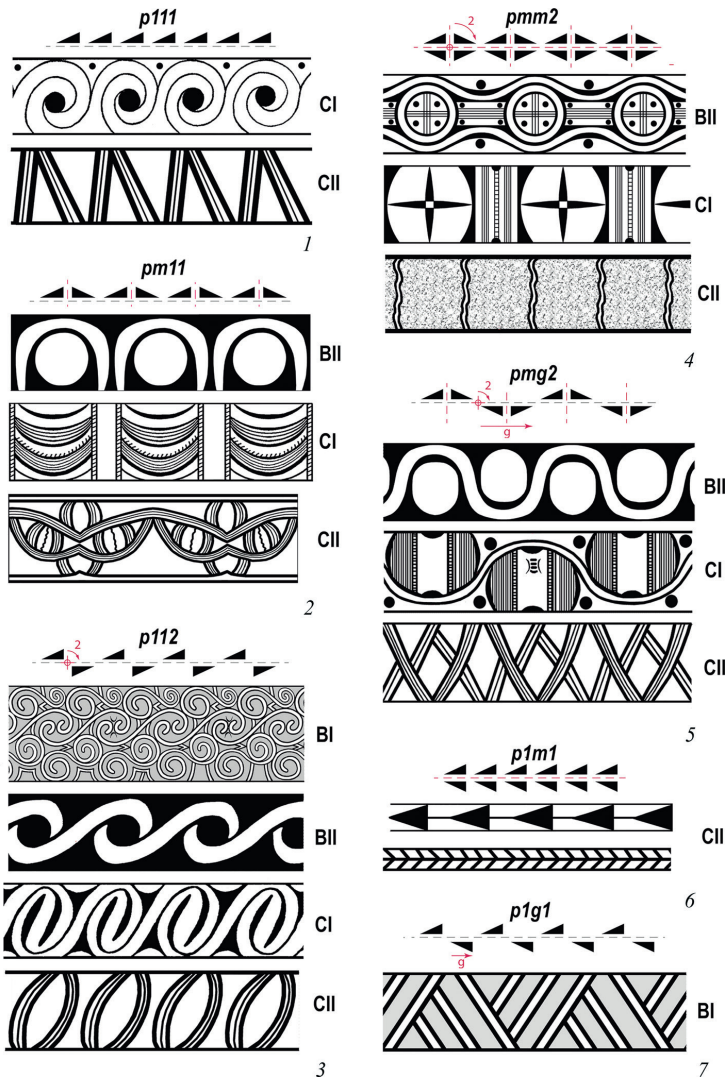
Одним из основных условий для проведения таких исследований является обширная база данных, поскольку необходим анализ процентного соотношения орнаментов с разными типами симметрии. Поэтому при работе с археологическим материалом мы сталкиваемся с очевидными затруднениями, связанными с его фрагментированностью, когда часто невозможно восстановить орнаментальную схему целиком.

Для сосудов культуры Кукутень-Триполье характерны линейные бордюрные орнаменты и композиции в круге – розетки. Бордюры наносились несколькими поясами на тулово сосуда. Основная композиция, как правило, размещена в центральной части тулова, она – наиболее сложная, насыщенная элементами. Выделяется базовая конструкция орнаментальной схемы (спирали, круги, метопы и т. д.), по которой и определяется тип симметрии (рис. 1). Розетки располагались на мисках, на невысоких крышках и внутренней поверхности верхних чаш «биноклей». У розеток также есть базовая схема из кругов, овалов, изогнутых линий, «комет», вращающихся вокруг центра (рис. 2).

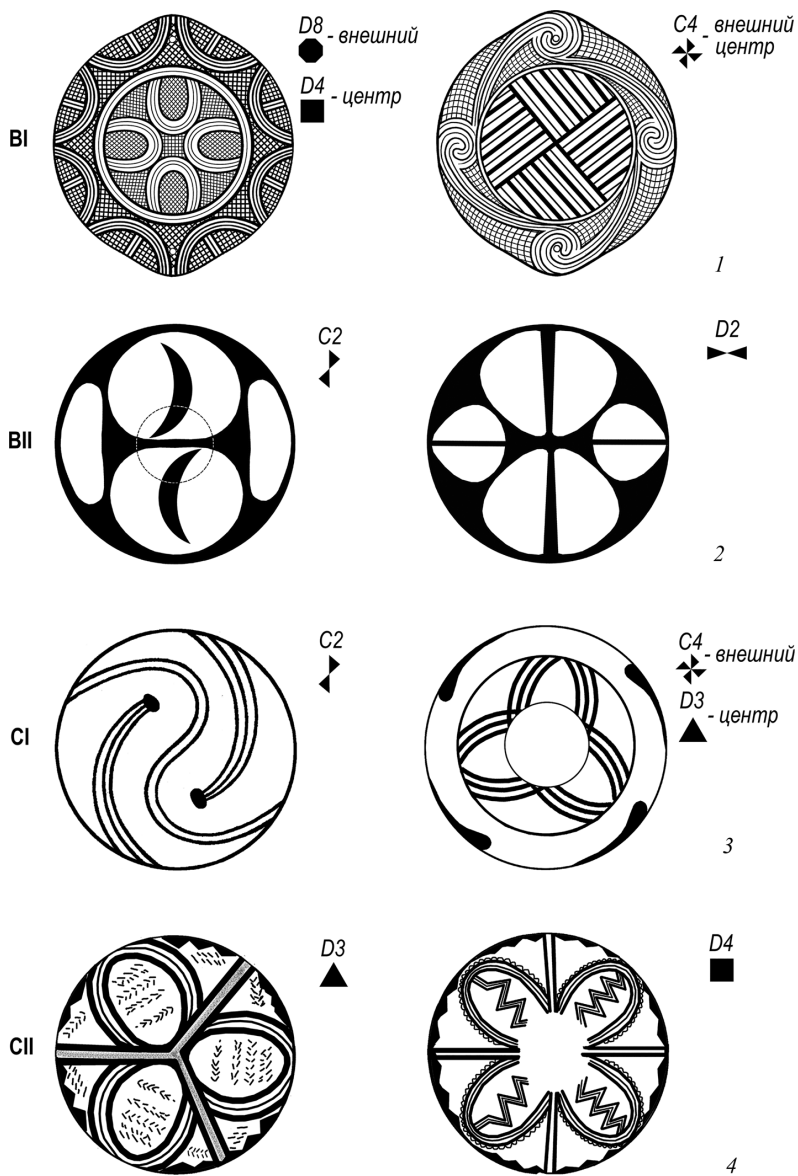
Результаты исследований показали достаточно однородную картину в соотношениях типов симметрии в декоре керамических сосудов Триполья СІ из разных регионов трипольского ареала: Шипинцы (Верхнее Поднестровье), Попудня (Буго-Днепровское междуречье), каневская группа памятников (Поднепровье). В комплексах всех рассмотренных хронологических периодов в разных пропорциях присутствуют шесть типов симметрии бордюров из семи: $p111$, $p112$, $pm11$, $p1m1$, $pmg2$, $pmm2$ (рис. 1). Керамика периода Триполье СІІ (Выхватинцы) демонстрирует значительные отличия в соотношении типов симметрии. Наибольшие из них наблюдаются в орнаментах-розетках: на керамике этапа СІ преобладают циклические схемы (C_n) (рис. 2: 3), которые полностью отсутствуют на этапе СІІ, где распространены исключительно диэдральные композиции (D_n) (рис. 2: 4).

Смена приоритетов в выборе симметрии соответствует кардинальным изменениям в трипольских сообществах на финальном этапе существования культуры: в конфигурации ареала, стратегий расселения, хозяйстве, планировке

Рис. 1. Варианты линейных орнаментов бордюров на керамике культуры Кукутень-Триполье: 1 – $p111$, простой параллельный перенос мотива вдоль горизонтальной оси; 2 – $pm11$, параллельный перенос мотива и отражение его относительно вертикальной оси; 3 – $p112$, параллельный перенос и поворот мотива на 180° ; 4 – $pmm2$, отражение мотива по вертикали и горизонтали с поворотом на 180° ; 5 – $pmg2$, параллельный перенос мотива с зеркальным отражением и смещением его относительно горизонтальной оси и поворотом его на 180° ; 6 – $p1m1$, параллельный перенос мотива и отражения его относительно горизонтальной оси; 7 – $p1g1$, отражение мотива со смещением его вдоль горизонтальной оси

Рис. 2. Варианты орнаментов в круге (розеток) на керамике культуры Кукутень-Триполье: 1 – диэдральные композиции D8 и D4, вращение мотива вокруг центральной точки и зеркальное его отражение, и циклические C4, вращение мотива вокруг центральной точки (Триполье VI); 2 – циклическая композиция C2 и диэдральная D2 (Триполье VII); 3 – циклическая композиция C2, C4 и диэдральная D3 (Триполье CI); 4 – диэдральные D3 и D4 композиции (Триполье CII)

поселений, погребальном обряде. Очевидно, что все это свидетельствует об изменении состава населения и социальной структуры (Старкова, 2021).

В более ранние периоды развития Кукутень-Триполье соотношение разных видов симметрии тоже менялось. Так, предварительные результаты анализа орнаментальных схем на керамике поселения Раковец (Триполье VII) показывают, что если в симметрии бордюров примерно те же соотношения, что и в последующий период, то соотношение циклических и диэдральных схем в орнаментах-розетках здесь примерно равное (рис. 2: 2).

Еще большие отличия наблюдаются при рассмотрении симметрии орнаментов периода Триполье VI. Уже предварительные наблюдения, проведенные на материалах поселения Журы, показывают, что композиции этого времени кардинально отличаются от более поздних не только по цвету, но и по способу построения и зонирования орнамента. Во многих схемах базовая конструкция и дополнительные элементы выглядят равнозначно по размеру и цельности, что в одном бордюре иногда позволяет выделить несколько линейных композиций с одинаковыми или разными типами симметрии. В большинстве схем затруднительно выделить одну базовую конструкцию, поскольку в одну композицию, как правило, вписано несколько относительно равноценных бордюров с вполне распознаваемыми разными типами (рис. 1: 3). Для розеток также характерны сложные орнаменты по краю в дополнение к центральной композиции. Распределение некоторых орнаментов не горизонтально или вертикально, а диагонально свидетельствует о наличии двухмерных схем. Ритмичное сочетание двух цветов в отдельных композициях позволяет выделить дополнительные типы симметрии. Также здесь встречается тип симметрии $p1g1$, образованный поворотом мотива на 180° со смещением его вдоль горизонтальной оси, который полностью отсутствует в последующие периоды (рис. 1: 7). Параллельно наблюдаются и несколько вариантов нанесения элементов орнамента (Палагута, 2020). Все это свидетельствует о динамичных процессах изменения культуры, происходивших в этот период, хотя при всем разнообразии симметрий в орнаментах Кукутень-Триполья они ограничиваются определенным набором их типов.

Анализ симметрии был опробован и на материалах из поселений культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК) периферийного региона – Пруто-Днестровского междуречья: поселений Флорешты I, Гура-Каменка VI, Дэнчены, Сынжерей I, Рогожань II, где было опубликовано достаточное количество прорисовок орнаментальных схем (Ларина, 1999), а также серии сосудов из погребального комплекса в Незвиско (Верхнее Поднестрие). В орнаментах керамики КЛЛК из семи типов симметрии бордюров удалось выявить пять: $pm11$, $pm2$, $p112$, $pmg2$, $p111$. Из них доминируют бордюры $pmg2$ – с параллельным переносом мотива, зеркальным отражением его относительно горизонтальной оси, скользящей симметрией относительно горизонтальной оси и поворотом

его на 180°, и pm11 – параллельный перенос мотива и отражением его относительно вертикальной оси.

Сравнение орнаментов КЛЛК и Триполья показало совершенно различные представления о симметрии в этих разных историко-культурных общностях, что прослеживается не только в соотношении ее типов, но и способах симметрического построения композиции. Поэтому КЛЛК не может рассматриваться в качестве одной из генетических составляющих Кукутень-Триполья, что подтверждается и через сопоставление техники и технологии изготовления керамики (*Palaguta, Starkova, 2021*).

Таким образом, анализ композиции с точки зрения симметрии позволяет ответить на целый ряд вопросов, необходимых для понимания природы культурных изменений, индикатором которых является орнамент. Конечно же, изучение орнаментальных схем с точки зрения типов симметрии не исключает, а скорее дополняет анализ декора с подробным описанием элементов, мотивов и композиций, а также техники его исполнения. Однако это выход на тот уровень исследования, где вместо «анекдотического» объяснения орнаментальных форм по принципу свободной ассоциации, основной целью является выявление тех принципов, на которых строится композиция, именно эти принципы ложатся в основу художественного стиля орнамента.

ЛИТЕРАТУРА

Балабина В. И., 1998. К прочтению змеиных изображений спиралевидного орнамента древних земледельцев Европы // Вестник древней истории. № 2. С. 135–151.

Герчук Ю. Я., 2013. Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа. М.: РИП-холдинг. 301 с.

Кирчо Л. Б., 1999. К изучению позднего энеолита Южного Турменистана (основы классификации расписной керамики и неопубликованные материалы поселения Ак-депе) СПб.: ИИМК РАН. 120 с. (Археологические изыскания; вып. 60).

Кожин П. М., 1981. Значение орнаментации керамики и бронзовых изделий Северного Китая в эпохи неолита и бронзы для исследований этногенеза // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века / Ред.: В. М. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. М.: Наука. С. 131–161.

Кожин П. М., 2014. Происхождение и развитие керамического производства и расписной орнаментации глиняной посуды // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур Деде в 2011–2013 гг. М.: Старый сад. С. 112–126.

Кокорина Ю. Г., Лихтер Ю. А., 2019. Морфология декора. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ. 200 с.

Ларина О. В., 1999. Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона // *Stratum plus*. № 2. С. 10–112.

Палагута И. В., 2011. Орнаменты Триполья-Кукутени: направления исследований и возможности интерпретации // *Российский археологический ежегодник*. Вып. 1. С. 245–261.

Палагута И. В., 2020. Орнаменты керамики Триполья–Кукутени: некоторые наблюдения над способами построения композиции // *Camera Praehistorica*. № 1 (4). С. 76–92.

Палагута И. В., 2023. Орнамент в декоративно-прикладном искусстве и архитектуре: в поиске теоретических ориентиров // *Terra Artis*. Искусство и дизайн. № 2. С. 102–123.

Палагута И. В., Старкова Е. Г., 2021. Симметрия в культуре и симметрия культуры: опыт применения математики в антропологии искусства // *Terra artis*. Искусство и дизайн. № 2. С. 144–151. Рец. на кн.: Washburn D. K., Crowe D. W. *Symmetries of Culture: Theory and Practice of Plane Pattern Analysis*. New York: Dover Publications, 2020. 301 p.

Рудковский И. В., 2013. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана. 190 с.

Старкова Е. Г., 2021. Симметрия в орнаментах трипольской культуры // *Археологические вести*. Вып. 32. С. 416–432.

Шубников А. В., 1940. Симметрия: Законы симметрии и их применение в науке, технике и прикладном искусстве. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 176 с.

Palaguta I., 2009. «Technical decoration» of the Tripolye Ceramics // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. Vol. 37 (2). P. 85–91.

Palaguta I., 2020. Studies on Ornament: Main Trends and Prospects // *Вестник СПбГУ. Искусствоведение*. Т. 10, вып. 4. С. 571–585.

Palaguta I., Starkova E., 2021. Eastern LBK pottery: some observations on forming techniques and symmetrical structure of ornaments (Florești and Niezwiszka) // *Sprawozdania Archeologiczne*. Vol. 73/1. P. 251–267.

Washburn D. K., 2018. Cognitive Archaeology: a Symmetry/Symmetry-Breaking Model for the Analysis of Societies // *Time and Mind*. Vol. 11, № 2. P. 121–161.

Washburn D. K., Crowe D. W., 2020. *Symmetries of Culture: Theory and Practice of Plane Pattern Analysis*. New York: Dover Publications. 301 p.

Washburn D. K., Crowe D. W., Ahlstrom R. V. N., 2010. A Symmetry Analysis of Design Structure: 1,000 Years of Continuity and Change in Puebloan Ceramic Design // *American Antiquity*. Vol. 75, 4. P. 743–772.

А. Л. Пелих, А. И. Джопа, **А. Ю. Скаков**

ЛЫХНЕНСКИЙ КЛАД БРОНЗОВЫХ ТОПОРОВ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ДАННЫЕ

В 1952 г. в Гудаутском районе Абхазии, на южной окраине сел. Лыхны, в поселке Адзлагарахук при обработке приусадебного участка местный житель Л. Арджения обнаружил клад бронзовых топоров. Выехавший на место находки М. М. Трапш выяснил, что топоры, числом до 40 экземпляров, лежали в выкопанной в каменистой почве яме, глубиной 70 см. Шурфы, заложенные на месте находки, археологического материала не дали. Клад первоначально состоял, по М. М. Трапшу, из топоров «числом до 40 экземпляров», 35 из которых сохранились, а 5 пропали до приезда археолога (*Трапш*, 1970. С. 175). По записям из рукописного архива А. А. Иессена, который опирался на данные А. Л. Лукина, в кладе первоначально было 42 топора. Видимо, также А. Л. Лукин передал А. А. Иессену описание 36 топоров клада как переданных в Сухумский музей, а также трех топоров как находившихся в собственной, А. Л. Лукина, коллекции¹.

М. М. Трапш провел качественный для середины XX в. анализ предметов клада, но его подготовленная к печати в 1964 г. рукопись была опубликована уже после смерти исследователя (*Трапш*, 1970. С. 174–183). М. М. Трапш разделил топоры клада на четыре основных типа. Топор первого типа, укороченных пропорций, с одной стороны, архаичен, с другой – схож с рядом топоров из других пунктов Западного Закавказья. Топор второго типа сближается с изделиями типа «в», по классификации П. С. Уваровой. Топоры третьего типа, так же как и другие, производившиеся на месте, – верхнекубанского типа, по А. А. Иессену. Топоры четвертого, разбитого на два варианта (тип и подтип по М. М. Трапшу), сближаются автором с колхидскими топорами типа «г», по классификации П. С. Уваровой, и колхидскими топорами I типа по О. М. Джапаридзе. М. М. Трапш считал топоры Лыхненского клада наиболее ранними образцами

---

¹ Благодарим В. С. Бочкарева, поделившегося с нами сведениями из архива А. А. Иессена (из своего личного архива), а также рядом важных замечаний касательно трактовки Лыхненского клада.

бронзовых топоров кобанско-колхидского круга, датировав их в пределах середины и третьей четверти II тыс. до н. э.

Примерно в эти же годы специальную работу по анализу лыхненского клада опубликовал Д. Л. Коридзе (*Коридзе*, 1968. С. 16–30). Он представил данные о 36 топорах, как входивших в клад, выделив среди них три основные группы: 1 группа – прототипы I вида колхидских топоров, 2 группа – колхидские топоры II вида, 3 группа – колхидские топоры I вида. Д. Л. Коридзе датировал клад XVII–XV вв. до н. э.

Разница в количестве топоров по М. М. Трапшу и по Д. Л. Коридзе – в одном топоре т. н. пиленковского типа, по А. А. Иессену (*Иессен*, 1951 нет в списке. С. 80–81), или IV типа по М. М. Трапшу: их 13 у М. М. Трапша и 14 – у Д. Л. Коридзе.

В сводной работе Ю. Н. Воронова фигурируют также 35 топоров Лыхненского клада (*Воронов*, 1969. С. 21–22), который выделил 9 типов топоров клада.

В нашем распоряжении есть также черно-белые фотографии Лыхненского клада, переданные в 1970-е гг. В. С. Бочкареву. На них присутствуют 36 топоров. Но при этом, в отличие от работы Д. Л. Коридзе, здесь мы видим 13 топоров пиленковского типа и 11 – колхидского типа.

Для решения вопроса о численности топоров Лыхненского клада определяющим может быть то, что в Абхазском государственном музее в настоящее время под сквозным шифром «ЛК-1 – ЛК-35» находится 35 топоров. Причем топоры зашифрованы по порядку, в соответствии с распределением по форме: топоры верхнекубанского типа имеют шифры от ЛК-1 до ЛК-10; однотипные т. н. «пиленковские» топоры представлены в нем под шифрами от ЛК-11 до ЛК-23, то есть их 13 штук, как обозначено в работе М. М. Трапша; топоры «колхидского» типа находятся под шифрами от ЛК-24 до ЛК-33; архаичный укороченный топор – под шифром ЛК-34; топор, близкий изделиям типа «в» по классификации П. С. Уваровой, – ЛК-35. Какой-либо топор под шифром «ЛК-36» в настоящее время в собрании музея отсутствует. Логично предположить, что если бы при постановке клада на учет в музее был бы еще один топор из него «пиленковского» или «колхидского» типа, то он бы зашифровался по порядку, в ряду однотипных изделий. Наличие данных о 36 топоре в списке предметов, входящих в клад и поступивших в музей, предположительно, может быть связано с наличием в музее топоров, близких по форме лыхненским, которые при ряде обстоятельств гипотетически включались в данный комплекс.

После ввода в научный оборот Лыхненский клад бронзовых топоров неоднократно был предметом внимания специалистов.

Например, Д. Л. Коридзе еще до специальной публикации клада включил комплекс из Лыхны в раннюю группу кладов, датировав их XVI–XIV вв. до н. э.

(Коридзе, 1965. С. 154). Э.М. Гогадзе предположил, что ряд кладов, в частности из Лыхны, содержит разновременные материалы, в целом датировав комплекс XVII–XV вв. до н. э. (Гогадзе, 1990. С. 94, 99. Табл. II–III). Л. С. Сахаровой лыхненские топоры отнесены к XV–XIV вв. до н. э. (Сахарова, 1998. С. 39, 41).

В. С. Бочкарев в 1996 г. тезисно опубликовал результаты своего анализа материалов выделенного А. А. Иессеном прикубанского очага металлургии и металлообработки позднебронзового времени (далее – ПОММ ПБВ). Он заметил, что, благодаря присутствующим в кладе из Лыхны топорам пиленковского типа, комплекс связывается с Урекским кладом и тем самым – с ахметовской группой ПОММ ПБВ. А с другой стороны, – в составе анализируемого клада есть топоры раннего варианта верхнекубанского типа, что связывает его с бекешевской группой ПОММ ПБВ. Исходя из этого, Лыхненский клад, наряду с Пицундским, помещается на стыке ахметовской и бекешевской хронологических групп очага, соответственно, XV–XIII вв. до н. э. и XII–X вв. до н. э. (Бочкарев, 1996. С. 97. Табл.).

А. Ю. Скаков в целом разделил точку зрения В. С. Бочкарева, отнеся Лыхненский и Пицундский клад к наиболее ранним комплексам из включавших кобано-колхидские топоры с прямым асимметричным корпусом, широким лезвием и молоточковидным обухом (Скаков, 2009. С. 152–154. Рис. 3).

В настоящее время В. С. Бочкаревым совместно с одним из авторов этого доклада клад из Лыхны помещается в особый, промежуточный между ахметовским и бекешевским, этап развития ПОММ ПБВ – удобненский, с возможностью захода в конец ахметовского (Бочкарев, Пелих, 2022. С. 222).

При описании топоров клада видится целесообразным исходить из их группировки на основании морфологии, при этом учитывать их нумерацию в фондах Абхазского государственного музея (фонды АГМ, ЛК-1–35).

10 топоров клада (ЛК-1 – ЛК-10) имеют следующие общие характеристики: прямообушные, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной уплощенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина округлая или круглая, расположена почти у края обуха. Тулово топора четырехгранное, с незначительным переходом в шестигранное сечение. На боковых гранях втулки – по три продольных ребра. Длина топоров – 20–21,8 см, ширина лезвия – 5,6–6,3 см, проух – 3,2–3,7×2,7–3,3 см. Вес – 680,9–780 г (рис. 1). Подобные топоры А. А. Иессен выделил как характерные для ПОММ ПБВ и назвал их тип верхнекубанским (Иессен, 1951. С. 102–105).

Описываемые лыхненские топоры относятся к варианту А топоров верхнекубанского типа (Пелих, 2021. С. 46, 49): соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела у них 6,2–8,4.

Проушины у лыхненских топоров верхнекубанского типа – круглые и округлые, с индексом диаметров 1–1,23. Для сравнения – индекс диаметров подобных топоров самого массового по их количеству Боргустанского клада – 1,25–2.

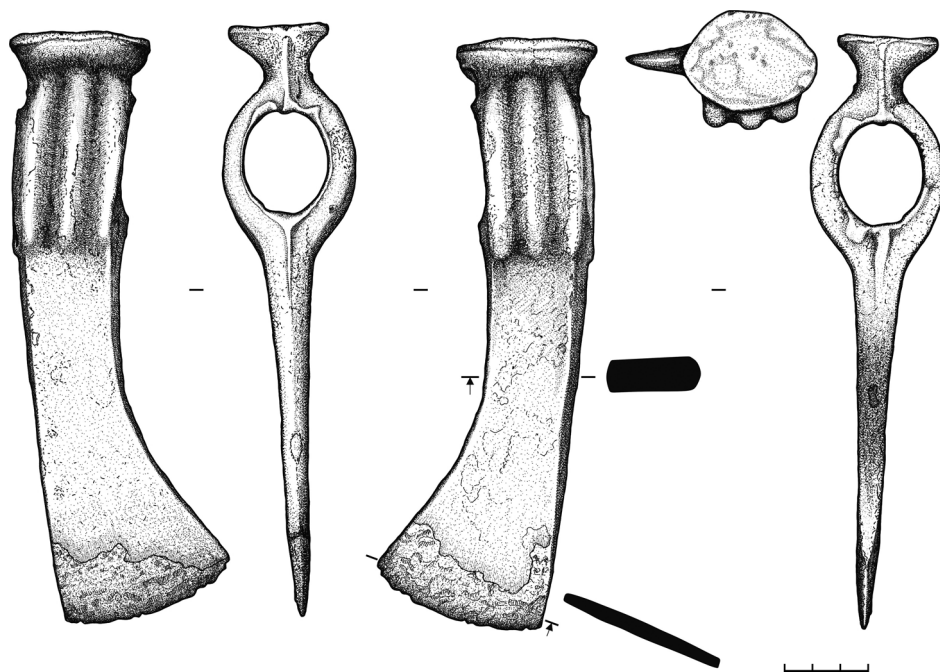

Рис. 1. Лыхненский клад, топор ЛК-1

Круглая проушина обычно считается признаком более ранних, нежели с овальной проушиной, кавказских топоров (*Иессен*, 1951. С. 103–104; *Трапи*, 1970. С. 179–180; *Корневский*, 1981. С. 20, 36). С другой стороны, круглая форма проушины топоров «верхнекубанского» и «протоколхского» типов могла быть распространена в определенный период одновременно с овальной (овально-заостренной) и быть не хронологическим, а локальным признаком, показывающим различия в технических навыках в разных производственных очагах (*Рашишвили*, 1974. С. 119; *Скаков*, 2005. С. 265).

Однако для определения относительной хронологии лыхненских верхнекубанских топоров в ряду однотипных изделий, думается, важен и другой их признак – четырехгранное сечение тулова. Этим они сближаются с подобными топорами из Пицундского клада и одним из топоров (второй шестигранный) из Упорненского клада, отличаясь от шестигранных в сечении однотипных топоров из других пунктов. На наш взгляд, версия о том, что в целом топоры верхнекубанского типа с круглой проушиной и четырехгранным туловом были непосредственными предшественниками топоров верхнекубанского типа с овальной проушиной и шестигранным туловом, имеет право на существование.

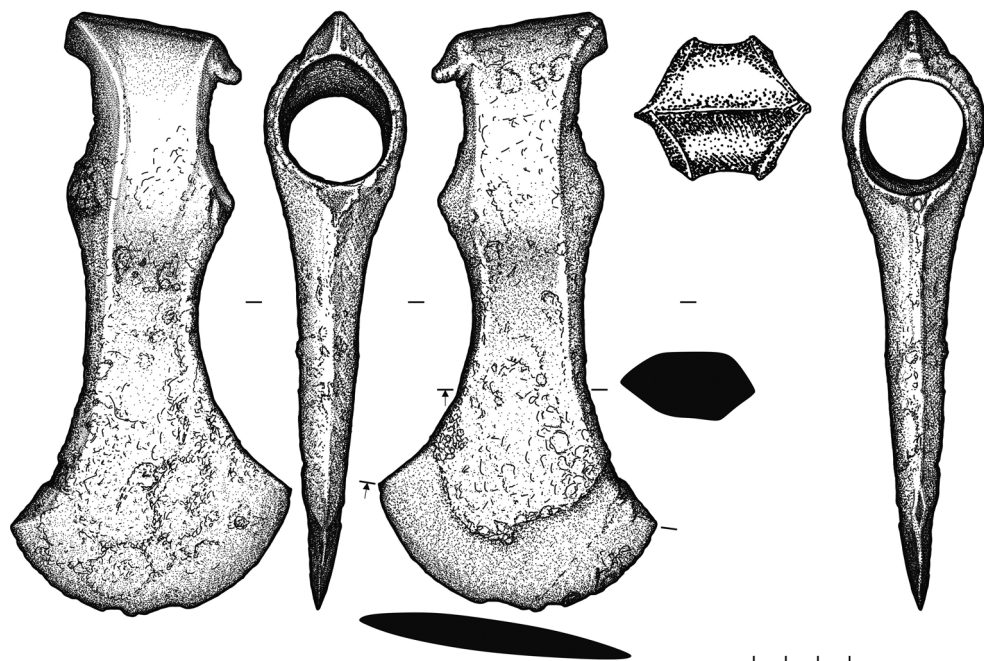

Рис. 2. Лыхненский клад, топор ЛК-11

13 топоров из клада (ЛК-11 – ЛК-23) имеют следующие общие характеристики: с клиновидным кососрезанным обухом, прямым корпусом, асимметричным, расширяющимся вниз (обычно больше) и вверх округлым лезвием, проушина округлая или круглая, расположена почти у края обуха, вверх (или вверх и вниз) выступает упор для рукояти. Тело топора в сечении четырехгранное, с двумя короткими и двумя длинными гранями, с незначительным переходом в шестигранное сечение. На одной из боковых граней втулки посередине – возможно наличие продольного ребра. Длина топоров – 16,1–18,1 см, ширина лезвия – 7,7–8,9 см, проух 2,8–3,3×2,5–3,1 см. Вес – 560,6–723,8 г. Можно также обозначить как общий признак этих топоров их укороченные пропорции (рис. 2).

Такие топоры представляют т. н. пиленковский тип изделий (*Иессен*, 1951. С. 81; *Бочкарев*, 1996. С. 97). Они, через асимметрично расширенное лезвие и упор для рукояти, выводятся из топоров т. н. урекского типа, развиваясь далее в непосредственно колхидских формах изделий этой категории (*Бочкарев*, *Пелих*, 2022. С. 108).

10 топоров из клада (ЛК-24 – ЛК-33) имеют следующие общие характеристики: с клиновидным кососрезанным обухом, прямым корпусом, асимметричным, расширяющимся вниз и вверх округлым лезвием, проушина оваль-

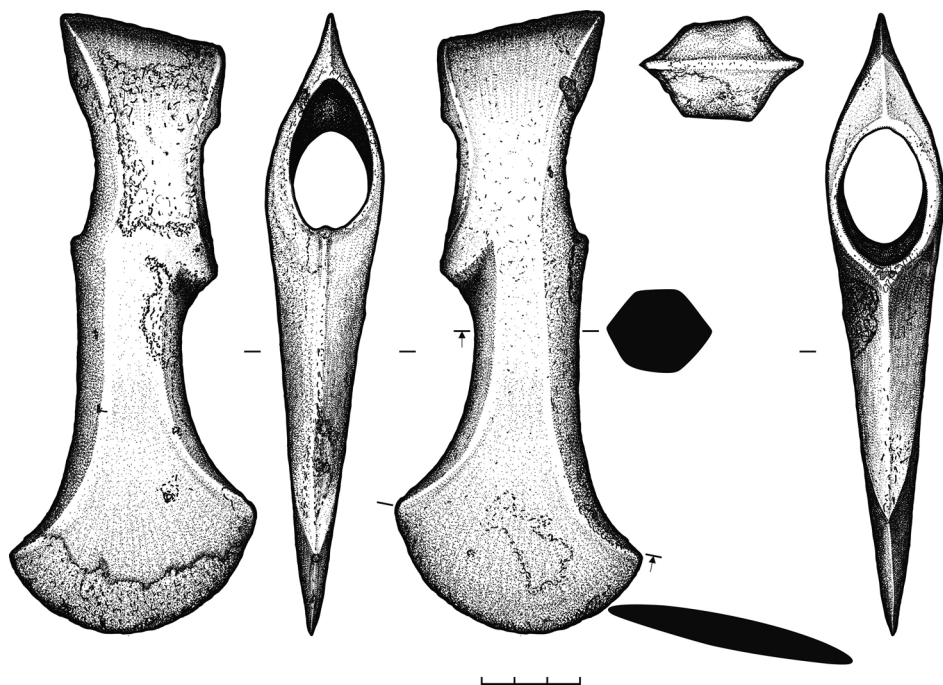

Рис. 3. Лыхненский клад, топор ЛК-24

но-линзовидная. Проух выступает вниз. Тело топора в сечении шестигранное. Длина топоров – 17,7–20,9 см, ширина лезвия – 7,5–9 см, проух – 4–4,7×2,3–3,2 см. Вес – 507,3–761 г (рис. 3).

Подобные топоры обозначаются как колхидские, I типа по О. М. Джапаридзе (*Джапаридзе*, 1953. С. 284–285), традиционно относящиеся к ранним этапам развития колхидских топоров (*Сахарова*, 1998. С. 34–42).

Топор из клада № ЛК-34: короткий, массивный, с прямой спинкой и расширяющимся вниз закругленным лезвием, проушина круглая, расположена почти у края обуха. Тело топора в сечении клиновидное. Длина топора – 13 см, ширина лезвия – 7,1 см, проух – 2,8×2,8 см. Вес 559,5 г (рис. 4).

А. А. Иессен обозначил подобные топоры как относящиеся к типу (типам) коротких сочинских (*Иессен*, 1951. С. 100–102, 106–107). По своим пропорциям форма этого топора уходит в среднебронзовый период, к топору из Келермесского кургана № 5 (*Отчет...*, 1907. С. 96. Рис. 164). А расширяющееся вниз закругленное лезвие сближает его с топорами колхидо-кобанских форм.

Топор из клада № ЛК-35: с прямой спинкой и сильно расширяющимся вниз округлым лезвием, проушина круглая, расположена почти у края обуха, обух короткий с уплощенной пяткой. Тело топора шестигранное в сечении.

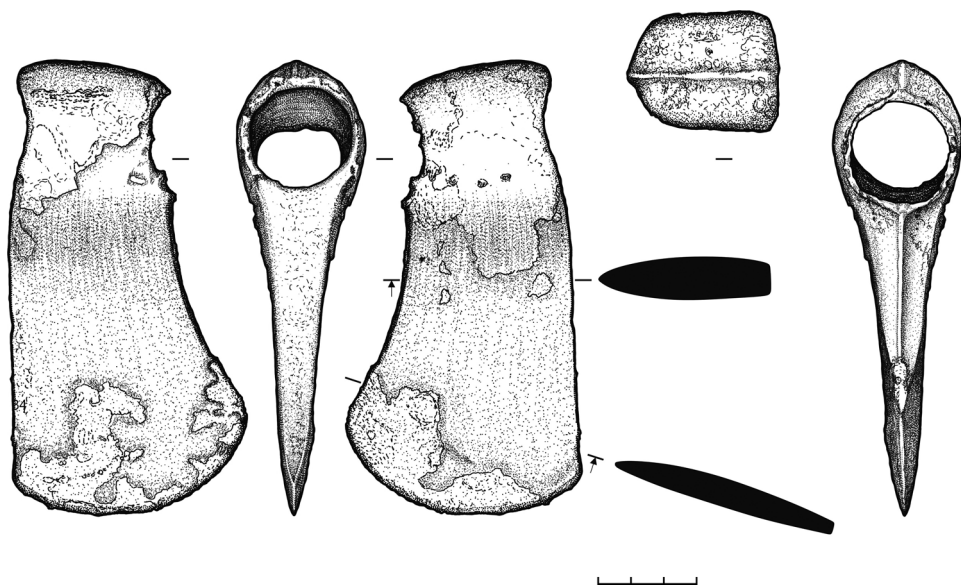

Рис. 4. Лыхненский клад, топор ЛК-34

На спинке и в меньшей степени на брюшке топора, непосредственно под проухом, находятся небольшие выступы. Длина топора – 19,1 см, ширина лезвия – 7,5 см, проух – 2,9×2,9 см. Вес 781,1 г (рис. 5).

По мнению А. А. Иессена (данные из его архива), этот топор принадлежит особому типу топоров, о чем говорят литые со стороны обуха, круглая проушина, закругленная опущенная лезвийная лопасть, еще почти прямая спинка. Такие топоры могли быть предшественниками кобано-колхидских топоров типа II с прямым асимметричным корпусом, широким лезвием и молоточковидным обухом (Скаков, 2005. С. 266).

По типам входящих в него топоров Лыхненский клад очень близок Пичундскому кладу (Иессен, 1951. С. 81. Рис. 4: 1–2; 32: 1–3; Бочкарев, 1996. С. 97). Что говорит об их синхронности.

Удобненский этап ПОММ ПБВ, в который можно поместить Лыхненский клад, синхронизируется с красноямацкой хронологической группой памятников степей Восточной Европы, в основном определяющейся пределами XIII в. до н. э. (Бочкарев, Пелих, 2008. С. 65). Архаичные формы топоров, содержащиеся в кладе наряду с более «молодыми», тянут его в конец ахметовского этапа ПОММ ПБВ, заставляя нас не исключать и XIV в. до н. э. при его датировке.

Большинство топоров, как писал еще М. М. Трапш, очевидно, не было в употреблении, так как по продольной оси их тулова четко сохранились

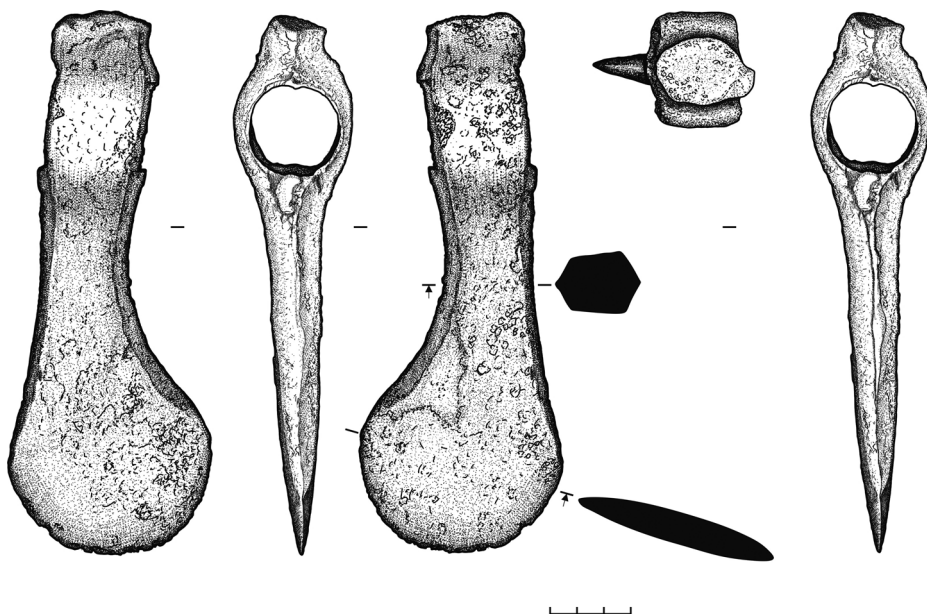

Рис. 5. Лыхненский клад, топор ЛК-35

не только не сработанные, но даже не убранные мастером-литейщиком заусеницы и заплывы на местах соединения половинок литейной формы (Трапи, 1970. С. 176), а на краях лезвий нет вмятин как частых характерных следов использования. Несколько топоров имеют серьезные дефекты кромки лезвия или втулки, что исключало или затрудняло их эксплуатацию.

Это важно для определения назначения Лыхненского клада, его места в классификационной схеме кладов (Бочкарев, Климушина, 2022. С. 28–31). Наличие в кладе серий новых изделий, в том числе отлитых в одной и той же форме, говорит о трактовке комплекса как торгового клада. При этом присутствие нескольких бракованных предметов может указывать на депонирование этого клада самим мастером-литейщиком.

В отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным был проведен рентгенофлуоресцентный анализ нескольких бронзовых топоров Лыхненского клада (ArtTAX, Brüker)². Выборочно проанализированы топоры всех основных форм. Изделия отлиты из бронзы, с легирующими добавками к меди 1,5% – 7% мышьяка.

В заключение стоит сказать, что оба ярких клада, в который входили топоры как «колхидских», так и «верхнекубанских» форм, – Лыхненский

² Благодарим С. В. Хаврина и И. Ж. Тутасеву за помощь и проведение анализов.

и Пицундский – происходят с территории, которую А. Ю. Скаков обозначил как зону Бзыбской культуры, этапа ее формирования, входившей в кобано-колхидскую историко-культурную общность (Скаков, 2009. С. 149–155).

ЛИТЕРАТУРА

Бочкарев В. С., 1996. Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. / Ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 96–97.

Бочкарев В. С., Климушина А. И., 2022. О термине и понятии «Клад» в современной археологической литературе (по европейским материалам эпохи бронзы) // Археология Восточно-Европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 18 / Под ред. В. А. Лопатина. Саратов. С. 19–38.

Бочкарев В. С., Пелих А. Л., 2008. К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Владикавказ. 21–25 апреля 2008 г.): тез. докл. Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитар. и соц. исслед. С. 64–66.

Бочкарев В. С., Пелих А. Л., 2022. Связи прикубанского очага металлопроизводства периода поздней бронзы с Центральным и Западным Закавказьем // Записки ИИМК РАН. № 27. С. 105–116.

Воронов Ю. Н., 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара. 94 с., 25 л. ил.

Гогадзе Э. М., 1990. Некоторые вопросы изучения металлургического производства Южного Кавказа ранних этапов его развития // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей / Ред. С. А. Есаян, Г. Е. Арешян. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та. С. 89–101.

Джапаридзе О. М., 1953. Бронзовые топоры Западной Грузии (К вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры) // СА. XVIII. С. 281–300.

Корневский С. Н., 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука. С. 20–41.

Коридзе Д. Л., 1965. К истории колхской культуры. Тбилиси: Мецниереба. 167 с. (На груз. яз.).

Коридзе Д. Л., 1968. Клад из сел. Лыхни и вопрос о генезисе колхидско-кобанских топоров // Вестник государственного музея Грузии. XXV-V. С. 16–30. (На груз. яз.).

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1904 год. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1907. 186 с.

Пелих А. Л., 2021. Бронзовые топоры верхнекубанского типа: хронология и география // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа: памяти д-ра ист. наук В. И. Козенковой: сб. ст. / Ред.: А. А. Мальшев, А. Ю. Скаков. М.: МАКС Пресс. С. 44–54.

Рамшвили А. Т., 1974. Из истории материальной культуры Колхиды. Батуми: Сабчота Аджара. 137 с. (на груз. яз.).

Сахарова Л. С., 1998. Еще раз о типологии колхидского топора // Дзиебани. Журнал Центра археологических исследований Академии наук Грузии. № 1. С. 34–42. (На груз. яз.; рез. на рус. яз.).

Скаков А. Ю., 2005. Два бронзовых топора из Бзыбской Абхазии // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тез. и докл. (Геленджик, 05–08 октября 2005 г.) / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар. С. 264–265.

Скаков А. Ю., 2009. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. Вып. 223. С. 143–172.

Трапи М. М., 1970. Труды. Т. I. Сухуми: Алашара. 210 с.

Т. К. Салбиев

ОБ ОДНОЙ БРОНЗОВОЙ ПРИВЕСКЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА ТЕРЕЗЕ (РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Эпоха бронзы Кавказа переплетена множеством связей с этнографической эпохой населяющих его народов, заставшей письменность и потому достаточно хорошо зафиксированной. Подобная преемственность, наблюдаемая в самых разных областях традиционной культуры, таких как языковая семантика, устное народное творчество, танцевально-песенный фольклор, обрядовая практика и пр., позволяет видеть процесс историко-культурной эволюции, понимать ее механизмы, движущие силы и условия. Изучение погребального инвентаря дает при этом представление не только о мире потустороннем, но и напрямую касается мира живых во всей его возможной полноте, включая и мировоззрение. В конечном счете речь должна идти о мифологии, тотально господствующей, как известно, в архаический период и тождественной общественной идеологии.

С этой точки зрения особый интерес представляет одна из бронзовых привесок-амулетов из могильника Терезе, исследованного известным археологом В. И. Козенковой, относящей его к эпохе поздней бронзы, и датированного ею концом XII – VIII в. до н. э. Описывая бронзовые привески-амулеты, крепившиеся к женскому ожерелью, исследовательница особо отмечает одну из них – в форме птицы, для которой единственной характерна петля на спине (*Козенкова, 2004. С. 125*). Эта птица стоит особняком в ряду других фигурок, входивших в набор ожерелья (рис. 1).

Рис. 1. Подвески женского ожерелья

В.И. Козенкова никак не идентифицирует ее. Между тем весьма вероятно, что мы имеем дело с изображением тетерева, на что указывает целый ряд характерных особенностей: небольшого размера голова и клюв, тонкая шея, плотное туловище и специфическое хвостовое оперенье. В любом случае приведенное сопоставление может быть оправдано как попытка интерпретации известного образа.

Тем самым главной целью становится описание мифологического аспекта этого образа, что будет предполагать выяснение категории мифа, с которой он соотнесен, определение связанных с ним обрядов, а также описание вовлеченных в них мифологических персонажей и используемых ими атрибутов, а также выявление трансформаций, неизбежных в процессе исторической эволюции. При этом в качестве наследника кобанской культуры будет рассматриваться осетинская этнокультурная традиция, в которой сам тетерев и его субституты занимают видное место.

Традиция

Прежде всего обращу внимание на то, что речь, конечно, идет о кавказском тетереве, являющемся эндемиком, называемым по-латыни *Lyrurus mlokosiewiczii* Tacz., 1875 и относящемся к семейству тетеревиных (Комаров, Липкович, 2000. С. 98–99) (рис. 2). Примечательно, что, несмотря на то, что он внесен в Красную книгу, и по сей день популяция кавказского тетерева в республике стабильна.

Рис. 2. Кавказский тетерев

У тетерева самец и самка различаются не только размером, но и окрасом, что находит выражение и в осетинской лексике (Абаев, 1950. С. 485). При этом все известные лексемы имеют ясную внутреннюю форму. Так, самец будет называться *саугарк*, то есть «черная курица», а самка, соответственно, – *бургарк*, то есть буквально «бурая курица». Хотя есть и общее название *къуырмгарк*, что будет буквально значить «слепая курица», в чем находит отражение характерная для тетерева во время тока потеря контроля за окружающим миром, хорошо известная всем охотникам, когда их можно буквально брать голыми руками. Возвращаясь к разбираемым лексемам, замечу, что во всех трех случаях их внутренняя семантика основана на наблюдениях за их внешним видом и повадками.

Осетинский фольклор сохранил для нас связь тетерева со свадебной обрядностью, которая ясно обнаруживает себя в народной песне. В наши дни эта песня хорошо известна благодаря исполнению камерным хором «Арион» под управлением Ольги Джанаевой. Она так и называется «*Сау карк/Курица-чернушка*». Привожу слова этой народной песни:

Мæнæн иу мæ мад афтæ фæдзæхста:
«Карчътæй иу ма кæй аргæвд сау карк йеддæмæ»
Уай, уарæйдæ 'мæ уæйдæ-уарæйдæ,
Карчътæй иу ма кæй аргæвд сау карк йеддæмæ.
Мæнæн иу мæ мад афтæ фæдзæхста:
«Чызытæй иу ма кæй ракур сау лæгъз йеддæмæ».
Уай, уарæйдæ 'мæ уæйдæ-уарæйдæ,
Чызытæй иу ма кæй ракур сау лæгъз йеддæмæ.
Ауадз мæ, нана, хохмæ дын цæуын,
Хохы иу мæлинаг фæдтон, кургæ йæ кæнын.
Уай, уарæйдæ 'мæ уæйдæ-уарæйдæ,
Хохы иу мæлинаг фæдтон кургæ йæ кæнын.
Цæй-ма, фæсивæд, мæнæ хорз адæм,
Рацæут нæм, чындзæхсæвмæ хонгæ уæ кæнæм.
Уай, уарæйдæ 'мæ уæйдæ-уарæйдæ,
Рацæут нæм, чындзæхсæвмæ хонгæ уæ кæнæм!

(Так наставляла меня мать: // «Никогда не режь курицу, кроме чернушки». // Уай, уарайда ма уадай-уарайда, // «Никогда не режь курицу, кроме чернушки». // Так учила меня мать: // «Никогда не сватай девушку, если она не смуглянка». // Уай, уарайда ма уадай-уарайда, // «Никогда не сватай девушку, если она не смуглянка». // Отпусти меня матушка, поеду в горы, // Увидал я в горах одну зазнобу, засватаю ее. // Уай, уарайда ма уадай-уарайда, // Увидал я в горах одну зазнобу, засватаю ее. // Давайте-ка, молодежь, // Приходите к нам на свадьбу. // Уай, уарайда ма уадай-уарайда, // Приходите к нам, приглашаем вас на свадьбу!)

Следует упомянуть также и традиционный женский осетинский костюм, на вороте которого можно видеть стилизованное изображение двух птиц, сидящих на ветках мирового дерева, изображаемого посредством грудных застёжек (рис. 3).

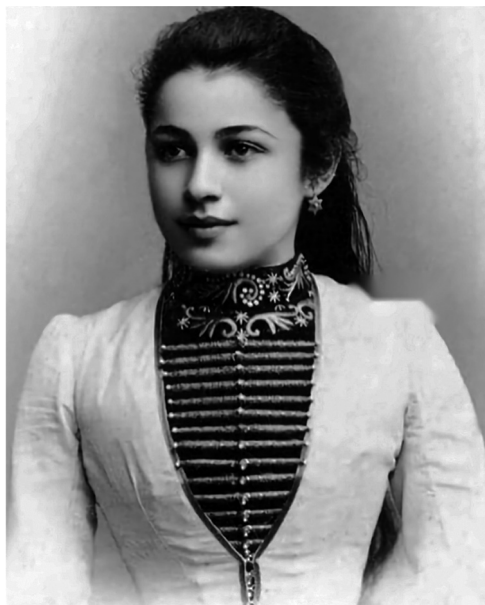

Рис. 3. Девушка-осетинка. Фотография начала XX в.

Таким образом, тетерев оказывается напрямую связан со свадебной обрядностью, что объясняет его появление на женском ожерелье. Отсутствие пары также не случайно, поскольку в роли «невесты» выступает усопшая, а привеска могла быть свадебным подарком жениха. Продолжая тему семейной обрядности, замечу, что черная курица связана с культом Владыки места (*Бынаты хицау/Бундор*), хорошо известным специалистам (*Салбиев, 2020*). В этом случае обозначается соотнесенность с потусторонним миром.

Танец

В числе так называемых осетинских традиционных «животных» танцев особое место занимает танец *Гогыз/Гогуз* (Индейка). Он так же, как и остальные танцы подобного рода, является подражательным по своей природе, имитирующим повадки животных (подробнее см.: *Алборов, 2005. С. 366–367*). Вместе с тем стоящий в центре танца образ индюка относится не к диким (голубям, медведям, оленям), а к домашним животным и потому никак не может быть связан с охотой.

Согласно описанию М. С. Туганова, который также приводит и рисунок его наиболее характерного движения, он носил шуточный характер и был призван развеселить собравшихся и снять напряжение, которое неизбежно возникало из-за осознания той высокой ответственности, которая ложилась на плечи участников общественных танцев, – ведь каждое их движение становилось предметом тщательного рассмотрения и последующего обсуждения. Вероятно, этим веселым, карнавальным характером следует объяснять и его популярность, что и стало причиной, по которой на него обратил внимание М. С. Туганов, включив его в перечень описанных им танцев и даже сделал зарисовку наиболее характерного движения (Туганов, 1977. С. 83–84) (рис. 4). Все же, несмотря на откровенно шуточный характер, изучение мифологического аспекта этого танца позволяет пролить свет на общие вопросы функции, семантики и происхождения осетинской хореографии в целом, которые и будут в центре внимания настоящей статьи.

Рис. 4. Танец «Индейка» (Гогыз). Зарисовка М. С. Туганова

Прежде всего следует заметить, что в целом шуточные танцы хорошо известны народам мира, и народы Кавказа в этом отношении не составляют исключения. Вместе с тем их шуточный характер не исключает, а, в некотором смысле, даже и предполагает, наличие значимых общекультурных особенностей. В этой связи можно указать на адыгскую традицию, в которой подобные танцы, согласно наблюдениям исследователей, помимо смеховой функции, также имеют и обучающую, и воспитательную, готовя исполнителей к серьезному репертуару (Кушу, 2018. С. 114). Нельзя в этой связи не вспомнить известную осетинскую детскую дразнилку, которая подтверждает справедливость приведенного высказывания. Не так давно, когда урбанизированность осетинского

социума еще не была столь велика как в наши дни, дети имели обыкновение, встав перед индюком, провоцировать его на своеобразный танец, повторяя речитативом несколько раз одну и ту же ритмизированную фразу: «*Гогыз кафын наэ зоны, аэз та зонын...*» (Индюк танцевать не у-ме-ет, а я у-ме-ю...). Так продолжалось до тех пор, пока индюк не начинал выказывать признаки раздражения, обычно он хохлился, недовольно мотая своим красным носом из стороны в сторону и грозно кудахча. И здесь танцующий индюк предстает в комическом свете, во время его исполнения танцоры в виде пантомимы изображали в комическом ключе ухаживания индюка за своей партнершей. Главная обучающая функция, специально облаченная в форму веселья и смеха, заключается в экспликации подражательного характера всей осетинской хореографии, наделении танца сюжетом и узнаваемыми участниками. Иначе говоря, детей подводят к мысли о том, что все танцы наделены не только определенным, но еще и глубоким смыслом.

Ключевую роль для постижения его смыслов и происхождения приобретает его название, которое фактически носит программный характер. В первую очередь, конечно, следует отметить его «брачную» семантику, поскольку общее композиционное построение танца предполагает ухаживания индюка. Однако этим, конечно, дело не ограничивается. Само осетинское название индейки – *gogyz/goguz*, согласно В.И. Абаеву, является не просто тюркским заимствованием, но еще достаточно поздним по своему происхождению и буквально значит «синяя птица» (Абаев, 1958. С. 522). Всем хорошо известно, что индейка была достаточно поздно завезена в Европу из Нового Света, где и была доместигирована. Тем не менее вряд ли могут быть сомнения в архаическом происхождении самого танца, о чем свидетельствует, в числе прочего, свойственный ему характер пантомимы. Весьма вероятно, что мы имеем дело с поздней трансформацией, ставшей результатом исторической эволюции и обеспечивающей его актуальность в культуре, соотнося его образы с известными в реальном хозяйственном быту весьма колоритными птицами.

В связи со сказанным следует полагать, что образ индюка является вторичным, поскольку всякая одомашненная птица имела своего изначального протагониста, который так и остался жить в дикой природе. На эту роль со всеми основаниями может претендовать тетерев, значительно меньший по своим размерам, но похожий на индюка и по своему внешнему виду, и по повадкам. Однако тетерев предстает благородной птицей, живущей на свободе в природе, и пенье его приятно для человеческого уха, тогда как индюшиное кудахтанье носит резкий, раздражающий человека характер. В целом индюк – с его напускной важностью и сердитым нравом – выступает в роли карикатуры на тетерева.

К счастью, помимо книжных описаний, до нас дошла и телевизионная запись танца, аутентичность исполнения которой не вызывает никаких сомне-

ний. Документальные кадры запечатлели для нас одно из выступлений фольклорно-этнографического ансамбля «Хъуыбады», участники которого выросли в живой традиции и сохраняли ее дух до тех пор, пока это было возможно. Солист – известный в республике танцор и хореограф Василий (Уагка) Джатиев. Одной из характерных примет этой записи следует считать фигуру ряженного, представленного образом обезьяны (*маймули*), мешающего исполнению танца и в конце падающего к ногам танцоров. В этом приеме можно видеть характерный элемент традиционного новогоднего колядования, когда ряженный «умирал» и оставался лежать на земле до тех пор, пока хозяева не одаривали своих гостей угощением. Получив искомое вознаграждение, ряженный вновь воскресал, знаменуя, по всей видимости, новогоднее обновление мира (*Уарзиати*, 2007. С. 485). Вовсе не случайно он оказался участником танца *Гогыз*, поскольку и здесь мы наблюдаем ясную соотнесенность с эпохой первотворения, когда еще нет непроходимой границы между людьми и животными, когда люди знают не только повадки, но и язык животных, благодаря чему становится возможным одомашнивание последних.

Нельзя не обратить внимание и на то, что вновь, так же как и в случае с образом индюка, мы имеем дело с поздней трансформацией, поскольку обезьяна представляет собой вид экзотического, «заморского» животного, используемого для расширения культурных рамок танца до вселенских масштабов, придания им универсального характера. Заслуживает упоминания и сам заимствованный характер ряженного – обезьяны не водились в местной природе. Но эта экзотичность и инородность лишь подчеркивают его «потустороннее» происхождение, трактуя его как элемент энтропии, регулируемое вторжение хаоса в пространство культуры. Как видим, в шуточном танце всерьез сведены не только наблюдения над повадками животных, но и сохранилось изначальное представление о единстве человека и природы. Образ ряженного, естественно дополняющий общую смеховую природу танца, позволяет соотнести его брачную семантику с календарными праздниками, придавая ему еще и вселенский масштаб обновления мира.

Обращение к кобанской бронзе может служить документальным подтверждением ритуально-мифологической составляющей, характерной для образа тетерева, которого в результате исторической эволюции вытеснил его заимствованный собрат – индюк.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И., 1950. Русско-осетинский словарь. М. 626 с.
Абаев В. И., 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. А – К. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 656 с.

Алборов Б. А., 2005. Осетинские танцы // Некоторые вопросы осетинской филологии. Кн. 2. Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие им. В. А. Гассиева. С. 359–382.

Козенкова В. И., 2004. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н. э. М.: Памятники исторической мысли. 220 с.: ил. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа; выпуск V).

Комаров Ю. Е., Липкович А. Д., 2000. Класс птицы // Природные ресурсы республики Северная Осетия – Алания. Т. 3. Животный мир. Владикавказ: Проект-Пресс. С. 62–198.

Кушу С. А., 2018. Шуточные танцы адыгов (черкесов). Майкоп: Полиграф-ЮГ. 124 с.

Салбиев Т. К., 2020. Семантика культа осетинского домового: проблема амбивалентности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. № 4. С. 60–66.

Туганов М. С., 1977. Осетинские народные танцы // Махарбек Туганов. Литературное наследие // Сост.: Д. А. Гиреев и Э. М. Туганов. Орджоникидзе. С. 68–94.

Уарзиати В. С., 2007. Диалог культур в творчестве Елбасдуко Бритаева // Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / Сост.: В. А. Цага-раев, Е. М. Кочиева. Владикавказ: Проект-Пресс. С. 474–489.

В. Т. Чшиев

ОБРЯД ВТОРИЧНОГО ЗАХОРОНЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ КОЛХИДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И РЯД РАННИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ АДАЙДОНСКОГО НЕКРОПОЛЯ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Обряд вторичного захоронения достаточно широко известен в памятниках колхидской культуры Кавказа. С разными вариациями он известен в погребальных памятниках этой культуры с эпохи поздней бронзы до эпохи ранней античности (Очерки истории Грузии, 1989; Скаков, 2006; 2011, Папуашвили, 2011). О.М. Джапаридзе отмечает наличие подобного обряда в сочетании с коллективными погребениями и наряду с обрядом полной или частичной кремации в таких колхидских могильниках, как Палури, Мухурча, близ Носири, у с. Ланчхути, в с. Нивгзиани. Также он указывает на существование «погребальных площадок» для большей части этих некрополей, что, по мнению ученого, свидетельствует о распространении этого обряда по всей Колхиде (Очерки истории Грузии, 1989. С. 138). В выделенном А.Ю. Скаковым Бзыбском варианте колхидской культуры исследователь отмечает разноплановые погребальные обряды и в том числе обряд вторичного захоронения (Скаков, 2006. С. 173). Кроме того, А.Ю. Скаков указывает на наличие таких захоронений в Гагринском могильнике (Скаков, 2006. С. 174).

Исследователи полагают существование вышеотмеченного обряда на территории Колхиды с эпохи средней бронзы вплоть до эпохи ранней античности. При этом прекращение использования этого обряда в эпоху ранней античности не повлекло за собой смену населения и изменение культурной атрибуции (Скаков и др., 2018. С. 254).

А.Ю. Скаков описывает обряд вторичных захоронений также на таких погребальных полях Колхиды, как Эргета 1, Эргета 2, Эргета 3 и Эргета 4, расположенных у одноименного села в нескольких километрах от берега моря, в Зугдидском районе Грузии (Скаков, 2011. С. 96–97). Еще один колхидский могильник, Дгваба, содержащий обряд вторичных захоронений, расположен

в с. Торса Дгваба Хобского р-на Грузии. Описывая памятник, А. Ю. Скаков отмечает такую примечательную деталь обряда, как наличие скоплений предметов погребального инвентаря рядом со скоплением костей (Скаков, 2011. С. 97). Кроме прочего, большой интерес, с точки зрения относительной хронологии и периодизации, трансформации погребального обряда колхидских некрополей, представляет описанный А. Ю. Скаковым Мухурчанский могильник. На этом некрополе находились две разноуровневые и разновременные погребальные площадки, из которых более ранняя была устроена по обряду вторичных захоронений, а более поздняя – по обряду кремации (Скаков, 2011. С. 99). Также наличие обряда вторичных захоронений без кремации (в ряде случаев и ней), представлявших собой находившиеся в могильных ямах «компактно расположенные группы предметов и костей», отмечено А. Ю. Скаковым на могильнике Горадзири в Сачхерском районе близ с. Корбоули (Скаков, 2011. С. 106).

Рассматривая обряд вторичного захоронения без кремации в Колхиде, А. С. Скаков связывает его появление «с культурным импульсом со стороны раннекобанских племен Центрального Кавказа» (Скаков, 2011. С. 108).

Важное значение имеет вывод А. Ю. Скакова о времени изменения обряда погребения в Колхиде. По мнению исследователя, примерно в VIII в. до н. э. на смену вторичным захоронениям без обряда кремации или с кремацией на стороне приходят вторичные захоронения с кремацией на месте (Скаков, 2011. С. 103).

Обряд вторичного захоронения ранее не был известен в древностях кобанской культуры Кавказа. В процессе наших раскопок Адайдонского могильника кобанской культуры, расположенного в высокогорье центральной части РСО – Алания (Чушев, 2007; 2008; 2012; 2021), нами был выявлен ряд ранних погребений, совершенных с использованием этого обряда (рис. 1, 2). Могильник находится на левом берегу р. Адайкомдон (Адайдон) близ с. Нижний Зарамаг Алагирского района Северной Осетии, на террасе, имеющей уклон к реке. Общая площадь могильника составляет около 6000 кв. м. На некрополе представлены последовательно захоронения протокобанского периода, эпохи классической Кобани и позднекобанского времени. Ранние гробницы Адайдонского могильника представляли собой каменные склепы подпрямоугольной и квадратной формы, впущенные в грунт. Стены гробниц выложены из валунов и рваного камня, перекрытия изготовлены из больших уплощенных плит черного сланца. Для этого периода бытования памятника характерны как коллективные захоронения в обширных гробницах, так и парные или, возможно, семейные, перекрытые одной массивной сланцевой плитой. Погребальный инвентарь ранних гробниц Адайдона, датирующихся серединой – началом второй половины II тыс. до н. э., представлен такими предметами, как бронзовые

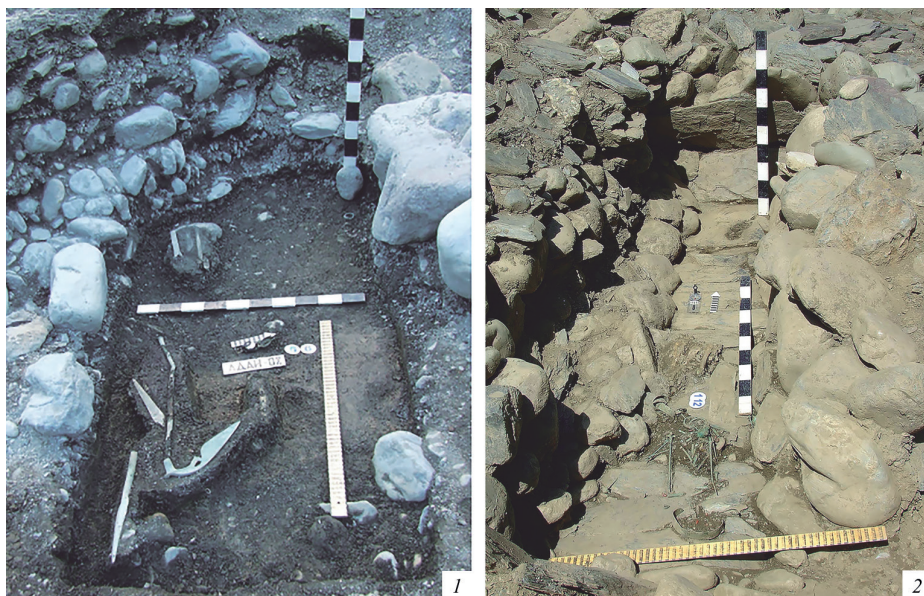

Рис. 1. Материалы Адайдонского некрополя.
1 – гробница № 56, 2 – гробница № 112

Рис. 2. Материалы Адайдонского некрополя.
1 – гробница № 112 (деталь), 2 – гробница № 72

Рис. 3. Бронзовые изделия из Адайдонского некрополя.
1, 3 – топоры-секиры; 2 – бляха-привеска

топоры-секиры типа Фаскау 7, Фаскау 8, по классификации С. Н. Кореневского (Кореневский, 1981. Рис. 8: 1–9, 19–20) (рис. 3: 1, 3), бляхи «крылатый баран» (рис. 3: 2) Из других датирующих предметов Адайдонского могильника могут быть названы клювовидные секиры-алебарды, булавки с конической головкой и отверстием в стержне, пятишишечные булавки с отверстием у основания головки и др.

Объединяет также ранние захоронения Адайдонского могильника и выше-рассмотренные колхидские памятники такая черта обрядности, как коллективность захоронений, произведенных с использованием вторичного погребения костей. Адайдонские гробницы с вторичными захоронениями представлены как случаями парных захоронений – мужчина и женщина (рис. 1: 1), так и гробницами, где захоронены от 4 до 10 и более индивидуумов. Еще одно сходство между Адайдоном и рядом колхидских могильников (Эргета 1, 2, 3, 4; Дгваба, Горадзири, Мухурчанский и др.) состоит в том, что, наряду с обрядом вторичного захоронения, в этих памятниках зафиксирован и обычай раскладывания погребального инвентаря в гробнице рядом со скоплением вторично захороненных костных останков (Скаков, 2011. С. 96).

Выявленные на основе анализа погребального обряда вышеотмеченные параллели свидетельствуют об определенной общности в идеологии, погребальной обрядности населения, оставившего обширный кобанский некрополь

Адайдон в высокогорье Северной Осетии, и такие памятники, как Эргета 1, 2, 3, 4; Дгваба; Горадзири; Мухурчанский; Нигвзиани колхидской культуры в эпоху поздней бронзы – раннего железа.

ЛИТЕРАТУРА

Корневский С. Н., 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука. С. 20–41.

Очерки истории Грузии. Т. 1. Грузия с древнейших времен до IV в. до н. э. / Ред.: Г. А. Меликишвили, О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 510 с.

Папуашвили Р. К., 2011. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы – раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа: сб., посвящ. юбилею В. И. Козенковой / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный: Ин-т гуманитар. исслед. Академии наук Чеченской Республики; М.: ИА РАН. С. 82–94.

Скаков А. Ю., 2006. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тез. докл. конф. / Отв. ред. И. М. Чеченов. Нальчик: Ин-т археологии Кавказа. С. 172–175.

Скаков А. Ю., 2011. Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа: сб., посвящ. юбилею В. И. Козенковой / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный: Ин-т гуманитар. исслед. Академии наук Чеченской Республики; М.: ИА РАН. С. 95–113.

Скаков А. Ю., Хондзия З. Г., Джошуа А. И., 2018. Новая находка элитного комплекса эпохи раннего железа в Абхазии // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: материалы междунар. науч. конф. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск. С. 254–257.

Чишев В. Т., 2007. Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Т. 1 / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитар. и соц. исслед. им. В. И. Абаева. С. 178–293.

Чишев В. Т., 2021. Адайдонский некрополь – памятник эпохи поздней бронзы – раннего железа Большого Кавказа // Вестник Владикавказского научного центра РАН. № 3. С. 6–10.

Чишев Х. Т., 2008. Раскопки Адайдонского могильника кобанской культуры в 2006–2007 гг.: Предварительные итоги исследования // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии

Северного Кавказа: тез. докл. / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитар. и соц. исслед. им. В. И. Абаева. С. 376–380.

Чишев Х. Т., 2012. Эпоха поздней бронзы – раннего железа Северной Осетии. Кобанская культура // История Осетии. Т. 1 / Отв. ред.: С. А. Айларова, А. Г. Кучиев. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитар. и соц. исслед. им. В. И. Абаева. С. 53–88.

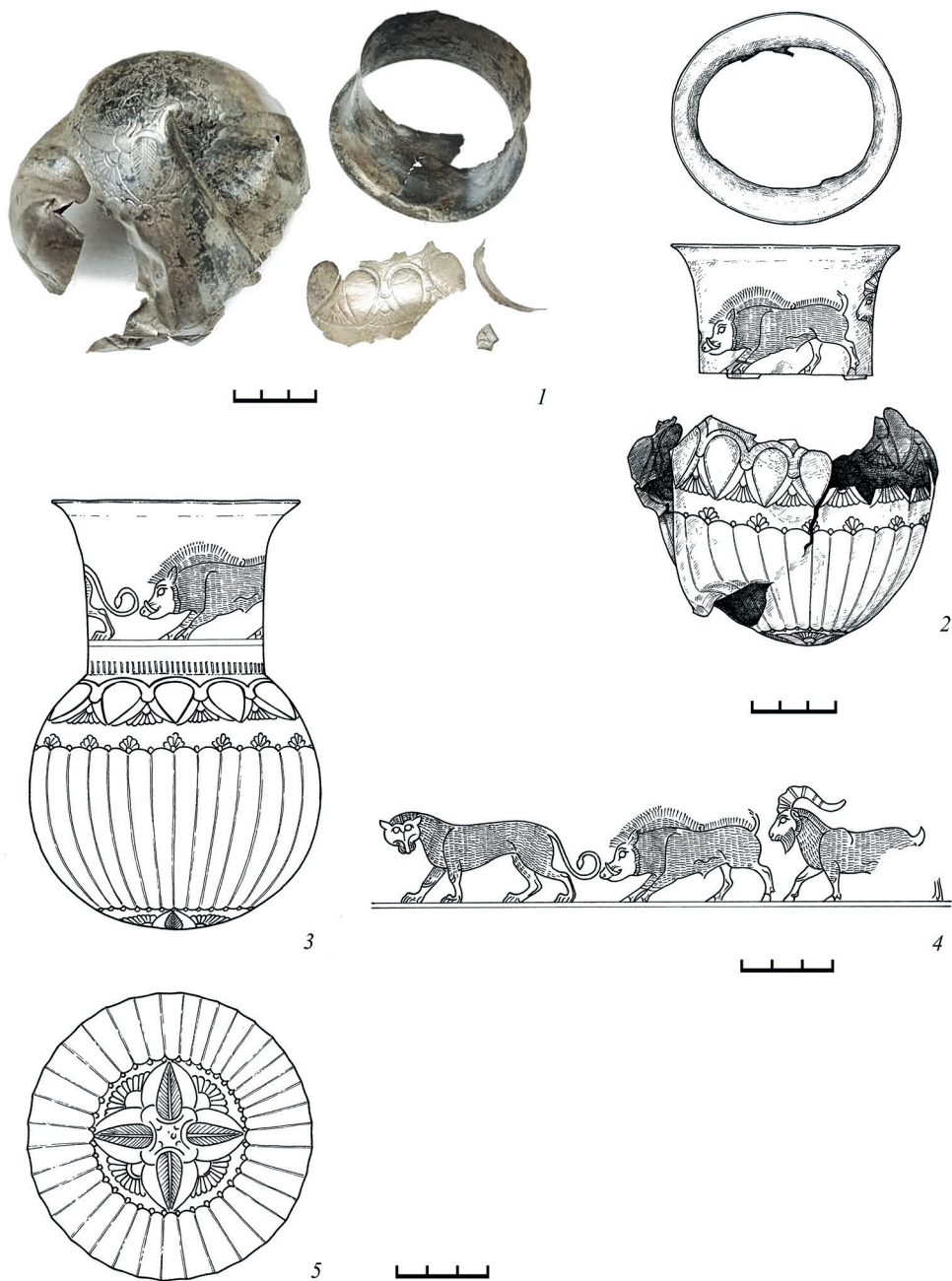
В. Р. Эрлих, А. И. Джопуа, **А. Ю. Скаков**

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОК ИЗ СЕЛА АЧАНДАРА

В конце января 2018 г. житель села Ачандара Гудаутского района Абхазии Рустам Чхабелия при обработке своего участка в поселке Цоухуа обнаружил богатое мужское погребение, в которое входили бронзовый шлем, наколенники копий, фрагменты двух железных мечей, девять золотых колхидских украшений (гривна, парные серьги, четыре перстня, две пронизи в виде львов), а также фрагментированный серебряный сосуд. Уже в феврале этого года находчик передал эти материалы в Абхазский государственный музей, а в 2019 г. погребение было доследовано экспедицией под руководством А. Ю. Скакова и А. И. Джопуа. Во время этих работ были обнаружены часть скелета и бронзовый сосуд (Скаков, 2019).

В настоящем докладе речь пойдет о фрагментированном серебряном кубке, который был передан Р. Чхабелия вместе с остальными находками (рис. 1: 1, 2). Круглодонный кубок выполнен техникой выколотки (репуссе) по деревянной форме-основе. Судя по графической реконструкции, сделанной сотрудником ИА РАН К. С. Окороковым, он имеет округлое тулово и цилиндрическое горло с отогнутым краем (рис. 1: 3). Высота кубка – ок. 13,5 см, диаметр тулова – 9,5 см.

Сосуд богато украшен. На дне сосуда располагается розетка, образованная крестообразно чередующимися бутонами и цветками лотоса (рис. 1: 5) Нижняя часть тулова представляет полураскрывшийся бутон, образованный каннелюрами в форме лепестков. Из пространства между лепестками в верхней части «произрастают» пятилепестковые розетки, которые чередуются с полуовами. В верхней части тулова, по его «плечикам» проходит фриз – гирлянда, сочетающая цветы и бутоны лотоса, направленные вниз. Переход к горлу украшен пояском насечек. На горле расположен фриз в виде шествия зверей – кошачьего хищника (львицы?), кабана и горного козла (рис. 1: 4). Все животные даны в профиль, лишь морда хищника повернута *en face*. Туловища копытных, как и туловище хищника, покрыто густыми насечками, имитирующими шерсть.

Рис. 1. Серебряный кубок из Ачандары.

1 – фото; 2–4 – рисунки и реконструкция К. С. Огорокова

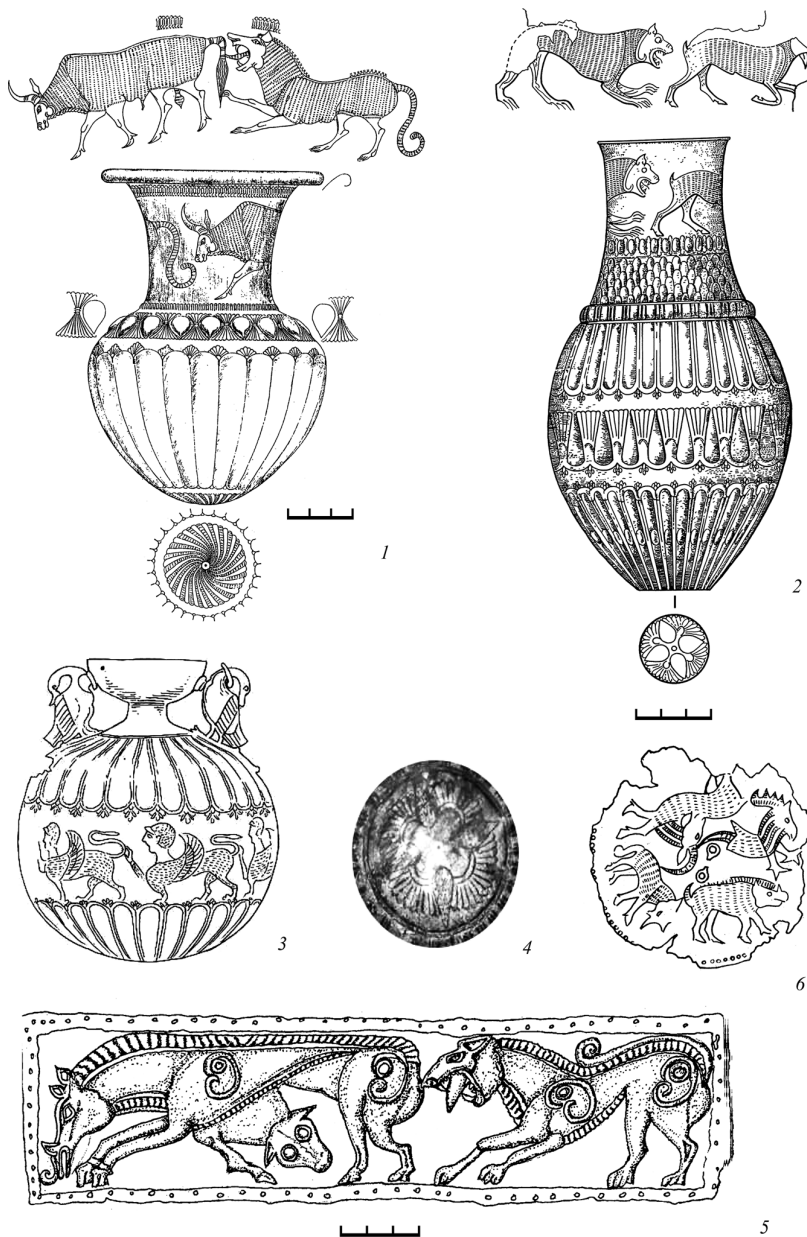
Следует отметить, что этот сосуд по ряду признаков можно соотнести с продукцией колхидской мастерской, работающей в духе ахеменидско-лидийской традиции. К продукции этой же мастерской также можно отнести кубок из погребения 13 могильника Саирхе (ущелье р. Квирилы в Сачхерском районе Грузии), арибалл из п. 11 Вани, а также кубок из кургана-святилища 1 у аула Уляп (рис. 2: 1–3) (Treister, 2007; Эрлих, 2011). Общим для этих сосудов является имитация тулова сосуда как полураскрывшегося бутона, розетки на дне и фризы с шествием животных или фантастических существ. По ряду декоративных элементов эти сосуды «перекликаются» между собой. Так, например, по форме тулова, декору его нижней части и сочетанию «гирлянда над бутоном» ачандарский кубок ближе всего кубку из Саирхе (рис. 2: 1). В то же время по форме крестовидной розетки на дне сосуда он близок уляпскому кубку (рис. 2: 2). Крестовидная схема, образованная бутонем и цветком лотоса, имела и на дне арибалла из п. 11 в Вани. У последнего, однако, цветки лотоса образуют мощный крест с расширяющимися концами, а бутоны – маленькие и узкие (рис. 2: 4). Эта же крестовидная схема, заключающаяся в сочетании бутона и цветка лотоса, в более усложненном и модифицированном виде представлена на дне фиалы из Ахалгорийского клада и дне серебряных сосудов из Далбоки во Фракии (Ашмолиан-музеум) (Treister, 2007. Fig. 10: 3; 12: 5, 6). Возможно, что истоки этой крестовидной схемы могут находиться в лидийском орнаменте. Так, например, на многочисленных маленьких золотых бляшках из Топ-Тепе двух разновидностей мы прослеживаем близкую крестовидную схему, где миндалевидные «бутоны» лотоса чередуются с округлыми. Однако здесь отсутствуют лепестки (Özgen, Öztürk, 1996. Cat. 117, 118).

Следует отметить, что у розетки ачандарского сосуда на бутоны наложены изображения, напоминающие листики (рис. 1: 5). Возможно, мастер так хотел показать «лопнувший», раскрывающийся бутон.

Сплошной рубчик при переходе тулова к горлу у ачандарского сосуда ближе рубчику кубка из Саирхе (рис. 1: 1; 2: 1).

Отличительной чертой фриза с животными публикуемого сосуда от фризов на кубках из Саирхе и Уляпа является то, что кошачий хищник не преследует копытное с открытой пастью, а спокойно шествует и повернул морду к зрителю. Следует отметить, что в графическом исполнении подобный прием нам неизвестен. В качестве аналогии мы можем привести изображение на пластине, происходящей из того же погребения 13 некрополя Саирхе, откуда происходит и кубок. Здесь техникой выколотки нанесено изображение со сценой преследования хищником кабана. Из-под брюха последнего выглядывает копытное (теленоч?), чья морда также обращена к зрителю (рис. 2: 5) (Maxaradze, Tsereteli, 2007. P. 91. Fig. 83). В то же время у всех изображений животных на сосудах этой группы имеется много общих черт в передаче

Рис. 2. 1 – Кубок из п. 13 Саирхе (по: *Maxaradze, Tsereteli, 2007*); 2 – Кубок из кургана 1 у аула Уляп (рисунки Н. С. Сурвилло); 3, 4 – Арибалл и розетка на его дне из п. 11 Вани (по: *Treister, 2007*; Вани I. 1972); 5 – пластина из п. 13 Саирхе (по: *Maxaradze, Tsereteli, 2007*); 6 – крышка ситутлы из п. 11 Вани (по: Вани I. 1972)

шерсти животных, коротких хвостиков у козлов, ног копытных и лап хищников. Вне всякого сомнения, иконография животных на фризах из Саирхе, Уляпа и Ачандары имеет анатолийские корни. Например, форма передачи морд хищника и быка, хвостов быка и козла, ног копытных, трактовка шерсти животных близка к животным, изображенным на сосуде из Гордиона (Tumulus P), датирующегося концом VIII – началом VII в. до н. э. (The Museum Anatolian Civilization. P. 167. Fig. 267).

Пока уникально изображение кабана на фризе ачандарского кубка, у которого в отличие от всех других животных по верхнему контуру изображения показана вертикальными и наклонными линиями густая шерсть на загривке и крупе. Таким же образом, только более схематично, изображен кабан на крышке типично колхидской бронзовой ситулы из п. 11 Вани, откуда происходит и серебряный арибалл (рис. 2: б). В качестве аналогии мы также можем привести изображение кабана на уже упоминавшейся пластине из Саирхе, где у кабана показана шерсть вертикальным рубчиком (рис. 2: 5).

Традиция украшать серебряные сосуды гравированными фризами со сценами с участием животных характерна для торевтики Лидии VI в. до н. э., где на сосудах разной формы встречены фризы с изображением животных либо воинов. Это алабастры из Икиз-Тепе и Басмаджи, скифос из бывшей коллекции Кеворкяна (*Özgen, Öztürk*, 1996. Cat. 78, 228; *Treister*, 2007. Fig. 7: 2–3). Картографирование сосудов с гравированными фризами, произведенное М. Ю. Трейстером, показывает явный вектор в направлении Кавказа, где сосуды с гравированными фризами лидийского производства (либо выполненные в лидийской традиции, предположительно, ахеменидскими мастерами) встречены в колхидских погребениях первой половины V в. до н. э. в могильниках Вани и Саирхе (*Treister*, 2007. P. 75. Fig. 6). Именно торевтика Лидии, по мнению этого исследователя, оказала значительное воздействие на сложение колхидской школы торевтики (*Treister*, 2007. P. 67–83). Один из авторов этой статьи высказывал предположение о существовании в Закавказье мастерской, работающей в духе лидийской художественной традиции, вероятно, созданной лидийскими мастерами, переселенными ахеменидами на Южный Кавказ после падения Лидии в 546 г. до н. э. (*Эрлих*, 2011. С. 40–43). Очевидно, что эта мастерская выполняла и заказы и для меотской элиты, о чем свидетельствует ряд изделий, обнаруженных в Ульских курганах (*Эрлих*, 2013). Возможно, продукцией этой мастерской являлся и недавно опубликованный Т. В. Рябковой культовый серебряный сосуд на подставке, купленный Н. И. Веселовским в Майкопе и хранящийся в фондах Эрмитажа. Гравированные изображения на нем наиболее близки изображениям на арибалле из п. 11 Вани (сфинксы) и Икиз-тепе (петухи) (*Рябкова*, 2021. С. 94–99. Рис. 4). Начало функционирования этой мастерской, по-видимому, можно отнести к концу VI – первой половине V в.

до н. э., судя по комплексу п. 13 могильника Саирхе, в котором встречены как вещи, произведенные еще лидийскими мастерами, так и типично колхидская ювелирная продукция, а также чернолаковый килик, датирующийся не позднее второй четверти V в. до н. э. (см.: Эрлих, 2013. С. 228, прим. 6). Мы не исключаем, что в это же время был изготовлен и кубок из ачандарского комплекса. Сам же комплекс этого одного из самых богатых колхидских погребений в Абхазии требует отдельного анализа и скорейшей публикации.

ЛИТЕРАТУРА

- Вани. I. Археологические раскопки 1947–1969. Тбилиси, 1972.
- Рябкова Т. В., 2021. Малоазийские предметы в раннескифских памятниках Закубанья // Восток (Oriens). № 6. С. 90–101.
- Скаков А. Ю., 2019. Ткуарчальская археологическая экспедиция [Электронный ресурс]. URL: www.archaeolog.ru/ru/expeditions/expeditions-2019/tkuarchal-skauya-arkheologicheskaya-ekspeditsiya (дата обращения: 06.09.2023).
- Эрлих В. Р., 2011. Два серебряных сосуда из святилищ у аула Уляп // От палеолита до средневековья: сб. науч. ст. М.: Ист. фак. МГУ. С. 39–50.
- Эрлих В. Р., 2013. Продукция переднеазиатских и закавказских мастеров из Ульских курганов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. М.: Памятники исторической мысли. С. 217–236.
- Maxaradze G., Tsereteli M., 2007. Sairkhe. Tbilisi: Georgian National Museum. (На груз. яз., рез. на англ. яз.).
- Özgen I., Öztürk J., 1996. Heritage Recovered. The Lydian Treasure. Istanbul: Ana Basim.
- The Museum of Anatolian Civilization. Ankara.
- Treister M. Ju., 2007. The Toreutics of Colchis in the 5th–4th Centuries BC. Innovations, local traditions, outside influences // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 13.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Березин Яков Борисович

Научно-исследовательский институт и Музей антропологии МГУ, Москва
yakov_berezin@mail.ru

Брилева Ольга Александровна

Институт археологии РАН, Москва
helga_brileva@mail.ru

Геворкова Диана Артёмовна

Институт археологии РАН, Москва
gevorkova.99@mail.ru

Джопуа Аркадий Иванович

Абхазский государственный музей, Сухум (Абхазия)
arkadi100@rambler.ru

Журавлев Денис Валерьевич

Государственный исторический музей, Москва
denzhuravlev@mail.ru

Канторович Анатолий Робертович

Московский государственный университет, Москва
kantorovich@mail.ru

Кашуба Майя Тарасовна

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
mirra-k@yandex.ru

Колганова Галина Юрьевна

Государственный музей изобразительных искусств, Москва
kolganova_gy@mail.ru

Корневский Сергей Николаевич

Институт археологии РАН, Москва
skorenevskiy@yandex.ru

Коробов Дмитрий Сергеевич

Институт археологии РАН, Москва

*dkorobov@mail.ru***Луньков Владимир Юрьевич**

Институт археологии РАН, Москва

*vlunkov69@yandex.ru***Маслов Владимир Евченьевич**

Институт археологии РАН, Москва

*maslovlad@mail.ru***Палагута Илья Владимирович**

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия,

Санкт-Петербург

*ipalaguta@yandex.ru***Пелих Алексей Леонидович**

Армавирский государственный педагогический университет, Армавир

*pelich1976@mail.ru***Райнхольд Сабина**

Берлин (Германия)

*sabine_reinhold@hotmail.com***Салбиев Тамерлан Казбекович**

Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ

*galabu054@gmail.co***Старкова Елена Генриховна**

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

*astarkova2012@yandex.ru***Чшиев Владимир Таймуразович**

Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ

*hacht@mail.ru***Эрлих Владимир Роальдович**

Государственный музей искусства народов Востока, Москва

verlikh@bk.ru

Научное издание

**СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР
ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО РЕГИОНА:**

Материалы конференции, посвященной памяти А. Ю. Скакова

Дизайн и верстка: М. Б. Рассаднев
Обложка Н. С. Сафроновой

Подписано в печать 17.11.2023. Формат 70×100/16
Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 150 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-416-6

9 785943 754166